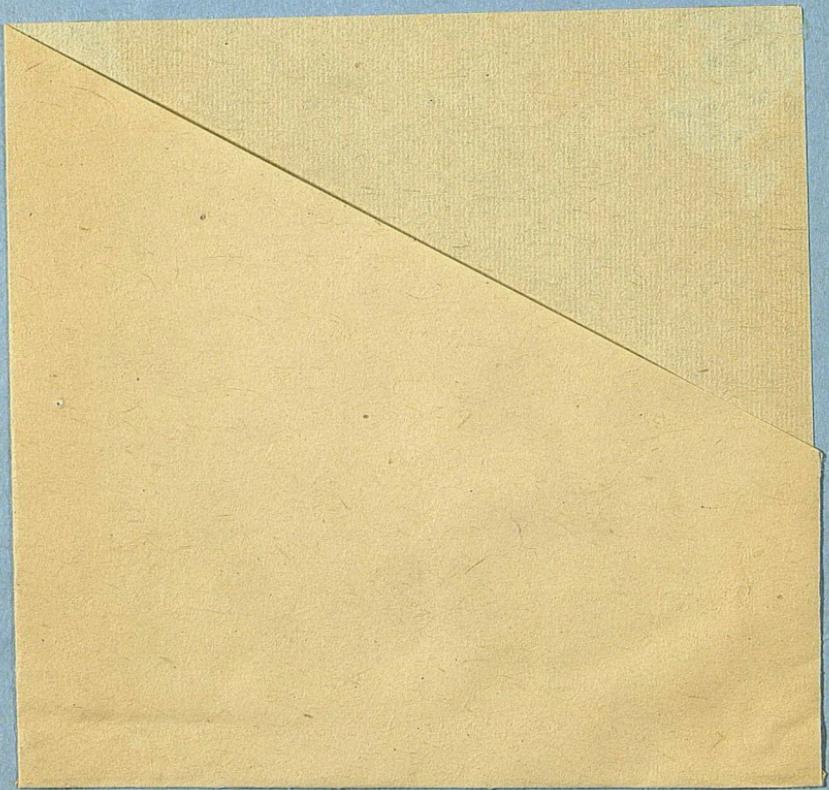

V 571
99

1893

У 571
—
99

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ШАМАНСТВА ВЪ СИБИРИ.

Н. Н. АГАПИТОВА И М. Н. ХАНГАЛОВА.

ШАМАНСТВО У БУРЯТЬ ИРКУТСКОЙ
ГУБЕРНИИ.

Иркутскъ.

1883.

Типографія Н. Н. Синицына.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

У 571
99

7638-62

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ШАМАНСТВА ВЪ СИБИРИ.

Ж. Ж. Агапитова и М. Ж. Хангалова.

Шаманство у бурятъ Иркутской губернії*)

I. БОЖЕСТВА.

Верховными божествами у бурятъ шаманистовъ почитаются такъ называемые *тэнээринъы*, небесные боги, мѣстообитаніе которыхъ находится на видимомъ небѣ. Одухотвореніе вещественнаго предмета, въ данномъ случаѣ неба, обнаруживаетъ значительную

*) Примѣчаніе. Считаю необходимымъ объяснить происхожденіе предлагаемой работы. Въ 1880 году бывшій воспитанникъ Иркутской Учительской Семинаріи, а тогда уже учитель Кудинскаго инородческаго училища, М. Н. Хангаловъ прислалъ мнѣ большихъ размѣровъ рукопись, въ которой описывались обрядъ посвященія въ шамана и похоронные обряды послѣ смерти шамана. Ознакомившись съ содержаніемъ рукописи, я нашелъ, что для того, чтобы взяться за редакцію ея, необходимо самому лично ознакомиться на мѣстѣ съ обрядами, а съ другой стороны, что напечатать описанія только однихъ обрядовъ посвященія и похоронъ шамана недостаточно, такъ какъ бурятская мифология въ литературѣ совершенно не разработана. Имѣя это въ виду, я предложилъ Распорядительному Комитету Восточно-Сибирского Отдѣла Географического Общества въ 1881 году командировать меня къ байкальскимъ, балаганскимъ и идинскимъ бурятамъ для ознакомленія съ ша-

2007337959

высоту въ развитіи религіозной идеи, но, какъ всегда, почитаніе самаго предмета составляло первую ступень и слѣды обоготворенія его встрѣчаются еще и на этой высшей ступени, но только въ преданіи, священной пѣснѣ или въ какой-либо другой формѣ. Такъ напр. у бурятъ балаганскихъ небо всегда изображается на онгонахъ (священныхъ изображеніяхъ) въ видѣ дугообразной черты, по концамъ которой располагаются солнце и луна; отъ черты внизъ иногда отходять короткіе лучи и подъ ними облако. Но нынѣ обоготворяется не вещественное небо, а личныя божества, только живущія на небѣ и время отъ времени входящія въ сношеніе съ людьми и различно проявляющія свою волю и власть. Мнѣ неизвѣстно, чтобы кромѣ вышеописанного изоманствомъ, а равно и для археологическихъ наблюденій, такъ какъ были получены свѣдѣнія о находженіи въ Кудинскомъ вѣдомствѣ городищъ и начертаній красной краской на утесахъ. Предложеніе мое было принято и поѣздка состоялась въ сопровожденіи г. Ханголова; но такъ какъ работы оказалось много у прибайкальскихъ бурятъ, то въ балаганское и идинское вѣдомства поѣздка отложена была до слѣдующаго лѣта 1882 года, когда я посѣтилъ только балаганскихъ бурятъ. Предметами изслѣдованія, кромѣ шаманства, были остатки прежнихъ обитателей — въ видѣ ихъ могиль, памятниковъ, изсѣченій на скалахъ, городищъ и долбленныхъ камней, найденныхъ въ Кудинскомъ и Ольхонскомъ вѣдомствѣ; въ 1882 году на р. Унгѣ (Балаган. окр.) осмотрѣна степь съ многочисленными остатками каменного и желѣзного вѣка. Первые находки описаны въ Извѣстіяхъ Отдѣла, Т. XII, №№ 4—5, вмѣстѣ со статьей о каменныхъ орудіяхъ, доставленныхъ Г. Хангаловымъ съ р. Унги; результаты моего осмотра Унгинской степи будутъ напечатаны вслѣдъ за настоящей статьей.

Что-же касается до шаманства, то материалиы собирались какъ отъ шамановъ, такъ и отъ опытныхъ стариковъ; при всякомъ удобномъ случаѣ осматривались онгоны, принад-

браженія неба существовали изображенія личныхъ небесныхъ боговъ, но жизнь этихъ существъ по представлению бурятъ ничѣмъ не отличается отъ жизни богатаго бурята на землѣ; боги эти имѣютъ женъ (обыкновенно одну?) и нѣсколько дѣтей, причемъ преобладаютъ сыновья; они владѣютъ многочисленными стадами всякаго скота и табунами лошадей. Идея о богатствѣ тэнгэриновъ скотомъ могла возникнуть вслѣдствіи многочисленныхъ жертвъ различными животными и посвященія живыхъ животныхъ, приносимыхъ вѣрющими бурятами.

Но эта-же идея могла возникнуть вслѣдствіи уподобленія звѣздъ, а также облаковъ скоту—коровамъ, овцамъ, что часто встречается въ греческихъ мифахъ.

Число всѣхъ тэнгэриновъ 99; число 9 и кратные отъ 9 въ бурятской мифологіи играетъ очень

лежности шамана, причемъ дѣлались рисунки, а модели онгоновъ заказывались шаманамъ; тщательно записывались имена божествъ и призыванія со словъ шамана, а въ балаганскомъ вѣдомствѣ сами шаманы при насть на бумагѣ рисовали онгоны; затѣмъ мы присутствовали въ курумчинскомъ улусѣ при обрядѣ посвященія шамана и нѣсколько разъ были на талганѣ. Г. Хангаловъ оказывалъ во все время поѣздки неоцѣнимыя услуги въ качествѣ переводчика и лица, интересующагося предметомъ изслѣдованія; результаты поѣздокъ были такъ разнообразны и неожиданны, что г. Хангаловъ, природный бурятъ, сознался что „вотъ онъ думалъ, что совсѣмъ хорошо знаетъ религию своего народа, а на дѣлѣ открылось много такого, чего онъ не подозревалъ“.

Матеріалами для нашей работы были кромѣ личныхъ наблюдений и распросовъ во время поѣздки вышеуказанная рукопись г. Хангалова о шаманскомъ тѣломытии и погребеніи, и также отдельные замѣтки г. Хангалова, которая опѣ присыпалъ для разясненія того или другаго вопроса.

H. Арапитовъ.

видную роль. Изъ 99 тэнгэриновъ 54 западныхъ добрыхъ и старшихъ и 44 восточныхъ, младшихъ и враждебныхъ бурятамъ; одно небо Сэгэнъ-Сэбдэк сначала не принадлежало ни къ западнымъ, ни къ восточнымъ небамъ, а находилось на границѣ и составляло *обо* (граница); восточные тэнгэрины, какъ меньшіе числомъ просили уступить имъ это *обо*, но западные не отдали и потому присоединили къ себѣ, и стало ихъ 55.

Главное мѣсто между западными тэнгэринами принадлежитъ *Заян-саган-тэнери* (у кудинскихъ бурятъ) и *Хан-Тюрмасъ* (у балаганскихъ). Глава восточныхъ тэнгэриновъ *Хамхир-Богдо* (у кудинскихъ бурятъ) и *Ата-Улан* (у балаганскихъ). Вѣроятно потому, что высшія божества слишкомъ священны и рѣдко проявляютъ свою дѣятельность, въ мифологии бурятъ болѣе видную роль играютъ дѣти тэнгэриновъ, дальнѣйшее нисходящее потомство ихъ и наконецъ обыкновенные люди, за свои достоинства достигшіе общенія съ богами и сдѣлавшіеся посредниками между недоступными, далекими божествами — тэнгріями и людьми*).

*) Такъ у неба Заянъ-Сагана было три сына, одного изъ нихъ звали *Бохо-Муя*; у восточного неба Хамхир-Богдо (разсказывается со словъ умершаго уже кудинскаго шамана Манжу и другихъ кудинскихъ бурятъ) былъ сынъ *Бохо-Тэли*. Этимъ двумъ сыновьямъ тэнгэриновъ приписывали совмѣстное изобрѣтеніе искусства ковать желѣзо. Изъ за того, что *Бохо-Муя* отнялъ кузницу, устроенную *Бохо-Тэли* и содѣйствовалъ переходу къ западнымъ небамъ пограничнаго неба (*обо*) — Сэгэнъ-Сэбдэкъ, между восточными и западными тэнгріями въ лицѣ ихъ потомковъ возгорѣлая вражда, которая служить символомъ борьбы востока съ западомъ или Китая (востокъ) и Россіи.

Вслѣдствіи отсутствія у шаманистовъ литературы, все религіозныя идеи основываются на устномъ преданіи, отчего въ различныхъ родахъ и даже отдельныхъ улусахъ наблюдается многое своеобразнаго, особенно по отношенію къ именамъ божествъ, мѣстностей, степени родства мифологическихъ личностей.... По этому же въ высшей степени затруднительно составить полный списокъ именъ даже са-

Сыновья западнаго неба Заян-Саган спустились съ неба на землю въ мѣстности Обёр-Боксо (въ Монголіи) и оставались тамъ нѣкоторое время, когда Бохо-Муя (Бохо—богатырь, муя — буйный) узналъ что, Бохо-Тэли (Тэли — средній), также спустился на землю, чтобы преслѣдовать его и обратился въ пестраго пороза (быка), (тарал-эрэн-буха), то Бохо-Муя посовѣтовалъ своимъ 2 братьямъ возвратиться на небо, а самъ остался, обратился въ сиваго пороза, буквально въ темно-синяго (хара хохъ буха) и побѣжалъ отъ своего преслѣдователя черезъ горы *Горхон-Ула*, черезъ порогъ *Зст-Волён* (на Селенгѣ (?), потомъ обошелъ кругомъ Байкала черезъ горы *Обор-Ултай* и остановился ва равнинѣ *Талли*, ожидая противника и про себя говоря, если упаду на спину, то будетъ Бѣлый царь, (Арайн-Саган-Хан или Арайн-Богдо-Хан), а если на брюхо, то Монгольскій Царь (Обдори-Богдо-Хан). Противники сошлись и начали бодаться, но Бохо-Муя притворился слабымъ и позволилъ себя перекинуть черезъ голову, причемъ упалъ на спину (слѣдовательно побѣдить Бѣлый Царь), затѣмъ всталъ и ушелъ. Пестрый порозъ только тогда узналъ, что онъ вторично обманутъ Бохо-Муя (первый разъ онъ лишился кузницы), а также о предсказаніи торжества Бѣлаго Царя. Между тѣмъ Бохо-Муя превратился въ каменнаго быка; нагнавшій его Бохо-Тэли, пестрый быкъ, не замѣтивъ этого превращенія, боднулъ его разъ и прокололъ себѣ рогомъ губу, боднулъ другой разъ прямо въ лобъ и раскололъ себѣ лѣвый рогъ. Обманутый пестрый порозъ рѣшилъ прекратить борьбу и уходя сказалъ: „гунап бухадаш хөрик хэхэб, гунжа унендэш хунила хэхэб“ (3-хъ годовой порозъ будетъ имѣть расколотый рогъ, а 3-хъ годовая корова будетъ имѣть больные сосцы) и прибавилъ: „миѣ наравнѣ съ тобою будутъ приносить жертвы“. Бохо-Тэли, удалившись къ вос-

мыхъ важныхъ божествъ — тэнгэриновъ; нѣтъ надобности упоминать, что такого готоваго списка у са-михъ шамановъ не существуетъ; его необходимо еще составить, и для примѣра приведу имена, ко-торыя удалось собрать. Особенно интересенъ ниже-приводимый списокъ 10 западныхъ тэнгэриновъ.

Родоначальникомъ между ними былъ *Оёрз-Монхын-Тэнэри*^{*)} т. е. небо, вѣчное дно — оче-видно, подъ этимъ именемъ разумѣется голубой сводъ

тому, сдѣлался небомъ *Гужир* (нѣкоторые небо Гужиръ счита-ютъ западнымъ см. ниже); потому онъ женился на дочери западнаго неба *Тум-Ногон-Духа*, отъ которой имѣлъ 4 сынов-вей: 1) Эрлэн-Хана, 2) Гэгэн-Бурхана, 3) Дала-Лама и 4) хо-зяина острова Ольхона Хан-Хута-Бабай; нѣкоторые второе и третье лицо сливаютъ въ одно, но вѣрнѣе, ихъ раздѣлять, потому что потомство Буха-Тэли называются *тогохи дёрбөн* (Тугутовы четыре); тогол — теленокъ (см. словарь Кастрена, стр. 150).

Бохо-Муя, сынъ западнаго неба Заян-Сагана, счастли-вый соперникъ *Бохо-Тэли*, остался на землѣ и удалился на высокія снѣжныя Тункинскія горы „Мундарга“; на дорогѣ, по которой онъ шелъ, отъ его выдѣленіи выросъ пихтовый лѣсъ и верескъ (*Ledum palustre*), эти растенія поэту считываются священными и употребляются при всѣхъ обрядахъ и для очи-щенія; тамъ же, гдѣ *Бохо-Муя* лежалъ и катался, осталось изо-брженіе быка изъ камня. Тотъ-же самый *Бохо-Муя*, подъ именемъ *Буха-Ноён-Бабай*, считается творцомъ и покровите-лемъ бурятъ. Впослѣдствіи *Боха-Муя* или *Буха-Ноён-Бабай* женился на дочери неба *Эсэгэ-Малань-Тэнгэри*, Буданъ-хатун-иби и произвелъ на свѣтъ 9 сыновей и 1 дочь, которая вышла замужъ за сына Эрлэн-Хана *Шэлбэндэр-Саган-Мишиши*; отъ этого брака родился сынъ *Сандал-Ноён-Мишиши*.

Мужское потомство *Буха-Ноён-Бабая* образовали Запад-ный Хатъ — или западныхъ царей. Хаты въ бурятской мифо-логіи занимаютъ второе мѣсто послѣ тэнгэриновъ.

^{*)} *Оеръ-дно, монхонъ* — сосудъ (см. словарь Кастрена 173 стр.)

неба, вѣчный, неизмѣнныи; тучи только закрываютъ его, но не измѣняютъ; разгонитъ вѣтеръ тучи и синее небо по прежнему ясно и неподвижно.

Оеръ-Монхын-Тэнгэри имѣлъ 9 сыновей:

- 1) Манхай¹-Малан²-Тэнгэри.
- 2) Ишхыргигэ танъхабый Ишхе Багин³-тэнгэри, т. е. небо столь богатое (потомствомъ), что не знаетъ всѣхъ своихъ потомковъ.
- 3) Эсэгэ-Малан-тэнгери, т. е. небо плѣшивый отецъ.
- 4) Гужир-саган-тэнгэрн, т. е. небо—блѣлый гужиръ.
- 5) Галта-улан-тэнгэри, т. е. огненно-красное небо.
- 6) Яшил⁴ саган-тэнгэри.
- 7) Сарь-саган-тэнгэри Сахилагата⁵ Будал, — т. е. небо, низводящее блѣющую молнию.
- 8) Хухыдой⁷ Моргон⁸, Хылто-хатун, Хурсай-хобун⁹.

¹⁾ Эсть слово Манхай,—кожа на головѣ (Кастренъ—стр. 172).

²⁾ Малан—плѣшивый.

³⁾ Багин—богатство.

⁴⁾ Яшил—такъ называются бронзовыя вещи, упавшія съ неба.

⁵⁾ Сахилагата—молніеносный.

⁶⁾ Сарь—какой-то блѣлый металль, вещи изъ которого вырываются изъ земли.

⁷⁾ Хухѣ—синій.

⁸⁾ Моргон—мѣткій.

⁹⁾ Какъ увидимъ ниже Хухѣдой-Моргонъ, Хылто-хатунъ, его жена, Хурсай-саганъ—и небо, поставленное выше подъ № 7. Сарь-саганъ-тэнгэри считается у бурятъ производителями грома.

9) Будургу¹⁰ саган-тэнгэри.

Изъ приведенного перечня именъ тэнгериныхъ можно усмотрѣть, что въ нихъ олицетворяются различные физические свойства видимаго неба: въ лицѣ Оеръ-Монхын'а—собственно голубой небесный сводъ, въ Ишхыргигэ безпредѣльность; въ лицѣ гужир-саган'а и Галта-улан'а тѣ цвѣта, которыми часто, особенно во время вечерней зари, окрашивается небесный сводъ; Яшил-саган, Сарь-саган и и Хухыдой Моргон—служать олицетвореніемъ молніи, которая бываетъ разнаго цвѣта, то желтая, то бѣлая, то синяя; двѣ послѣднія изъ этихъ лицъ, какъ указано въ примѣчаніи и считаются производителями грома; въ лицѣ Будургу-саган'а можно видѣть зимнее небо, когда идетъ мелкій снѣгъ; Эсэгэ-малан-тэнгэри и Монхай-малан-тэнгэри выражаютъ образно форму неба; что матерьяломъ для сравненія взятъ такой предметъ, какъ плѣшивая голова старика—совершенно естественно, такъ какъ у у бурятъ, какъ у народа некультурнаго, неимѣющаго литературы, запасъ выраженій, эпитетовъ, употребленій заимствуется главнымъ образомъ отъ предметовъ обыденной жизни, непосредственно его окружающихъ въ его домашней обстановкѣ, и съ ними-то и сравниваются, для большей ясности, предметы далекіе, возвышенные по своему значенію; на дальнѣйшей ступени развитія замѣчается обратный приемъ: эпитеты для характеристики человѣческихъ свойствъ или предметовъ обыденной жизни, чтобы представить ихъ въ увеличенномъ видѣ или въ

¹⁰) Будургу—означаетъ мелкій снѣгъ.

высшей степени развитія заимствуются отъ силъ и явленій или предметовъ природы.

Рядъ тэнгериновъ удлинится присоединеніемъ къ нему 11 или 12 тэнгэриновъ, которые описаны при изложеніи свѣдѣній объ Ухан-хатѣ, т. е. водяныхъ царяхъ; къ тому же ряду присоединяются 9 кровавыхъ небъ (Эхон *Шухан-тэнэри*), принадлежащихъ къ числу восточныхъ, враждебныхъ бурятъ тэнгріямъ, покровителямъ черныхъ шамановъ, которые имъ совершаютъ отъ имени обществъ жертвоприношенія всегда ночью; имъ же посвящаютъ краснаго пороза. Къ тѣмъ-же восточнымъ тэнгріямъ относятся покровители черныхъ шамановъ 13 тэнгріевъ Асаранги. Такимъ образомъ изъ числа 99 небъ нѣсколько опредѣляется характеръ 44; изъ ихъ названій и отчасти приносимыхъ имъ жертвъ усматривается, что эти божества есть ни что иное, какъ олицетвореніе различныхъ свойствъ видимаго небеснаго свода и явленій, на немъ происходящихъ. Намъ не пришлось усмотреть слѣдовъ обожанія единаго неба въ какомъ либо единомъ личномъ существѣ и мы полагаемъ, что покойный С. Шашковъ*) ошибочно предполагалъ въ лицѣ Эсэгэ-маланъ тэнгэри такое олицетвореніе всего неба, противопоставляя его матери землѣ; ошибочно и предположеніе Шашкова, что «сперва понятіе о личномъ Богѣ и небѣ сливалось», и что потомъ, стали поклоняться небу уже не какъ самостоятельному божеству, а только какъ священному мѣстопребыванію

*) Шаманство въ Сибири (Записки И. Р. Географ. Общ. 1864 г. кн. 2), стр. 11.

небожителей»; приведенные имена свидѣтельствуютъ, что небо совсѣмъ комплексомъ свойствъ его и явлений обоготворяется и нынѣ, но только не въ образѣ единаго божества. Заслуживаетъ вниманія, что къ числу тэнгэриновъ причисляются и такія существа, какъ олицетворенія нѣкоторыхъ элементовъ и свойствъ воды — ея блескъ, подвижность; подобное соединеніе явленія небеснаго свода съ свойствомъ воды могло возникнуть именно вслѣдствіи вѣковаго опыта, указывавшаго на зависимость водной стихіи отъ небесныхъ явлений — покрытия неба тучами, прорѣзываемыхъ молніей и изліянія дождя, сопровождавшихся и поднятіемъ воды въ рѣкахъ, ихъ разлитіемъ и наводненіями.

Тэнгри составляютъ не только высшія божества, далекія и недоступныя, но всѣ остальные существа, которымъ буряты воздаютъ поклоненіе, къ которымъ обращаютъ свои просьбы и молитвы, какой бы природы эти существа не были, находятся въ очень тѣсной зависимости отъ тэнгэриновъ, нѣкоторыя имена которыхъ приведены выше: одни изъ этихъ духовныхъ существъ, боговъ или заяновъ (создателей и покровителей) являются непосредственнымъ потомствомъ тэнгэриновъ, ихъ сыновьями и внуками, другіе, будучи сперва простыми людьми, по волѣ тэнгэриновъ были взяты на небо еще при жизни и тамъ сдѣлались богами или уже ихъ обоготвореніе случилось послѣ смерти.

Впереди другихъ божествъ слѣдуетъ, конечно, поставить непосредственное потомство тэнгэриновъ — такъ называемыхъ хатовъ или царей, а также хозяина огня и производителей грома.

Хозяинъ огня. Почитаніе огня весьма развито у бурятъ; что это почитаніе первоначально обращалось на вещественный огонь, пламя, видно изъ той роли, какую огонь играетъ при очищеніи, а также изъ характера онгоновъ хозяина огня, о которыхъ будетъ сказано въ главѣ объ онгонахъ. Теперь же почитается личное божество—хозяинъ огня—(га.и-эжинъ)—*Сахяды-нойонъ* и его жена *Сахала-хатунъ* (у Балаганскихъ бурятъ), въ Кудинскѣ его называютъ *Сахяды-убугунъ*, а жену *Санхурун-Хатунъ*; кудинскіе буряты хозяина огня считаютъ сыномъ неба Эсэгэ-Малана, балаганскіе же его дѣлаютъ сыномъ Эсэгэ-Малана и сыномъ неба *Будургу-саганъ*, что особенно интересно, такъ какъ небо Будургу-саганъ—есть снѣжное зимнее небо и въ идеѣ поставить въ генетическую связь приносимый зимой холодъ съ происхожденiemъ огня заключается глубокой смыслъ. Хозяину огня приносятъ жертву, дѣля родъ талгана или кирика — бараномъ или кобылой; жертвоприношеніе совершается въ юртѣ, у трехъ камней очага; особенности обряда и посвященіе стрѣлы хозяину огня описано въ главѣ о жертвоприношеніяхъ. Въ балаганскомъ вѣдомствѣ при этомъ призываютъ хозяина огня слѣдующими словами:

Баруни 55 тэнгэри, Эсэгэлэмэ-тэнгэри Эсэгэ-малан-тэнгэри, Эхэлэмэ-тэнгэри Эхэ-юрин-тэнгэри. Эсэгэ-малан-тэнгэри уган хобун, Будургу-саган-тэнгэрени уган-хобун, хэбтэжи улэхэн, хэхэржи шашахан, борлон хонин тахилга, (тахилгая гэртэ тахиха нома, Здулан хажуда) Сагада-ноён, Сахала-хатун.

Призываніе хозяина огня. Западныя 55 небъ, отецъ ихъ Эсэгэ-малан-тэнгэри, мать ихъ Эхэ-юрин-тэнгэри! (Буквально — западныя 55 небъ, отцовское небо — Э-Ю. Т.) Старшій сынъ Эсэгэ-малан-тэнгэри — Будургу-саган-тэнгэри*), старшій сынъ Будургу-саган-тэнгери — Сахяда-ноенъ, Сахала-хатунъ, лежа раздувалъ огонь, когда сидѣлъ на колѣняхъ (согнувшись колѣнно побурятски), то огонь медленно горѣлъ, — дѣлаю тайлган годовалымъ бараномъ.

У кудинскихъ бурятъ, призванный хозяинъ огня, уходя, устами шамана называетъ себя среднимъ сыномъ дневного неба (тэнгэри) и младшимъ сыномъ ночного неба (оохоргонъ**) (тэнгэринъ тэли хобун, охторгон отхонъ хобун). Какъ изъ приведенного призыва, таєт изъ этихъ послѣднихъ словъ обнаруживается съ убѣдительностью происхожденія огня съ неба, а не отъ солнца; такъ какъ небо составляетъ главное и первоначальное божество, почитаніе же солнца въ настоящее время не наблюдается у бурятъ, — то совершенно естественно поставить происхожденіе такого важнаго элемента въ зависимость отъ верховнаго всемогущаго неба и его владыкъ.

На талганѣ хозяина огня появляется вслѣдъ за удаленіемъ самаго хозяина огня подчиненное бо-

*) Въ этомъ призываиіи Будургу-саган-тэнгэри считается не братомъ, а сыномъ Э. М. Т. но такие варианты замѣчаются и въ болѣе развитыхъ мифологіяхъ, напр., греческой.

**) Въ словарѣ Кастрана тэнгэри и охторгон — одинаково означаютъ небо, о различіи въ значеніи объяснилъ мнѣ балаганскій шаманъ.

жество, домашний богъ, очевидно, той-же природы и характера, какъ и самъ Сахида-ноен, т. е. хранитель очага той самой юрты, въ которой приносится жертва. Отсюда можно заключить, что у хозяина огня существуетъ многочисленный сонмъ подчиненныхъ лицъ, хранителей домашняго отня въ отдѣльныхъ юртахъ. Въ подтверждение высказанной мысли приведу небольшой разсказъ, устно переданный мнѣ г. Хангаловымъ; разсказъ довольно рельефно выставляетъ личность упомянутыхъ хранителей домашняго очага, этихъ бурятскихъ пепатовъ. «Однажды ъхалъ верхомъ по дорогѣ нѣкоторый человѣкъ, который зналъ 70 языковъ и потому обладалъ прекраснымъ даромъ понимать языкъ животныхъ; вотъ ѿдетъ онъ мимо дома богача и слышитъ, что собаки лаютъ: «не заѣзжай къ намъ, тебя не накормятъ здѣсь и конь твой останется голоднымъ»; человѣкъ поѣхалъ далѣе; вотъ подѣѣзжаетъ онъ къ дому бѣдняка и слышитъ, что сабаки лаютъ: «заѣзжай сюда, и ты будешь сытъ и коня накормятъ; у хозяина только двѣ овцы, но онъ заколетъ для тебя одну». И дѣйствительно, хозяинъ привѣтливо встрѣтилъ гостя, взялъ молодую овечку и хочетъ ее колоть, но другая, старая овца говоритъ: «пусть заколетъ лучше меня, молодая овечка дастъ приплодъ, а я уже стара»; гость сказалъ хозяину, что лучше заколоть старую, понявъ рѣчь овцы; хозяинъ взялъ тогда старую овцу и закололъ; во время ѿды бѣдный человѣкъ бросаль въ огонь большиe куски хозяину огня, который тутъ-же присутствовалъ, какъ видѣлъ это гость, былъ хорошо одѣтъ и откормленъ; ночью входитъ жалкий, худой

и оборванный человѣкъ; это былъ хозяинъ огня богача; хозяинъ огня бѣднаго человѣка спрашиваетъ, отчего онъ такой худой и отчего одинъ глазъ у него поврежденъ, тотъ отвѣчаетъ, что дома его не кормятъ, что богачъ страшно скучъ, и выкололъ ему глазъ, ковыряя въ огнѣ ножами и острыми предметами*), за это онъ хочетъ его наказать, той же ночью сжечь домъ богача; хозяинъ огня бѣднаго человѣка просилъ только, чтобы онъ выбросилъ изъ огня его деревянную ступку, которая была у богача и принадлежала бѣдному. Когда въ ночь сгорѣлъ домъ богатого человѣка, а чужая ступка оказалась выброшенной изъ огня, то богачъ обвинилъ бѣднаго человѣка въ поджогѣ; но гость вступилъ и объяснилъ богачу, что домъ его сожженъ собственнымъ его «хозяиномъ огня» за скучность и неуваженіе къ домашнему очагу и его владыкѣ; богачъ не повѣрилъ, чтобы можно было понимать разговоръ хозяина огня и языки животныхъ и чтобы удостовѣрится, спросилъ: куда летятъ вотъ эти два ворона, которые пролетали мимо; гость сказалъ, что они летятъ на похороны единственного сына одного богатого человѣка; тогда они поѣхали по слѣдамъ вороновъ и наконецъ увидѣли похороны единственного сына богатого человѣка, были заколоты жертвенныя животныя, и два ворона сидѣли тутъ-же; тогда богачъ повѣрилъ словамъ неизвѣстнаго человѣка и пересталъ преслѣдоваться за поджогъ бѣдняка». И такъ, ходъ развитія идеи обоготовленія огня былъ таковъ: прежде обоготовлялось каж-

*) Буряты колоть острыми предметами угли на очагѣ считаются грѣхомъ.

дое пламя, материальный огонь, затѣмъ огонь олицетворился въ образѣ домашняго пената, эжина огня, живущаго въ каждомъ домѣ, каждомъ очагѣ. На обязанности хозяина было кормить этого эжина, за что онъ берегъ его домъ отъ пожара и всякаго несчастія и приносилъ изобиліе. Дальнѣйшій-же ходъ развитія той-же идеи привелъ къ представлению единаго боя огня, Сахяды-ноена, который принадлежитъ уже къ сыновьямъ тэнгэриновъ, холоднаго снѣжнаго зимняго неба (Бударга-саган-тэнгэри) или вообще неба, въ лицѣ Эсэгэ-малан-тэнгэри*).

Каждый вѣрующій бурятъ считаетъ своимъ не-премѣннымъ долгомъ, при каждомъ принятіи пищи, частицу удѣлить «гали-эжину», — хозяину огня; пьетъ-ли онъ тарасунъ или вино, нѣсколько капель падаетъ на золу очага; ёстъ-ли онъ мясо, кусочекъ достанется богу огня; если заколять барана или другое животное, то съ кожи головы (у кудинскихъ бурятъ голова считается почетнымъ кускомъ, и подается гостю) вырѣзаются трехъ-угольный кусочекъ и бросаютъ въ огонь; на всякомъ талганѣ часть жертвенного мяса, саламаты, тарасуна и проч. относятся на огонь очага, подъ котлами, гдѣ варится жертвенное мясо; часть, назначаемая богамъ, кости и часть мяса, сжигаются огнемъ на сложенныхъ изъ камня или изъ дерева возвышеніяхъ, временныхъ или постоянныхъ, называемыхъ ширэ — престоль; проѣзжаетъ-ли бурятъ по священному мѣ-

*) Имя Сахида—можно произвести отъ глагола сахиха — блеснуть, ударить огнivомъ о кремень, т. е. высѣчь огонь, въ словарѣ Кастрена sakelgag, caxelna = молния, sakelna, caxelna = молния блеститъ.

сту — мѣстопребыванію *бумал-бурхана* или мимо *барыса* умершихъ шамановъ, т. е. тѣхъ столбовъ, около которыхъ души этихъ шамановъ въ своихъ странствованіяхъ по землѣ отдыхаютъ и курятъ; или необходимо подойти къ священному изображенію, — каждый бурятъ очиститъ себя и другихъ если есть кто-либо, даже лошадь, дымомъ священныхъ травъ — пихты и вереса или другихъ, если нѣтъ первыхъ.

Подробностей о первомъ появлениі огня, о томъ какъ огонь съ неба былъ переданъ людямъ, мнѣ не могли разсказать, не собралъ этихъ свѣдѣній и г. Хангаловъ.

Вслѣдъ за *гали-эжиномъ* умѣстно поставить божество, которое по происхожденію родственно Сахяды-нойону, это звѣзда или планета — *Солбонъ**) его эжинъ *Солбон-саган-тэнгэри*, или *Уха-солбон*, слѣдовательно небесное божество, какъ передалъ шаманъ Ольхонскаго вѣломства Баендай Башенханевъ былъ сынъ Эсэгэ-маланъ-тэнгэри и поэтому братъ хозяина *оїна*, который также считается не внукомъ, а сыномъ Э. М. Т. Солбонъ — есть звѣзда, которую можно видѣть вечеромъ и утромъ; если осенью рождается жеребенокъ послѣ появленія звѣзды, то считается, что жеребенокъ будетъ хорошимъ конемъ. *Солбонъ* покровительствуетъ лошадямъ и людямъ. Ему посвящаются чубараго коня и дѣлаются *хурай*, т. е. не кровавую жертву, а только употребляются тарасунъ, таракъ и саламатъ. Прежде, говорятъ балаганскіе шаманы, приносили жертвы.

*) Подъ именемъ Солбонъ разумѣютъ планету Венеру (Шашковъ).

Солбонъ имѣлъ три жены, послѣдняя была простая бурятка, дочь бурята Верхоленского вѣдомства Ользоновскаго рода, Ухандая, по имени Хэрхэн-Шаралган; она была уже просватана, но Солбонъ похитилъ ее въ то время, какъ она направлялась къ жениху, окруженная свадебными гостями; Солбонъ схватилъ ее и поднялъ на небо; отъ двухъ первыхъ женъ дѣтей не было, а отъ третьего брака родился сынъ Согто-моргон.

Производители грома и молний. Громъ буряты называютъ *пъснью неба* — тэнгэрин дун, и когда громъ гремитъ, то выражаются, небо поетъ — *тэнгэри-дугара*; подобные выражения, очевидно, были причиною, что И. Д. Черскій самое имя *грома* смѣшалъ съ небомъ и полагалъ что тэнгэри значитъ громъ, а не небо*).

Одинъ балаганскій шаманъ, потомокъ знаменитаго шамана Барлака, умершаго уже болѣе 100 лѣтъ назадъ, говорилъ, что громъ происходит отъ различныхъ тэнгэриновъ, а именно отъ Восточныхъ, Западныхъ или отъ Ухан-Хата. Когда кого либо поразить громомъ, то отправляются къ 9 шаманамъ спрашивать, какое небо послало громъ, и когда узнаютъ, то призываютъ это небо; при призываніи употребляютъ 9 звѣрныхъ шкуръ; убитаго громомъ ставятъ на доскахъ, укрѣпленныхъ на 4 столбахъ (это аранга); мѣсто, на которомъ произошло это пораженіе громомъ огораживаютъ, чтобы не топталъ скотъ.

*.) См. Извѣстія В. Сиб. Отд. т. XII, № 4—5, стр. 64, ст. нѣкоторыя примѣчанія къ описанію Байкала Риттера.

Кудинскіе-же буряты громъ и молнію приписываютъ небу *Сарь-саган-тэнгэри Сахилата будал** и помолчнику *Хоходо-моргон*, жена *Холто-хатун* и сынъ *Хорсо-моргон*. Сарь-саган-тэнгэри и Хоходоморгонъ относятся къ западнымъ тэнгріямъ и считаются братьями; на тайлганъ западному Хату близь Балаганской думы небо Сарь-саган призыва ли на равнѣ съ другими западными тэнгэринами. Хоходой-маргонъ былъ взятъ на небо живымъ, потому что былъ хороший охотникъ и мѣткій стрѣлокъ, за это онъ сдѣлался хранителемъ грома, который и посыпаетъ на землю по распоряженію боговъ. Ниже приводится разсказъ, какъ Хоходой-моргон сдѣлался хранителемъ грома. Хоходой-моргонъ, живя на землѣ, имѣлъ жену и трехъ сыновей и дожилъ мирно до глубокой старости. Однажды онъ сказалъ сыновьямъ, что пришелъ конецъ его жизни на землѣ, велѣлъ приготовить одежду и осѣдлать коня. Одѣвшись, Хоходой-моргонъ, простился съ семьей, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Наконецъ подъѣхалъ къ тому мѣсту, где дорога расходится на 3 стороны; онъ выбралъ средній путь и встрѣтилъ на дорогѣ домъ; войдя въ домъ, онъ нашелъ его пустымъ и остался въ немъ. Спустя нѣсколько времени подъѣхало 4 молодые человѣка, которые, завидя гостя, радушно его встрѣтили, накормили и осталии его беречь домъ. Передъ отѣѣздомъ на другой день они запретили Хоходой-моргону открывать бывшій въ домѣ ящикъ и надѣвать висѣвшія крылатыя одежды.

*) Отъ дочери того-же неба Сарь-саган-тэнгэри — по имени Сам-сагай-саган — родился *орел*, первый бурятскій маманъ.

Оставшись одинъ Х. М. очень захотѣлъ посмотретьъ, что находится въ ящикѣ; открывъ ящикѣ, нашелъ въ немъ разноцвѣтные граненые камни, въ видѣ наконечника стрѣлъ; вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ способность видѣть все, что творится на землѣ; онъ именно замѣтилъ, какъ одинъ человѣкъ кралъ въ чужомъ огородѣ картофель; разсердившись на вора, Х. М. пустилъ въ него однимъ краснымъ камнемъ, а сундукъ заперъ. Когда возвратились 4 хозяина, то упрекнули его, зачѣмъ онъ ихъ не послушалъ и причинилъ столько несчастья на землѣ, такъ какъ изъ за одного дурнаго человѣка онъ сжегъ цѣлый городъ; Х. М. сначала пытался отпереться, говоря, что онъ не открывалъ ящика, но видя что его уличаютъ, онъ сознался; хозяева сказали, что они все знаютъ, что дѣлается на землѣ, такъ какъ каждый день обходятъ землю. На другой день 4 человѣка опять ушли, но повторили наставленіе не трогать крылатыхъ платьевъ и не открывать ящика. Любопытство, однако, пересило страхъ и Хоходой-моргонъ надѣлъ одно изъ крылатыхъ платьевъ — и началъ лѣтать по дому, такъ что насилиу снялъ одежду и повѣсили на прежнее мѣсто. Хозяева, вернувшись, сказали: зачѣмъ ты надѣвалъ платье, еслибы ты вылетѣлъ изъ дома, то погубилъ бы, истребя совсѣмъ, всѣхъ людей на землѣ». Тѣмъ не менѣе эти неизвѣстные 4 человѣка сдѣлали его хранителемъ грома (ящика съ камнями), приказавъ производить громъ только по распоряженію боговъ — поражать злыхъ духовъ и грѣшныхъ людей.

Къ той-же группѣ тэнгериновъ принадлежитъ и хозяинъ или производитель дождя — *Xуран-ной-*

онъ *); мѣстопребываніе его на небѣ; онъ имѣть свой дворецъ или особое присутственное мѣсто и 9 бочекъ полныхъ водой; если онъ откроетъ только одну бочку, то дождь идетъ трое сутокъ; его отношенія къ другимъ тэнгэринамъ по имѣющемуся матерьялу нельзѧ было выяснить, но небесный характеръ его несомнѣнъ, какъ по мѣсту его жительства, такъ и потому, что дождь, какъ и снѣгъ падаетъ съ неба, а божество снѣга, Будургу-сагантэнгери, занимаетъ видное мѣсто на бурятскомъ Олимпѣ, а потому подобное-же мѣсто должно принадлежать и *Хуран-нойону*. Вотъ что говорять о Хуран-нойонѣ балаганскіе буряты: однажды на землѣ была сильная засуха, кудинскій шаманъ Маланакъ-Хабалзаевъ, по просьбѣ стариковъ, поднялся на небо и пришолъ въ присутственное мѣсто, завѣдующее дождемъ, но никакъ не могъ поласть туда, наконецъ нашелъ отверстіе въ игольное ушко, чрезъ которое и пролѣзъ **); онъ спросилъ начальника дождя, но ему сказали, что его нѣтъ дома, ушелъ на вечерку. Девять дней ждалъ шаманъ и на 10 явился Хуран-нойонъ. Шаманъ сказалъ тогда, что на землѣ сильная засуха и земля горитъ; Хуран-нойон велѣлъ шаману открыть ближайшую изъ 9 бочекъ; когда бочка была открыта, то пошолъ дождь и шелъ 3 сутокъ. Тогда люди на землѣ говорили: «у этого неба провалилось дно». Хуран-

*.) Хура — дождь,

**) По собственному тяжелому опыту на землѣ буряты знаютъ, какъ затруднителенъ доступъ въ присутственныя мѣста, даже если начальникъ и не на вечеркѣ; понятно, что на небѣ они охраняются еще строже.

нойнъ услышалъ эти слова и сказалъ: «людямъ не угодиць». По возвращеніи шамана на землю, онъ передалъ, что люди говорили въ его отсутствіе.

Первенствующая роль неба въ бурятскихъ вѣрованіяхъ приводить къ тому, что происхожденіе нѣкоторыхъ промысловъ или ремесль приписывается небеснымъ богамъ, тэнгеринамъ; къ такимъ ремесламъ принадлежитъ искусство ковать желѣзо, давно уже известное у бурятъ, а у монголовъ, повидимому, вопросъ о происхожденіи искусства обрабатывать желѣзную руду связанъ съ исторіей происхожденія племени.

Буряты балаганскіе и кудинскіе различно передаютъ происхожденіе первой кузницы и первыми кузнецами считаютъ не одно и тоже лицо.

Какъ выше показано, кудинскіе буряты главой кузнецовъ считаютъ сына неба Заян-сагана Бохомуя, принадлежащихъ къ западнымъ тэнгеринамъ, но изображеніе кованья желѣза приписываются не только ему, но и сыну Гужир-тэнгэри (здѣсь это небо относится къ восточнымъ, тогда какъ въ перечнѣ сыновей Оеръ-монхынъ-тэнгэри, записанномъ отъ кудинскихъ-же бурятъ — небо Гужиръ-саганъ должно быть западнымъ), Бохо-тэли, сынъ Гужиръ-тэнгэри, первый построилъ кузницу и сталъ ковать руду, но желѣзо выходило у него такое хрупкое, что каждый разъ, какъ накалилъ его до красна въ печи, оно подъ молотомъ разлеталось въ куски; однажды, говорится въ преданіи, западные тэнгрии услышали шумъ на востокѣ неба и послали узнать о причинѣ грома и шума Бохо-муя; когда этотъ увидѣлъ не-

удачную попытку Бохо-тэли ковать желѣзо, то тотчась предложилъ себя въ товарищи, обѣщаюсь помочь; Бохо-тэли согласился и тогда Бохо-муя бросилъ въ печь горный песокъ — (*хадайн-хар*), послѣ чего желѣзо сдѣлалось ковкимъ; но Бохо-муя завладѣлъ и кузницей и потому кованье желѣза приписывается западнымъ небомъ, къ которымъ принадлежалъ Бохо-муя; но и восточные тэнгэрины также покровительствуютъ кузнецамъ, такъ какъ Бохотэли былъ кузнецомъ и построилъ себѣ новую кузницу; между кузнецами, какъ и между шаманами, различаютъ *блѣлыхъ* и *чёрныхъ* кузнецовъ*), одни подчинены западнымъ — блѣлые, а чёрные восточнымъ небамъ; какъ есть шамансское происхожденіе, такъ точно существуетъ и кузнечное происхожденіе.

Существуютъ нѣкоторыя указанія, что между шаманами и кузнецами было прежде соперничество; такъ именно говорять, что это соперничество обнаруживается и теперь при изготавленіи кузнецомъ принадлежностей шамана *холбою* — привѣсокъ вродѣ колокольчика къ коннымъ тростямъ шамана; кузнецъ настаиваетъ, чтобы число холбою было не меньше 90, но шаманъ боится этого рокового числа и старается убѣдить кузнеца сдѣлать ихъ въ меньшемъ количествѣ, въ противномъ случаѣ шаманъ долженъ скоро умереть. Изъ этого можно заключить, что кузнецы играли нѣкоторую роль въ прежнихъ вѣрованіяхъ бурятъ; по этому интересно бы

*). Кромѣ нихъ замѣчаютъ еще нохой-дархатовъ — т. е. собачьихъ кузнецовъ, но объ ихъ происхожденіи свѣдѣній не собрано.

собрать о кузнецахъ подробныя свѣдѣнія, объ ихъ особыхъ онгонахъ, призывающихъ боговъ и проч.

Въ Балаганскомъ вѣдомствѣ отъ одного шамана записано слѣдующее:

Первымъ кузнецомъ на небѣ былъ *Дадага-хара-дархан* (кузнецъ); онъ имѣеть въ подчиненіи 73 младшихъ кузнеца, всѣ 74 кузнеца принадлежатъ къ западнымъ небамъ и спустились съ западнаго неба на высокія горы Мундарга (Тункинскія).

Призываніе кузнечныхъ боговъ говорится такъ: «На западныхъ 99 Мундарга спустились хозяевами, имѣя мѣхъ (хорхо *) привязаннымъ на спинѣ, спереди держали наковалню, въ правой руцѣ держали молотокъ, а въ лѣвой рукѣ — большія клещи — Божинто-кузнецъ и 9 сыновей Божинтоя; хозяинъ мѣха — Хёр-саган-ноен, хозяинъ наковални — Дольто-саган-ноен, хозяинъ молотка — Божир-саган-ноен, хозяинъ клещей Ута-саган-ноен, хозяинъ наковални Хун-саган-ноен, хозяинъ большихъ клещей — Алак-саган-ноен, хозяинъ горна — Хилман-саган-ноен.

Бурятскій текстъ: Баруни 99 мундарга эжилжи бухан ара бидэ хорхое боръхан, обор бидэ доши тэбэрхэн, барун гарта балтая барьхан, зун гарта олеръбое барьхан Божинто, Божинтэн 9 дархан (хобуд): хархон-эжин Хор-саган-ноен, Дошин Эжин Дольто Саган-ноен, Балтан-эжин Бажир-саган-ноен, олербон эжин Ута-саган-ноен, хуран-эжин Хун-саган-ноен; Абарган эжин Алак-саган-ноен, хяхан эжин Хилман-саган-ноен.

*) Хорхо — мѣхъ, наковалня — доши, молотокъ — балта, клещи — олѣро.

О ХАТАХЪ.

Бурятскія вѣрованія стоятъ на высокой степени политеизма, причемъ, какъ выше упомянуто, первенствующую роль играетъ небо, но не какъ единоличное божество, а какъ многочисленный сонмъ личныхъ божествъ, относительная зависимость которыхъ не всегда точно опредѣлена, а если и выясняется, то это всегда бываетъ зависимость семейственная, дѣтей отъ отцовъ или слугъ отъ господъ. На небѣ какъ жизнь, такъ и семья воспроизводится по бурятскому образцу, только напримѣръ, женъ рѣдко бываетъ болѣе одной; потомство же обыкновенно значительно и чаще всего 3 или 3×3 или 9×3 , по отношенію къ дѣтямъ мужескаго пола, дочерей же только одна. Тотъ-же множественный и семейственный характеръ проникаетъ и во всѣ другія олицетворенія силъ и явлений природы. Даже хозяинъ огня, не имѣя потомства, является главою безчисленныхъ хранителей огня, домашнихъ боговъ каждого дома, каждой юрты. Громъ балаганскихъ бурятъ, производится то западными, то восточными Хатами, то Ухан-хатомъ, если-же придерживаться возврѣній кудинскихъ, то и тогда встрѣтимъ не одного громовержца, Хоходо-моргона, но и управляющихъ имъ тэнгэриновъ, по волѣ которыхъ громъ низводится на землю, и небо Сарь-саганъ и 4 крылатыхъ существъ и наконецъ собственную семью Хоходо-моргонъ—жену Холто-хотунъ и сына Хорсоморгон. Божество дождя—Хуран-ноеи, какъ видѣли, имѣетъ особое присутственное мѣсто, носящее имя суглана.

Лучше всего, однако, эту особенность въ характерѣ бурятскихъ мифологическихъ возврѣній можно прослѣдить въ понятіи о хатахъ. Между хатами различаются западные, восточные и Ухан-хатъ.

Западные хаты или чаще въ единственномъ числѣ «западный хатъ» пользуются вмѣстѣ съ Ухан-хатомъ предпочтительнымъ обожаніемъ у бурятъ балаганскихъ, у кудинскихъ-же и ольхонскихъ видную роль играетъ восточный хатъ. Кудинские буряты о происхожденіи западного хата передаютъ нижеслѣдующій мифъ:

Когда всѣ 9 сыновей Буха-ноен-бабая (онъ же Бохо-муя) спустились на землю, то выбрали себѣ 9 разныхъ мѣстностей, въ которыхъ и сдѣлались царями и возникло такимъ образомъ 90 западныхъ хатъ или царей (баруни 90 хатъ). Чтобы 9 сыновей Буха-ноена могли превратиться въ 90 царей, необходимо дополнить пропускъ въ разсказѣ предположеніемъ, что каждый изъ сыновей Буха-ноэна имѣлъ по 9 мужскихъ потомковъ, тогда дѣйствительно 9 сыновей и 81 внукъ (9×9) Буха-ноенъ, дадутъ искомое число царей — 90.

- 1) Буга-саган-ноен сдѣлся хозяиномъ истока Ан-жена Хуга-саган-гары (Ангаран-амани¹-эжин). хатун.
- 2) Монгото-зарин хозяиномъ Мохона.
- 3) Хилма-ноен „ Кяхты (Хяхтын-эжин).
- 4) Китаран-зарин или „ Тунки или Торской сте- Мульма ноентъ пи. (Торен-эжин или Тунхэни-эжин).

¹, Аман-ротъ, по отношенію къ рѣкѣ, вѣроятно, истокъ, а можетъ быть и устье.

- 5) Эмнэк-саган-ноен „, рѣки Иркута или Иркутска. (Иркуги-эжин).
- 6) Тульма-ноен хозяинъ Турана² (въ верховьяхъ Иркута).
- 7) Ута-саган-ноен „, Александровскаго завода (Уляги-эжин).
- 8) Хурба-зарин или Хужари-эжин.
Хомхо-зарин
- 9) Шарга-ноен хозяинъ Шабартына (Шабартын-эжинъ).

У балаганскихъ бурятъ о личномъ составѣ западнаго хата и о роли божествъ существуетъ иной мифъ.

Ханъ-шаргай-ноен, сынъ неба Болур-саган и внукъ 33 небъ(?) по приказанію западныхъ тэнгріевъ, и во главѣ ихъ Ханъ-тюрмасъ или Ханъ-хурмасъ, спустился на землю и сдѣлался покровителемъ и защитникомъ бурятъ въ особенности отъ преслѣдованія злыхъ духовъ. „На облакѣ Ханъ-шаргай-ноен опустился на вершину горы *Халма-ула* (въ Тункѣ?); онъ сидѣлъ на соловомъ конѣ и былъ вооруженъ лукомъ и колчаномъ со стрѣлами, сбоку имѣлъ щитъ, а въ правой рукѣ держалъ саблю и кнутъ“. Шаманъ нарисовалъ мнѣ Ханъ-шаргай-ноена стоящимъ верхомъ на лошади на вершинѣ 4 главой горы *Халма-ула* *), сзади его изображено облако, а за нимъ орелъ, а пониже должны быть помѣщены 2 жолоша, 2 держателей поводьевъ или стремян-

², Переводчикъ записалъ — хозяинъ Иркутска, но вѣроятнѣе, какъ записано у меня.

*) *Халма-Ула* принадлежитъ къ Мундарга. Изображеніе Ханъ-Шарга-Ноен дѣлаются когда у кого-либо не ведутся дѣти.

ныхъ, но шаманъ ихъ не изобразилъ; Хан-шаргай-ноенъ имѣлъ за плечемъ калчанъ со стрѣлами, щитъ въ видѣ круга съ идущими отъ центра лу-чами, при бедрѣ саблю, кнутъ и футляръ для лука, который онъ держитъ обѣими руками натянутымъ, съ наложенной стрѣлой.

Спустившись на землю, Хан-шарга-ноенъ оза-ботился призвать себѣ помощниковъ, боговъ или могущественныхъ шамановъ.

Сперва призывалъ своимъ кнутомъ съ сѣверо-востока:

- 1) *Харасай-зарина*, происходившаго отъ неба *Хэлин-хара* *), онъ явился на гору Халма-ула и сдѣлался самымъ близкимъ лицомъ съ правой руки, (барун гарин жолоши боло), давъ подъ саблей присягу быть защитникомъ бурятъ.
- 2) Изъ числа 99 зариновъ и 88 шополонгу-товъ призывалъ могущественного шамана *Ханъ-хур-тай-ноени*, который, явившись, присягнулъ и сдѣ-лался приближеннымъ лицомъ съ лѣвой руки.
- 3) Потомъ явился съ горы Тулма бѣлоголовый стариkъ *Тулман-саган-ноен*, сдѣлавшійся покрови-телемъ свадьбы или брака (орорши-оббогон). На вся-кой свадьбѣ Тулман-саган-ноенъ представляется осо-бымъ лицомъ, которое благословляетъ молодыхъ; когда молодую приводятъ въ домъ жениха, онъ сидитъ подлѣ тургэ, воткнутой въ землю березы, на которую укрѣпляютъ однимъ концомъ жердь, а дру-гой конецъ ея упираетъ въ землю и на ней вѣшаютъ шубу свекрови; молодыхъ выводятъ изъ юрты, при-

*) Хэлин-ились, хэлин-хара—сосьмъ черный.

чемъ они держутся за руки, и надъ ихъ головами носятъ большой платокъ, поддерживаемый за 4 угла гостями; такъ обводятъ молодыхъ вокругъ юрты, и затѣмъ останавливаются передъ благословителемъ, кто-нибудь кричитъ ему: «возьми»; тогда послѣдній благословляетъ жениха и невѣсту на счастливую жизнь и обѣщаетъ многочисленное потомство.

4) Далѣе Хань-шарга-ноен вызвалъ съ сѣверо-запада хозяина пестрой тайги (Эрэн-таши-эжин) Зэрлик-ноен, жена его Зэльши-хатун. Зэрлик-ноенъ, явившись, принесъ присягу въ томъ, что онъ будетъ заяномъ надъ бурятами и имъ покровительствовать; онъ сдѣлался покровителемъ Зэли. Зэли называется веревка изъ бѣлаго конскаго волоса, въ которую вплетаютъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга черныя и бѣлыя тесемки; зэли употребляютъ для привѣшиванія передъ дверями юрты или у входныхъ воротъ во дворѣ, если въ домѣ есть новорожденный, чтобы избавить его отъ вліянія дурныхъ людей и не допустить къ нему злыхъ духовъ; къ зэли-же привѣшиваютъ, съ той-же цѣлью, теллять; такой-же зэли развѣшиваются на березахъ во время тайлгана Ухан-хату; въ этомъ случаѣ, къ зэли укрѣпленъ и онгонъ Ухан-хата.

5) За хозяиномъ пестрой тайги явился Улан-зала-морион-дээ — хозяинъ горы Хархак и порожистой рѣки съ мостомъ изъ краснаго камня (хархак хада эжилхэн, улан шулу дамжихан, болыуха эжилхэн), который сдѣлался покровителемъ бурятъ и принесъ по примѣру прочихъ призванныхъ присягу Хань-шарга-ноену.

Этому заяну буряты посвящаютъ рыжаго коня (зэрдэ мори онголгхо *тома*?).

Затѣмъ были вызваны:

6) *Эмнэк-саган-ноен*, жена его *Этигил-саган-хатун*, хозяинъ спустившійся на Худжир-хат (худжир хахи хуха бухан).

7) *Хозяинъ истока* (а не устья?) *Ангары, Селени и земли Иркутской, кое-гдѣ покрытой березовыми рощами.* (Ангараги амадхан, сэлэнгэги сэргэдхэн, Ирку гэжи газар мини эрбэл-тэрбэл харгадаба) *Гуртэ-Зарин-Монготуевъ*, которому балаганскіе буряты приносятъ въ жертву большерогаго бѣлага барана.

8) Съ сѣверо запада хозяина горы *Хэрмэн-ула-Хэрмэши-ноен*, жена *Булмии-хатун*; онъ сдѣлялся специальнымъ покровителемъ дѣтей вообще; имъ посвящаютъ бѣличью шкуру, которую и вѣшаютъ у дымового отверстія юрты (находящагося на вершинѣ крыши); шкуру обвертываютъ цвѣтными лентами; кровавыхъ жертвъ имъ не дѣлаютъ, а обрядъ совершаютъ курунгой и тарасуномъ; обѣихъ говорится, что они не ходятъ по росистой травѣ (шудэртэ ного гэшхэ угэй).

9) *Хозяина бараныя буира, держащаго луч восходящаго солнца, Гунцэр-ноен, жена его Гульмэши-хатун* (хонин добун худал, хохир бори намналга, гур гадаха шахан гульмэ шежим татахан; гарха наринтуя барьхан); онъ сдѣлялся специальнымъ покровителемъ дѣтей мужескаго пола; при жертвоприношеніяхъ ему не употребляютъ тарасунъ и вино; жертвоприношеніе называется «жертв-

вой краснаю барана» (мортон улан курьганъ, и потому, вѣроятно, такой баранъ и приносится, но ему посвящаютъ собственно заячью шкуру, обвѣшенную цветными лентами.

10) Со стороны восходящаго солнца, куда падаетъ лучъ заходящаго солнца, *Хилман-саган-ноен*, поднявшагося (или спустившагося?) на гору *Химнасан-дабан*, онъ сдѣлался хозяиномъ *желтаго козла* (шара тэхэ) или *Кяхты*; при жертвахъ не употребляютъ ни тарасуна, ни вина, потому что онъ самъ не пьетъ.

11) Покровителей булагатовъ и экиритовъ *Буха-ноен-бабая*, жену его *Шэшэ-хатун-иби* (чаще *Будан-хатун-иби*), живущихъ на горѣ *Хан-элгэй* (Бурят хини тухэ, булгат хуни заябари, Хан-элгей худал, сагдул мёдён шорголх, саган элхэн холболбо Буха-ноен-бабай Шэтэ-хатун-иби).

12) *Нагад-Зарин-Саган Нонхуева* (90 даба дабан гархан, 80 дугу дугулан гархан, сахир туру туруулхан) (хиран эрэр гэшхэхэн саган нонхун хобун Нагад-зарин, бурят хуни тургэ со, тёмён хуни торогор); послѣ присяги онъ сдѣлался *покровителемъ лошадей* и доставлялъ Хан-шарга-ноену жертвы отъ бурятъ (90 бухан зохоргондо хоёр шихэн дулэрэ, 80 актанъ төхёндо хоерь нюден бурлэ; адухани зухэ тэги, архин хатуги сагани дэжиги Хан-шаргай ноендо-тулгажи ѿглобб).

Общее мѣсто-пребываніе всѣхъ боговъ западнаго хата находится на тункинскихъ горахъ (баруни хардаг).

Въ улусъ Шанайскомъ на самомъ усть р. Унги записано нижеприводимое призываніе западнаго хата.

- 1) Баруни 99 мундарга дамжан бухан холор доро доролон бухан Хан-Шарга ноен (халма хат).
- 2) Хужир-хахи эжилэн бухан Хун-Саган-ноен.
- 3) Туран хаги таб чилон бухан Толбото-саган-ноен-баба.
- 4) Хуран модон шорголгото, хужир газар холбогото Олго-хага онсолхон Буха-ноен-баба, Будан-хатун-иби.
- 5) Урак-хахи эжилхэн Улан-Зала-Моргон-Дэгэ.
- 6) Ирху хаги эжилхэн Имнэк-Саган-ноен.
- 7) Хэрэн-хари эжилхэн Хэрмэши-ноен Булгashi хатун.
- 8) Атараги амадхан, сагаг шулу дугу хэхэн Монготын хабун Гуртэ-Саган-Зарин.
- 9) Уля хаги эжилха, сахир туре турулхан, саган шулу дугу хэхэн, 99 хахи ерьюлхэн, 80 хахи надхулхэн Саган-Нонхун-хобун *Наад-Заринъ*.

Призываніе западнаго хата.

- 1) Спустился на западные 99 мундарга, имѣя бронзовыя стремена Хан-шаргай-ноен.
- 2) Спустился хозяиномъ Хужир-хата Хун-саган-ноен.
- 3) Спустился царемъ Турана Толбото-саган-ноен-бабай.
- 4) Чесавшійся о березовое дерево, катавшійся по солончанку; сдѣлавшійся царемъ Олгоя (въ Тун-кѣ?) Буха-ноен-бабай, Будан-хатун-иби.
- 5) Хозяинъ царства Уракъ Улан-Зала-Моргон-Дэгэ.

- 6) Царь Иркута Имнэг-Саган-ноен.
- 7) Хозяинъ царства Хэрэн Хэрмэши-ноен, Булгashi-хатун.
- 8) Хозяинъ истока Ангары, сдѣлавшій бѣлый каменный мостъ Гуртэ-Саган-зарин, сынъ Монготуя.
- 9) Хозяинъ царства Уля, лошадь твоя съ бѣлымъ коштотомъ, самъ имѣющій бѣлый каменный мостъ, отнесшій къ 90 царямъ (хатамъ) и 80 царямъ (вино, тарасун и жертвенныхъ животныхъ?) Нагад-Саган-Зарин сынъ Нонхуя.

Сравнивая имена божественныхъ лицъ, относимыхъ къ западнымъ царямъ или западному хату въ разсказѣ кудинскихъ бурятъ, балаганскихъ бурять (улусъ закулей) и въ призываціи, записанномъ въ лѣтникѣ Шана, замѣчаемъ что нѣкоторыя имена въ трехъ этихъ источникахъ повторяются, но часто область, имъ подчиненная, измѣняется. Первеннѣющее мѣсто у балаганцевъ занимаетъ Хан-шаргай-ноен, который у кудинцевъ или вовсе не причисляется къ западному хату или замѣняется Улан-зала-моргон-дэгэ, или хозяиномъ Торской или Тункинской степи Китаран-зариномъ, невстрѣчающемся въ числѣ западныхъ царей у балаганцевъ, тогда какъ Улан-зала-моргон-дэгэ упоминается и шаманомъ Закулейского улуса и улуса Шана.

Харасагай-заринъ и Хан-хургай-заринъ, два держателя поводьевъ Ханъ-шаргай-ноена и Зэрлик-ноен, Зэльши-хатун не упоминаются въ призываціи и составляютъ особенность въ первомъ разсказѣ.

Тулман-саган-ноен-эжин свадьбы очевидно тоже,

что Тульма-ноен, хозяинъ Турана у кудинцевъ; въ призываіи улуса Шана царемъ Турана, соотвѣтственно Тульман-ноену, называется Толбото Саган-ноен-бабай.

Улан-Зала¹-Моргон-дэгэ считается въ Закулеѣ хозяиномъ горы хархак и порожистой рѣки съ краснымъ мостомъ, въ Шана онъ уже хозяинъ царства Урак, а у кудинцевъ и два приближенныхъ служителя западнаго хата (хахи быдек) и два сына мэшин, плеядъ, а б. м. и млечнаго пути(?) и слѣдовательно у кудинцевъ это лицо распадается на два: Улан-Зала (красный пѣтушій гребень) и Моргон-Дэгэ (мѣткій крючекъ).

Эмнек-саган-ноен—хозяинъ царства Хужир въ Закулеѣ, является хозяиномъ Иркутска—въ улусѣ Шана и у кудинцевъ, хозяиномъ же царства Хужир въ Шана другое лицо Хун-сахан-ноен, тоже лицо стится въ Закулеѣ кузнецкимъ богомъ, хозяиномъ напильника.

У кудинцевъ есть еще Хужари эжинъ, что б. м. соотвѣтствуетъ хозяину Хужир; это именно Хурба-заринъ.

Хозяинъ истока Ангары, р. Селенги и земли Иркутской—Гуртэ-саган-зарин, сынъ Монгото, въ ул. Шана считается сдѣлавшимъ бѣлый каменный мостъ; у кудинцевъ ему соотвѣтствуетъ Буга-Саган-ноен, Хуха-Саган-хатун, тогда какъ Монгото-заринъ, отецъ Гуртэ-зарина—хозяинъ Мөхбна. Покровитель новорожденныхъ дѣтей, хозяинъ горы Хэрмэн-ула

¹) Зала—пѣтушій гребень, Улан-зала—красный пѣтушій гребень, дэгэ—крючекъ, моргон—мѣткій; все вмѣстѣ, красный пѣтушій гребень, мѣткій крючекъ.

Хэрмэши ноен, Булгаши хатун— (Закулей) въ улусѣ Шана хозяинъ царства Хэрэн.

Гэнгэр-ноен (Гульмэши хатун) хозяинъ бараньяго бугра, держащій лучъ восходящаго солнца, эжин мальчиковъ, сходенъ съ Хынгэр-нойономъ, хозяиномъ бубна у кудинцевъ, у нихъ на шаманскомъ ящикѣ (ширэ) онъ рисуется рядомъ съ изображениемъ солнца, и подлѣ него лукъ, стрѣлы, змѣй и конь, чѣмъ подтверждается солнечный характеръ этого лица.

Хилман-саган-ноен, со стороны восходящаго солнца, куда падаетъ лучъ заходящаго солнца (слѣд. съ востока), спустившійся на гору Химнасан-дабан, эжин-желтаго котла (Закулей) у кудинцевъ уже хозяинъ Кяхты, но въ томъ-же Закулейскомъ улусѣ Хилман-саган-ноен и богъ кузнецовъ—эжинъ горна.

Кромѣ Гуртэ-саган-зарина, (въ ул. Шана) каменный мостъ считается принадлежностью и хозяина царства Уля, обладателя бѣлой лошади съ бѣлымъ копытомъ Нагад-саган-зарин, хозяиномъ-же царства Уля (Уляги-эжин) у кудинскихъ—Ута-саган-ноен—который въ Закулеѣ покровитель кузнецовъ—хозяинъ клещей.

Ухан-хатъ—цари морей, озеръ и рекъ.

Цари, вошедши въ составъ Ухан-хата, всѣ спустились съ сѣверо-западной части неба, слѣдовательно со стороны заходящаго солнца; они спускались съ различныхъ небъ и поселились въ самыхъ глубокихъ частяхъ водъ, но небо по прежнему осталось ихъ мѣстопребываніемъ, чѣмъ указывается, что ихъ связь съ небомъ не нарушена. Въ призы-

ваній Ухан-хата упоминается о двѣнадцати небесныхъ богахъ, тэнгериахъ, отъ которыхъ произошли цари Ухан-хата, или двѣнадцать небъ или столько-же свойствъ реального неба; ихъ имена слѣдующія.

1. Уда¹-монхон²-тэнгэри.
2. Хуман³-хөхө⁴-тэнгэри.
3. Шудал-тэнгэри.
4. Будал-тэнгэри.
- 5—11 Долон-хөхө тэнгэри, т. е. семь синихъ небъ.
6. Хөхө-монхон-тэнгэри.

Спускались съ неба зайны Ухан-хата различными путями, т. е. когда спускались съ неба Уда-мёнхён (нѣкоторые изъ нихъ, а не всѣ), то сдѣлали себѣ мостъ изъ красныхъ лучей, когда-же (другіе) спускались съ неба Хөхө-монхон, то мостъ былъ изъ синихъ лучей. Очень можетъ быть, что небо хөхө-мёнхён-тэнгэри входитъ въ число семи синихъ небъ, и не составляетъ особаго 12-го неба, причисленъ же онъ мною къ тэнгериамъ, отъ которыхъ произошли цари или зайны Ухан-хата, потому что въ призываіи оно упоминается отдельно. Со стороны заходящаго солнца спустились на землю на гору Сэмбэр-ула по мостамъ изъ красныхъ и синихъ лучей, а съ горы спустились до самаго дна моря, держась на крыльяхъ орла цвѣта синей воды (ухан-хөхө бургохор жебер баряжи буга) и здѣсь обратились въ кита съ 13 плавниками (Арбан-гурбан (13) хэрбэтэ абарга ехе загахан).

¹, Удан—медленный, постепенный.

²; Монхон—вѣчный, монохонг—сосудъ.

³, Хуман—наконечникъ стрѣлы.

⁴, Хохо—синий.

Первое мѣсто между божествами Ухан-Хата принадлежитъ Уха-лобсону и его женѣ Ухан-дабан, покровителямъ морей, рѣкъ и озеръ, раздѣляющимъ съ другими лицами Ухан-хата господство надъ водной стихіей; всѣ они живутъ на днѣ глубокихъ водъ и оттуда властвуютъ не только надъ стихіей, но и покровительствуютъ бурятамъ, защищая ихъ отъ злыхъ духовъ, такъ какъ сами принадлежать къ существамъ добрымъ, благорасположеннымъ къ людямъ. Божество ухан-хатъ не слѣдуетъ смѣшивать съ злыми водяными существами, ухани-бохолдой и ухани әжинъ, сходными съ «водянымъ» и русалками*).

Цари воды, какъ сказано, спустились на дно моря и тамъ гуляли, и ъздили; имъ прислуживали, какъ и во время тѣзы по сушѣ, Ута-Харангай-ноен, правившій правымъ поводомъ лошади, а лѣвой поводъ держалъ Урянхай, нырявшій подъ водою; этотъ послѣдній былъ шаманомъ изъ племени Хулмэнге; когда же они поднялись на поверхность моря, то ъздили въ лодкѣ, которою управляли при помощи 99 шестовъ и 88 веселъ Гохонши-ноен (или Хэрэши-ноен) и Хэльмеши-хатунъ.

Гохонши-ноенъ—есть покровитель рыбной ловли при помощи лученья, во время этой ловли ему въ жертву бросаютъ куски жареной рыбы; имя Гохонши-происходитъ отъ слова гохо-шестъ, слѣд. господинъ шеста, жена его Хэльмэши госпожа весла,

*) См. Шашковъ. Шаманство въ Сибири, стр. 57. По Шашкову эти ухани-әжинны или ухун-әжинны суть души утопленниковъ, выходя изъ воды они могутъ принимать видъ людей или животныхъ.

отъ хэлмэ—весло. Ловля рыбы при посредствѣ сѣтей и невода находится подъ вѣдѣніемъ Гульмеши-ноена—отъ слова гульме—сѣть; Гурши-хатун—покровитель рыболовного снаряда въ видѣ конической корзины изъ тальника—морды (гур—морда).

Цари водъ послѣ своей прогулки по дну и по поверхности моря вошли въ юрту, для нихъ назначенную или принадлежавшую Уха-лабсону; въ это время ихъ было только 9 лицъ, а потому только девять, какъ слѣдуетъ полагать, и спустилось съ неба, но когда они изъ юрты вышли черезъ отверстіе для дыма, то ихъ стало втрое болѣе, т. е. 27. Имена царей водъ извѣстны только нѣкоторыхъ, не всѣхъ 27, а именно:

- 1) Гэрэл-ноен, жена Туя-хатун.
- 2) Гумгэ-ноенъ или Гульмэ-ноенъ,—жена Гульбэрэ-хатунъ.
- 3) Дошкин-ноенъ, жена Долье-хатунъ.
- 4) Хун^{*)}-саган-ноен, жена Хуян-саган-хатун (или Хулхан-саган-хатун).
- 5) Шанда-ноен, жена Янда-хатунъ.
- 6) Уха-лобсон, жена Ухан-дабан, сдѣлавшіе изъ конскаго навоза, тургэ, а изъ тальника—залма или шире, т. е. жертвеннікъ, изъ сѣраго камня—дворъ, а изъ чернаго—ворота, изъ черной и синей воды—мостики.
- 7) Эрэ-Хазагар—хранитель перламутрово серебряныхъ и бронзовыихъ ключей госпожи Ухан-дабан.
- 8) Юноши гибкіе и стройные, какъ тростникъ, и дѣвы съ волосами, какъ лошадиная гривы, съ

^{*)} Хунъ—олово, выливаемое во время жертвоприношенія. Хулхан—тростникъ.

9 шелковыми нитками на шею, сдѣлавшіе изъ травы съ болотныхъ кочекъ бичъ, а изъ ключевой воды обрядъ омовенія (новорожденнаго), такъ называемый буддя (покровителями котораго и считаются эти юноши и дѣвы).

Всѣмъ имъ, т. е. всѣмъ царямъ Ухан-хато приписывается обладаніе озеромъ, наполненнымъ лягушами, и лугомъ, кипящими змѣями, а также жужжащими пчелами, краснымъ порозомъ и сѣрымъ верблюдомъ для ъзды безъ повода.

Шаманъ Урянхай-унхуевъ былъ первый открывшій происхожденіе Ухан-хата и первый сдѣлалъ этимъ царемъ жертвоприношеніе; онъ-же выростиль на безлѣсной горѣ Тархаѣ лѣсь и тростникъ на чистомъ озерѣ Загаль. Гора Торхой и озеро Загаль находятся въ балаганскомъ вѣдомствѣ.

Обращаясь къ этимологіи именъ царей водъ, мы снова встрѣтимъ въ нихъ олицетворенія физическихъ свойствъ воды, какъ въ именахъ тэнгэриновъ открыли обоготовленіе физического неба и его атрибутовъ. Такъ первая пара, Гэрэл-ноен и Туяхатунъ, олицетворяютъ блескъ воды и гладкую, блестящую зеркальную ея поверхность, такъ какъ тэрэл значитъ зеркало, и свѣтлый а түя лучъ; вторая пара—Гумгэ-ноен, Гульбэрэ-хатунъ олицетворяютъ глубину водъ; гумгэ—можна произвести отъ слова гун-глубокій; имя-же Гульбэрэ сходность словами гульмэр или гульбэр—ящица, слѣдуетъ-ли въ этомъ случаѣ предполагать указаніе на быстроту текущей воды, исчезающей изъ глаза подобно скрывающейся ящицѣ или на легкую подвижность воды, не рискуя настаивать; въ третьей парѣ—оли-

цетвореніе физического явленія очевиднѣе — въ ней именно должно видѣть представлениe пугливой волны: Дошкин-ноен, Долье-хатун; дошкин — пугливый, долье — волна. Проводить далѣе эту мысль по отношенію къ другимъ именамъ представляется болѣе труднымъ, но я полагаю умѣстнымъ упомянуть о таковомъ замѣченномъ мною совпаденіи именъ божествъ съ именами реальныхъ предметовъ или физическихъ явленій, наблюдавшихъ въ водѣ. При перечисленіи именъ различныхъ божествъ, какъ тэнгэриновъ, такъ и подчиненныхъ имъ второстепенныхъ лицъ бурятского пантеона можно сдѣлать нѣкоторыя интересныя замѣчанія, а именно: 1) что имена бога и его жены, (а чаще всего имя бога сопровождается и именемъ его супруги, не отдѣляясь въ призывахъ и въ изображеніяхъ) служатъ дополненіемъ другъ друга, какъ напр. въ именахъ Гэрэл-ноен, Туя-хатун, т. е. лучистое зеркало, или свѣтлое блестящее зеркало, или въ именахъ Дошкин-ноен, Долье-хатунъ — пугливая волна...; 2) что въ начальныхъ звукахъ или буквахъ имени бога и его жены — существуетъ совпаденіе, т. е. что они начинаются обыкновенно съ одной и той-же буквы или даже со сходныхъ звуковъ, примѣры очевидны изъ сравненія именъ; подобное совпаденіе облегчаетъ запоминанія шаману.

Жертвоприношеніе царямъ водѣ дѣлаютъ обыкновенно виномъ и рыбами, но устраиваютъ и тайлаганы, т. е. кровавыя жертвы животными; тарасунъ возливаютъ или брызгаютъ въ ихъ честь при переходѣ въ лѣтники, ожидая отъ нихъ особаго по-

кровительства. Онгонъ Ухан-хата, приготовляемый для тайлагана и сохраняемый потомъ въ юртѣ, описанъ ниже.

Кромѣ царей западныхъ и водяныхъ, т. е. западнаго хата и Ухан-хата бурятская мифологія признаетъ еще восточный хатъ, восточныхъ царей; къ восточнымъ царямъ относятъ божества страшныя и неблагопріятствующія людямъ; почитаніе этихъ злыхъ существъ наблюдается и у балаганскихъ бурятъ, но болѣе извѣстно въ кудинскомъ и ольхонскомъ вѣдомствѣ. Выше всѣхъ стоятъ восточные тэнгэрины, какъ выше приведено: 9 кровавыхъ небъ и 13 тэнгріевъ Асаранги—покровителей черныхъ шамановъ и, вѣроятно, представителей ночного неба (окторгон), потому что жертвы имъ приносятся по ночамъ и жертвоприношеніе исполняется чернымъ шаманомъ, о которомъ можно предположить, что онъ самъ служилъ нѣкогда олицетвореніемъ и представленіемъ ночного неба. Когда у балаганскихъ бурятъ дѣлаютъ жертвоприношеніе желѣзному богу *Томорши-ноену* (тѣмэр—желѣзо), то выбираютъ темную безлуенную ночь; черный шаманъ въ одной рукѣ держитъ камень, а въ другой желѣзный молотокъ; у кудинцевъ тоже дѣлаются при жертвахъ небу Гужир и Эрлэн-хану. Ниже восточныхъ тэнгэриновъ, кровавыхъ небъ и 13 небъ Асаранги стоятъ: 1) Эрлэн-ханъ, 2) писаря его, 3) Эрью-хара-нойонъ — завѣдующій темницей Эрлэн-хана, 4) хозяинъ о-ва Ольхона, Ханъ-хото-бабай, братъ Эрленхана и 5) хозяинъ чернаго коня. Эрлен-ханъ, властитель подземнаго царства, особой темницы

Ерлен-тама, гдѣ томятся души грѣшниковъ, особенно шамановъ и служащихъ лицъ, т. е. старость, старшинъ, тайшей: эта тюрьма, такъ сказать, учрежденіе аристократическое, такъ какъ души простыхъ бурятъ не удостоиваются чести попасть въ темницу Эрлен-хана, а послѣ смерти, по мнѣнію шаманиста, остаются на землѣ и скитаются безъ пристанища.

Эрлен-ханъ и его братъ Хан-хото-бабай, хозяинъ острова Ольхона, происходятъ отъ восточныхъ тэнгэриновъ: одно изъ 4 восточныхъ небъ, Хамхир-богдо-тэнгэри, принадлежащее къ 44 восточнымъ тэнгриямъ, имѣло 3 сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ Бохо-тэли, соперникъ Бохо-мая; Бохо-тэли, сдѣлавшись тэнгриемъ, небомъ Гужир, женился на дочери западнаго неба Тэмэ-ногон и имѣлъ отъ нея 3 сыновей: *Эрлэн-хана*, *Гэлэн-бурхана* (или Далай ламу) и *Хан-хото-бабай*. Хозяинъ острова Ольхона живетъ въ озерѣ Байкалѣ въ обширномъ дворцѣ и имѣеть много подчиненныхъ духовъ; подъ его властью находится особое учрежденіе *ноехи сулан*. Хан-хото-бабай женился на дочери восточнаго неба Саг-саган-тэнгэри—по имени Саг-сагай-саган, отъ этого брака произошелъ орелъ (или только родившійся сынъ былъ названъ орломъ*).

*) У Ольхонскихъ бурятъ иное происхожденіе хозяина острова Ольхона, чѣмъ у кудинскихъ; такъ первые Ханъ-хута-ноена принимаютъ за младшаго сына неба Эсээ-малан, онъ пребываетъ на небѣ, а спускаясь на землю живеть въ ольхонской пещерѣ. У него приближенныя лица—съ лѣвой руки бывшій шаманъ Ногура, первый принесшій жертву съ своей матерью шаманкой Загура, съ правой руки Хата-бурхан Хомхозарин, живущій на горѣ Хотола, а на горѣ Ижимей живеть Нагура. У хозяина Ольхона и его жены Савхит-саган-хатун, дочери неба Сарма-сагач, есть сынъ—орель, жена его Шонхорхатун; нужно принять во вниманіе, что имя Сарма-саган напоминаетъ рѣку Сарму, впадающую въ Малое море.

Другие хозяина о. Ольхона считаютъ зятемъ Эрлен-хана, женатымъ на дочери его Хатан-хута.

Почитаніе бога о. Ольхона очень распространено въ кудинскомъ вѣдомствѣ; тамъ ему дѣлаютъ тайлганы многими животными и очень его чтуть; „это такой большой бурханъ“, говорили мнѣ буряты, „что всякая, что ни на есть, живая тварь молится ему“.

Въ штатъ при особѣ Эрлэн-хана входятъ между
другими 3 главные писаря, три ученые министра:

- 1) Харабли-бурхан — жена Харбажи-хатун.
2) Ухэрши-ноен — Угиши-хатун.
3) Сахит-хан — Сабиши-хатун.

У нихъ кучеромъ служить Хужи-бохо-хужир-занзу. Три упомянутыхъ лица описали весь міръ: все небо, со всѣми звѣздами, землю со всѣми растеніями и животными и наконецъ всѣхъ людей на землѣ. Имъ въ жертву приносятъ чернаго барана; рядомъ съ его шкурой, повѣшенной на березѣ, вѣшаютъ еще шкуру зайца; затѣмъ брызгаютъ тарасунъ, колютъ корову и чернаго коня, часть мяса откладываютъ, чтобы сѣять послѣ, а остальное сѣдаютъ; кости жертвенныхъ животныхъ не сжигаются, а выбрасываются собакамъ; шкуры также снимаютъ и бросаютъ.

(Хара-морин-эжин), хозяинъ чернаю коня Ажира-бохо иногда является людямъ, особенно обладающимъ большой физической силой и борется съ ними; таکъ разсказываютъ объ одномъ балаганскомъ бурятъ Шоболѣ, который цѣлую ночь боролся съ Ажира-бохо и ни одинъ изъ нихъ не остался побѣдителемъ.

дителемъ; боровшіеся съ Ажиро-Бохо скоро помираютъ и все время послѣ смерти проводятъ въ борьбѣ съ хозяиномъ чернаго коня, поэтому, изъ страха смерти, многіе не выказываютъ свою силу. Теперь Ажира-бохо почитается за большое божество, но въ его происхожденіи разсказывается, что онъ сперва былъ простой бурятъ, но такой сильный, что на одной свадьбѣ на каждое колѣно поставилъ по бочкѣ вина и угощалъ гостей. Когда Эрлен-ханъ узналъ о такомъ силачѣ, то велѣлъ его привести къ нему. Слуги Эрленъ-хана нашли его идущимъ домой и силой принудили идти съ собой; по дорогѣ провели его подъ искривленнымъ деревомъ, сильно наклонившимся надъ землей и обращеннымъ на СВ, отчего А. Б. сдѣлался невидимымъ (проходить подъ такимъ деревомъ считается грѣхомъ) и былъ представленъ Эрлен-хану. Появленіе силача было полезно Эрлен-хану: вслѣдствіи сильной смертности людей, души которыхъ направлялись къ Эрлен-хану, другіе боги заперли темницу Эрлен-тама; черезъ это люди стали помирать рѣже и стали долговѣчны; такое уменьшеніе власти было очень непріятно и потому Ажира-бохо получилъ приказаніе открыть двери темницы: Ажира-бохо открылъ дверь ударомъ ноги и за этотъ подвигъ сдѣлался большимъ божествомъ.

Изъ того, что Ажира-бохо, получившій власть черезъ Эрлен-хана, взятъ послѣднимъ живымъ на небо, необходимо заключить, что и самъ Эрлен-ханъ не только имѣетъ небесное происхожденіе, но и пребываетъ на небѣ, хотя адъ, Эрлен-тама, по-

мѣщается, въ сказкахъ, подъ землей, а жилище подъ водой. Хотя Ажира-бохо и называется эжиномъ, но, вѣроятно, что слово эжинъ въ этомъ случаѣ употребляется въ иномъ смыслѣ, чѣмъ въ случаѣ обоготовленія огня въ лицѣ хозяина, эжина огня Сахяды-ноена; очень можетъ быть, что здѣсь слово эжинъ означаетъ обладателя; это отчасти подтверждается тѣмъ фактамъ, что нѣкоторые умершіе шаманы считаются обладателями бѣлаго коня, или пѣгаго, чернаго, на которомъ и ъздятъ послѣ смерти, посѣщаю окрестности своего улуса, по которымъ разъѣзжали при жизни на такомъ-же конѣ; таковъ напр. Игэрхэн-Алханцаевъ.

Выше было упомянуто обѣ Ухан-хатѣ, какъ о собраніи покровителей водной стихіи, водяныхъ боговъ; но кромѣ того существуютъ еще другія существа, такъ или иначе связанныя съ водой; не сомнѣнно напр., что Байкалъ имѣетъ личное божество, представляющее само олицетворенное озеро или море; такое указаніе подтверждается тѣмъ фактамъ, что ольхонскіе буряты приносятъ жертвы особой богинѣ, хозяйкѣ моря (далан-эжин) Аба-хатан, а также и нѣкоторыми свѣдѣніями обѣ особой богинѣ *дочери моря*. Не смотря на свое имя „*дочь моря*“ однако эта богиня земная, отъ нея зависятъ люди или по крайней мѣрѣ женщины. Когда небесный богъ Солбонъ—олицетвореніе утренней звѣзды—Венеры, покровитель лошадей и дѣтей(?) взялъ себѣ въ жены обыкновенную женщину безъ согласія *дочери моря*, то послѣдняя, въ наказаніе, причинила болѣзнь сыну Солбона Согто-моргону, прижитому отъ этого брака.

Балаганские буряты говорятъ, что Байкалъ имѣетъ 9 сыновей и одну дочь; девять сыновей моря—это рѣка Селенга съ ея притоками или 9 большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Байкалъ, а дочь—рѣка Ангара. Байкалъ (эжинъ Байкала) говоритъ слѣдующее: „9 сыновей моихъ собираютъ мнъ добро, а единственная дочь моя (Ангара) всегда его увозитъ и не скажетъ довоально“¹. Подобное выражение вообще употребляется какъ поговорка по отношенію къ дочерямъ, хотя нельзя сказать, чтобы это было справедливо, если принять въ разсчетъ получаемый при выдачѣ замужъ дочерей большой калымъ.

Не одно только небо съ его явленіями, море и воды съ подземнымъ царствомъ служили предметами обоготворенія, но вся природа, во всѣхъ ея проявленіяхъ, давала обильную пищу фантазіи дикаря, возвуждая то страхъ, то удивленіе и удовольствіе, а вслѣдъ затѣмъ и сознаніе своего безсилія передъ этой природой и ея объектами, каковое сознаніе влекло за собой стремленіе къ поклоненію этимъ могучимъ силамъ, явленіямъ и предметамъ. Къ такимъ то предметамъ принадлежать: солнце, луна, звѣзды, животныя, растенія, камни; а наконецъ и самъ человѣкъ, его душа, послѣ того, какъ она покинула тѣло.

Солнце—наран, по бурятски, и луна—хара имѣютъ одного обладающаго духа, одного хозяина — эжина солнца и луны, особу женского пола *Шанданина Хунданина*. Ей дѣлаютъ въ случаѣ болѣзни жертву бараномъ. Во время призываѣнія передается такой разсказъ: у одно женщины было 2

дочери; потомъ она умерла, а отецъ женился вто-
рично; мачиха не любила дочерей отъ первого брака
и потому разъ сказала: „чтобы взяла васъ луна
или солнце“; разъ дѣвушки пошли за водой, но
солнце и луна хотѣли схватить ихъ; одна изъ дѣвуш-
екъ уѣпилась за кустъ и оторвала часть его; схва-
тило дѣвушку сперва солнце, но луна, указывая на
утомленіе ночью, просила солнце уступить ей дѣвушку;
солнце отдало—и съ тѣхъ поръ на лунѣ видно изобра-
женіе дѣвушки, ухватившейся одной рукой за кустъ*);
другая въ это время спряталась въ воду или подъ
хубсурт (половикъ изъ конской кожи), считающейся
нечистымъ. Затмѣніе солнца и луны, какъ переда-
валъ одинъ балаганскій шаманъ, приписывается жи-
вотному *Алха***), имѣющему только одну голову,
безъ туловища; оно проглатываетъ луну и солнце,
и тогда солнце или луна кричатъ „спасите меня“,
отчего люди въ это время стараются шумѣть вся-
чески и кричать, чтобы прогнать чудовище. Такое-
же вѣрованіе существуетъ у индусовъ браманистовъ;
они говорять, что демонъ Рагу проникъ въ общес-
тво боговъ и отвѣдалъ напитка бессмертныхъ, но
Вишну по указанію солнца и луны, открывшихъ
демона, отрубилъ ему голову и эта бессмертная го-
лова съ тѣхъ поръ преслѣдуется свѣтила; по дру-
гому показанію, одно, черное чудовище, Рагу—погло-

*) Изображеніе этой дѣвушки, сдѣлавшейся хозяйкой солнца и луны, или одной только луны, рисуютъ иногда на шаманскихъ ящикахъ (шире) и ея-же буряты видятъ въ лун-
ныхъ пятнахъ.

**) Алха можно произвести отъ бурятского слова алха—
убить.

щаетъ солнце, другое, красное, луну; причемъ оба имѣютъ видъ головы; хотя, какъ понимаютъ и дикари, отрубленная голова не можетъ долго задержать свѣтило, такъ какъ проглотивъ, должно его и выпустить, тѣмъ неменѣе, поднимаютъ сильный шумъ, вѣроятно, съ цѣлью облегчить страданія свѣтила. Монголы такое-же чудовище называютъ Арахо*). Имена чудовищъ—индусское Рагу, монгольское Арахо и бурятское Алха весьма сходны.

Обожаніе солнца и луны въ прежнее время, по видимому, было значительно развито, судя по сохранившимся изображеніямъ ихъ, впервыхъ, на онгонахъ, у бурятъ балаганскихъ, на концахъ неба, потомъ на шаманскомъ. *шире* (ящикѣ съ конными тростями, бубнами и другими шаманскими принадлежностями) въ ольхонскомъ вѣдомствѣ и наконецъ на уцѣлѣвшихъ на шаманской одеждѣ мѣдныхъ фигурахъ въ видѣ кружковъ съ срединными радиусами отъ 4 до 6 въ каждомъ.

Подобные кружки найдены были въ лѣсу возлѣ того мѣста, где былъ сожженъ шаманъ (въ верхоленскомъ вѣдомствѣ). Не безъинтересно, что совершенно сходныя по величинѣ и формѣ фигуры изъ бронзы, (тогда какъ найденыя близъ Хогота (Иркутской губерніи верхоленского вѣдомства), повидимому, изъ мѣди), изображены въ числѣ древностей пермскихъ въ атласѣ Аспелина „Antiquit es du nord-finno-ougrien“, вып. II, №№ 632, 634, 635, 637, изъ Пермской губерніи.

*) Тэйлоръ, Первобытная культура Т. I. стр. 304—305, о затмѣніяхъ С. Шашковъ, „Шаманство въ Сибири“, стр. 18.

С. Шашковъ въ своей статьѣ о шаманствѣ (tocif., стр. 77) упоминаетъ, что у бурятъ есть идолы эжиновъ от солнца и луны, въ формѣ деревянныхъ кружковъ, обитыхъ красной шелковой матеріей.

Мнѣ лично не удалось видѣть онгоновъ солнца и луны, о которыхъ говорить С. Шашковъ, равно и на всѣ мои разспросы черезъ посредство г. Хангалова о почитаніи солнца и луны и вообще объ слѣдахъ солнечнаго культа всегда приходилось слышать отрицательные отвѣты, и потому я склоняюсь допустить, что эти вѣрованія потеряли уже свое прежнее значеніе, потому, быть можетъ, что они были заимствованы отъ другаго народа и не удержались, не найдя точки опоры въ собственныхъ идеяхъ бурятъ, или потеряли прежнее значеніе, вслѣдствіи иныхъ климатическихъ условій обитаемой нынѣ страны, по сравненіи съ ихъ древней родиной, лежавшей вѣроятно южнѣе, гдѣ дѣятельность солнца выступаетъ рельефнѣе; буряты-же, какъ известно, не были древними насељниками прибайкалья. „Поклоненіе солнцу далеко не повсемѣстно, среди низшихъ человѣческимъ расъ и встрѣчается какъ на высшихъ ступеняхъ дикихъ религій, такъ и у варварскихъ народовъ“, говоритъ Тэйлоръ*). „Солнце, продолжаетъ онъ далѣе, не такъ часто является божествомъ у дикихъ охотниковъ и рыбаковъ, какъ у земледѣльцевъ, которые изо дня въ день слѣдятъ за тѣмъ, какъ оно то даетъ, то отнимаетъ у нихъ ихъ богатство, или другими словами ихъ жизнь“. Обращаясь къ бурятамъ, замѣтимъ,

*) Тэйлоръ, Первобытная культура, стр. II, стр. 336.

что земледѣліемъ занимаются только кудинскіе, идинскіе и балаганскіе буряты и то относительно очень недавно, лѣтъ съ 30 тому назадъ, всѣ же прочіе буряты остались прежними исключительными скотоводами, звѣроловами (въ Тункѣ) и рыбаками (на Ольхонѣ); на 700 душъ, населяющихъ Ольхонъ, только у одного засѣяно хлѣбомъ полдесятины. Понятно, что нынѣ буряты или не видятъ прямой зависимости своего богатства отъ дѣятельности солнца, какъ настоящіе скотоводы, звѣроловы и рыбаки, или еще эти идеи о солнечной силѣ въ смыслѣ силы, создающей ихъ богатство, не дозрѣло до высоты религіозной идеи. Препятствіемъ къ такому переходу къ обожанію солнца служить и повсемѣстный упадокъ шаманскихъ вѣрованій.

Къ группѣ обоготовляемыхъ свѣтиль относится описанный выше Солбон-Саган-тэнгэри или Уха-Солбон, ежинъ звѣзды Солбон — въ которомъ возможно разумѣть планету Венеру. Относительно другихъ звѣздъ могу привести только названія, списокъ которыхъ пополнится впослѣдствіи. *Большую медвѣдицу* буряты называютъ Долон-обѣгд, что значитъ семь стариковъ, довольно сходно съ монгольскимъ именемъ созвѣздія: Долон-Бурхан^{*)}), т. е. семь боговъ. *Орионъ*, собственно 3 звѣзды пояса Ориона, называютъ *Гурбан-Марал*, три марала (мараломъ называютъ благородного оленя). *Млечный путь* — представляютъ какъ *небесный шовъ* — тэнгэри обдол. Затѣмъ еще записаны у меня названія созвѣздій, по-

^{*)} Потанинъ. Громовинъ по новѣріямъ Южной Сибири и Сѣверной Монголіи. Жури. Мин. Нар. Проеv. 1882 г. № 1, стр. 144.

бурятски, безъ указанія, къ какимъ собственно группамъ звѣздъ они должны быть пріурочены; это именно: *мородон*—звѣзда колесо и *шодородон*—звѣзда треножникъ; первое изъ нихъ соотвѣтствуетъ, быть можетъ, *сѣверной коронѣ*, а второе состоить изъ 2 звѣздъ между плеядами и Оріономъ*).

Саган-одон--вечерняя звѣзда, появляющаяся за заходомъ солнца.

Шонон-дёрбён-нюден—Волчьи 4 глаза.

Ялан-одон—звѣзда постоянная, около Ориона.

Хума-одон—звѣзда наконечникъ стрѣлы (хума).

Хун-одон—человѣческая звѣзда, видна въ темную ночь на сѣверѣ, къ утрудвигается на западъ; близъ горизонта.

Залата-одон—комета (зала-кисть на шляпѣ изъ ленты).

Мешэд-плеяды, у Кастрена это слово пишется misit-misin, т. е. мишит, мишин.

Хотя радуга и не принадлежитъ, какъ физическое явленіе, къ свѣтиламъ, но ея зависимость отъ солнца и ея появленіе на небѣ позволяютъ ее помѣстить вслѣдъ за звѣздами. Радугу буряты называютъ *уңең-ези шеге-моча* самки лисицы; нельзя съ положительностью отвергать, чтобы бурятамъ была непонятна генетическая связь радуги съ солнцемъ, а въ мифахъ солнце иногда сравнивается съ волкомъ и лисицей; и идею зависимости радуги отъ солнца—лисицы, буряты выразили, придавъ радугѣ характеръ выдѣленія лисицы, т. е. солнца.

*) Atlas zum Lehrbuch der Kosmischen Physik, von I. Müller, tab. III.

Обоготвореніе солнца, или собственно слѣды солнечнаго мифа можно видѣть въ борьбѣ двухъ сыновей неба: сына западнаго неба Заян-саган-тэнгэри— «*Бохо-Муя*» (бохо—богатырь, силачъ; муя—буиный) и сына восточнаго неба Хамхир-Богдо— «*Бохо-Тэли*» (Тэли—средній) т. е. въ борьбѣ двухъ солнечныхъ героевъ. Солнечный характеръ ихъ можно видѣть относительно перваго—*Бохо-Муя*—богатыря, которому приданъ эпитетъ буйный, эпитетъ часто прилагаемый къ именамъ греческихъ солнечныхъ героевъ—Зевса, Ахиллеса, Гектора, Улисса, и др.

Далѣе превращеніе этихъ богатырей въ быковъ, темно-синяго и пестраго, напоминаетъ сравненіе солнечныхъ героевъ греческихъ съ быками или даже ихъ превращенія въ быковъ. Въ превращенномъ въ синяго пороза, въ быка, не лишенного половой способности, *Бохо-Муя*,—можно видѣть также и дневное небо, голубой сводъ, характеризующійся и присутствиемъ солнца (того-же *Бохо-Муя*); а въ *Бохо-Тэли*—ночное небо, покрытое звѣздами, придающими пестрый видъ небу, отчего и употребленъ эпитетъ пестрый къ тому порозу, въ котораго превратился *Бохо-Тэли*; но подъ нимъ-же и можно предположить луну, существо мужескаго пола, какъ и солнце, такъ какъ въ бурятскихъ мифическихъ преданіяхъ они оба, солнце и луна, похищаются женщинъ, а луна даже въ образѣ красиваго мальчика является причиной беременности женщины *). Борьба двухъ героевъ — выражаетъ борьбу свѣтиль во время коктюонкціи солнца и луны, происходящей ночью; пораненіе губы, а потомъ рас-

*) См. Шашкова. Шаманство въ Сибири, стр. 14 и 15.

кальваніе рога пестраго пороза, подтверждаетъ лунный характеръ Бого-Муя, такъ какъ рога суть принадлежность серповидной луны, хотя рога иногда переносятся въ греческихъ мифахъ и на солнце.

Какъ нѣкоторые солнечные герои, какъ напр. циклопы греческихъ мифовъ, являются строителями построекъ и стѣнъ, производятъ молнию и громъ, и бываютъ кузнецами, такъ ими же являются оба и Бого-Муя и Бого-Тэли. Побѣдителемъ въ борьбѣ остается, однако солнце, дневное синее небо (темно-синій порозъ) надъ луною, заходящимъ, съ поврежденными рогами. Слова пестраго пороза,— луны или ночного неба, что и ему будутъ приносить жертвы, какъ и дневному небу и солнцу, говорять о вторичномъ появленіи луны или ночи, не смотря на ее исчезновеніе при восходѣ солнца.

Относительно роговъ можно замѣтить, что какъ греки въ рогахъ серповидной луны видѣли рога лука, а также и лиры, т. е. эмблемъ солнечныхъ поющихъ героевъ: Апполона, Діониса, Иракла, Зевса, такъ въ нихъ буряты видѣли рога быка прародителя---Буха-Ноина, тождественного съ Бого-Муя.

Воеводскій въ интересной своей работе *) кокъюнкцію солнца и луны, т. е. прохожденіе луны мимо диска солнца символически изображаетъ въ видѣ кружка—солнца, по бокамъ котораго помѣщены двѣ лунки, одна, лѣвая, со стороны солнца, а отъ читателя правая, изображаетъ луну утромъ, а правая вечеромъ. (⊕ ⊖ ⊚). Кокъюнкція солнца и луны въ такомъ видѣ служитъ основой для мифовъ о борьбѣ солнеч-

*) Воеводскій. Введеніе въ мифологію Одиссея, стр. 32.

ныхъ героевъ; подобный мифъ имѣютъ и буряты въ борьбѣ Бого-Муя, тождественного съ Буха-Ноиномъ, ихъ прародителемъ, и Бого-Тэли. Издаваемый Бого-Муя или Буха-Ноиномъ ревъ напоминаетъ крикъ и пѣніе солнечныхъ героевъ греческихъ мифовъ, а равно и героеvъ славянскихъ, напр. Соловья Разбойника. Въ ходѣ борьбы обоихъ солнечныхъ героевъ легко усмотреть описание движенія солнца и луны, и луна, уходящая утромъ отъ солнца, выражено вѣроятно въ мифѣ въ видѣ пестраго пороза, удалявшагося съ поврежденнымъ рогомъ; въ подобномъ же мифѣ, записанномъ у Шашкова (loc. cit, 42 стр.) Буха-Ноинъ восемь разъ обѣгаетъ небо, прежде чѣмъ спуститься на землю, чѣмъ уподобляется Гектору, тоже солнечному герою, обѣгающему нѣсколько разъ вокругъ стѣнъ Трои передъ борьбой съ такимъ-же солнечнымъ героемъ побѣдителемъ Ахилломъ, восходящимъ солнцемъ.

Рассказу о томъ, что попуты Буха-Ноина выростали пихтовый лѣсъ и верескъ можно видѣть аналогію въ мифѣ объ оскопленіи Урана, тоже представителя солнца. «Изъ капель крови, упавшихъ во время оскопленія, произошли, кромѣ Эриній и Гигантовъ, «сверкающихъ бронью» еще и пимфы Меліи, т. е. выросли ясени» *), о чёмъ далѣе авторъ названной работы говорить; «какъ въ мифѣ о Полифимѣ ослюпленіе этого представителя солнца сопровождается пыланіемъ дерева, такъ въ данномъ случаѣ оскопленіе Урана сопровождается кровавымъ, т. е. то же, что огненнымъ дождемъ, преобразующимъ

*) Воеводскій, loc. cit — 174.

щимся въ лѣсѣ». Миѳъ оскопленія Урана ближе подходитъ къ миѳу о Буха-Ноинѣ, такъ какъ лѣсъ пихтовый выростаетъ отъ выдѣляемой мочи сиваго пороза, т. е. тоже отъ дождя, но только не кроваваго.

Умѣстно здѣсь же сказать нѣсколько словъ о тѣхъ единичныхъ властителяхъ природы, которымъ въ миѳологіи другихъ племенъ отводится видное мѣсто, въ бурятской же только намѣчаются; легко предположить, что будь у бурятъ такой сборникъ народныхъ пѣсенъ, какъ финская Калевала, рядъ подобныхъ властителей быль-бы не менѣе длиненъ, чѣмъ у финновъ. Теперь-же упомянемъ, что въ параллель финскимъ богамъ тумана, вѣтровъ, зари и покровителей дикихъ и домашнихъ животныхъ, и у бурятъ существуютъ намеки на слищетвореніе тѣхъ-же явлений природы.

Божеству, зажигающему, по вѣрованію эстовъ утромъ солнце, Койту, и загашивающему его вечеромъ, Эмарику, соотвѣтствуютъ *Гээ-лама* и *Далай-лама*, но при сообщеніи этого шаманы говорили, что эти боги признаются только ламаитами, какъ боги утренней и вечерней зори.

Эжинами южнаго и сѣвернаго вѣтра считаются западные тэнгри, тогда какъ Эжины тумана принадлежать къ восточнымъ тэнгэринамъ.

Господиномъ лѣса называютъ Ойн-эжина, т. е. хозяина лѣса*).

Тёрури**)-эжинъ живетъ въ степяхъ или въ лѣсу и заставляетъ людей сбиваться съ дороги.

*) Ойн-лѣсъ, см. Словарь Кастрена въ „Vezsueh einer Burjatischen Sprachlehre“.

**) Тёрьенам (n) — кружиться, блуждать.

Но власть надъ дикими звѣрями принадлежитъ не этимъ хозяевамъ лѣса, а особымъ лицамъ-хозяевамъ отдельныхъ горныхъ лѣсовъ, *тайги*; такъ балаганскіе и кудинскіе буряты знаютъ хозяевъ *восточной* и *западной тайги*, понимая подъ этими тайгами—хребты байкальской и березовый; тункинскіе напротивъ, знаютъ *хангая спвернаго* (Хойтингского) и *южнаю* (урякшинскаго); понимая подъ хангаемъ такого-же хозяина тайги, т. е. горнаго лѣса, въ одномъ тункинскихъ, и въ другомъ—саянскихъ горъ*).

Въ религіяхъ, представляющихъ въ различныхъ видахъ обожаніе природы и ея явлений—не могло быть не отведено подобающаго мѣста и органическому миру—миру растеній и животныхъ, и послѣднимъ болѣе видное мѣсто, такъ какъ буряты только что недавно стали знакомиться съ культурой растеній, а стало быть и понимать ихъ значеніе, тогда какъ животныя издавна изучались то какъ предметъ охоты, который нужно перехитрить или осилить, то какъ животныя домашнія; старики и теперь еще рассказываютъ, какъ прежде ихъ предки собирались для облавы на звѣрей, на общественную охоту, «зэгэтэ-аба», вмѣстѣ съ рыболовствомъ доставлявшей имъ средства къ существованію **).

Рядъ животныхъ, пользующихся теперь особымъ почтеніемъ, не очень длиненъ, и нѣть почти ни одного

*) Черскій. Нѣкоторыя примѣчанія къ описанію Байкала Риттера, стр. 63. (Извѣстія В. Сиб. О. Т. XII, №№ 4—5).

**) Национальный праздникъ у бурятъ (Извѣстія В. Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. XI, №№ 3—4, стр. 33).

животнаго, которое считали бы богомъ, исключая орла, сына бога острова Ольхона, символъ одного изъ лицъ западнаго Хата, Хан-Шаргай-Ноёна; орель же былъ по нѣкоторымъ преданіямъ и первымъ шаманомъ. Причины почтенія, питаемаго къ тому или другому виду животныхъ, довольно разнообразны; можно различить слѣдующія формы обожанія: 1) непосредственное обоготвореніе, напр. орла, вслѣдствіе его небеснаго происхожденія; 2) обожаніе животнаго, какъ родоначальника племени: Буха-Ноина, лебедя, волка, налима; 3) обожаніе животнаго, представляемаго воплощеніемъ божества или хозяина цѣлаго вида, напр. хорька, кувицы, горностая, лисицы и соболя (у черныхъ тарсайскихъ шамановъ Идинскаго вѣдомства) 4) обожаніе животнаго, отличающагося умомъ, напр. ежа; 5) обожаніе за силу или вслѣдствіи ихъ вреда—медвѣдя, змѣй. Перечисленныя животныя принадлежать по всѣмъ классамъ позвоночныхъ животныхъ, изъ безпозвоночныхъ мифология шаманская знаетъ только пчелу и какого-то водяного жука (не ракообразнаго-ли бокоплава, *gasterias*, котораго такъ много въ Ангарѣ и Байкаль), и помышляетъ ихъ на священныхъ изображеніяхъ, онгонахъ Ухан-Хата и Зурактанъ, вмѣстѣ съ верблюдомъ, быкомъ, орломъ, лягушкой и змѣей.

Слѣды обожанія животныхъ можно усмотрѣть въ тѣхъ увеселеніяхъ, которыя слѣдуютъ по вечерамъ послѣ большихъ жертвоприношеній, тайлгановъ, посвященіи въ шаманы; на такихъ вечерахъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является шаманъ. Послѣ распределенія назначенныхъ для пиршства барановъ различнымъ божествамъ (9 небеснымъ стари-

камъ, 9 старухамъ, 9 сыновьямъ и 9 дочерямъ), животныхъ колятъ и мясо съѣдаютъ; тогда начинается призываніе небесныхъ и земныхъ божествъ, онгоновъ; призываляемый онгонъ свое присутствіе обнаруживаетъ въ особѣ шамана и его устами говорить свое происхожденіе; призываніе поется хоромъ или однимъ шаманомъ. Между другими онgonами призываются и онгоны животныхъ, которые изображаются въ юмористическомъ видѣ и шутками забавляютъ присутствующихъ, прежде же, по всей вѣроятности, это появленіе имѣло иной характеръ и могло напоминать напр. Медвѣжій праздникъ айновъ на Сахалинѣ. Тутъ являются 1) Заря-Азарга, ежъ, 2) Бабаган-онгонъ,—медвѣжій онгонъ, 3) Тэхэ-онгон, козлиный 4) Буха-онгон—бычій и 5) Бубе-онгон—овечій онгоны. Когда приходитъ Бабаган-Онгон, то все сидятъ смироно, не шевелясь; шаманъ, представляющій онгона, подражаетъ движеніямъ медвѣдя, становится на ноги и хлопаетъ руками, ходить на четверинкахъ, обнюхиваетъ сидящихъ; наконецъ кто либо бросаетъ платокъ, медвѣдь сердится, хватаетъ кого попало и кладетъ къ порогу,кусаетъ и реветь, и ждетъ пока не перестанетъ шевелиться; потомъ возлѣ перваго, кладетъ другаго, третьяго и образуется наконецъ цѣлая куча; все это вызываетъ смѣхъ и шутки.

Тэхэ-и буха-онгоны подражаютъ представляемымъ животнымъ, ходятъ на четверинкахъ, бодаются, какъ быкъ роютъ землю.

Небесный онгонъ Заря-Азарга (ежъ) не имѣть ни ногъ, ни рукъ; приходя, онъ разсказываетъ:

Однажды Эсэгэ-Малан-Тэнгэри женилъ своего сына и отвезъ его поэтому случаю къ невѣстѣ, но сынъ убѣжалъ, и каждый разъ, какъ отецъ его отвозилъ, онъ убѣгалъ отъ своей невѣсты. Эсэгэ-Малан-Тэнгэри хотѣлъ посовѣтоваться съ Заря-Азарга и послалъ за нимъ; когда Заря-Азарга поднялся на небо и вошелъ въ юрту, то дѣти неба стали смѣяться надъ Заря-Азарга, чѣмъ очень его разсердили и ежъ ушелъ на землю. Тогда Э. М. Т. послалъ трехъ крылатыхъ посланниковъ подслушивать, что будетъ говорить Заря-Азарга. Идетъ Заря-Азарга между быками—и быки разбѣжались, увидѣвъ ежа, за это они были осуждены имъ вѣчно носить тяжести и быть подъ ярмомъ; подходитъ Заря-Азарга къ табуну лошадей—и лошади, испугавшись, разбѣжались; Заря-Азарга пророчески изрекъ: «пусть съ этого времени съ головы вашей не снимется узда, съ шеи хомутъ, со спины сѣдло и съ ногъ путы, вы будете возить человѣка и тяжести». По дорогѣ Заря-Азарга разсуждалъ вслухъ: «зачѣмъ Э. М. Т. не привезетъ невѣstu къ сыну, тогда невѣста не уйдетъ отъ жениха, женихъ-же всегда уйдетъ». Узнавъ слова Заря-Азарга—отецъ неба сталъ пріучать быковъ носить ярмо и возить тяжести, а лошадей къ уздѣ и сѣду; а невѣstu сына взялъ и привезъ къ сыну. Съ того времени буряты начали употреблять для своихъ нуждъ быковъ и лошадей, и установился обычай невѣstu отвозить въ домъ жениха, а не наоборотъ. Буряты вообще настолько уважаютъ раз-

судительность ежа, что совѣтуютъ ведущему какую-либо тяжбу имѣть при себѣ и глы ежа^{*)}.

*) О Заря-Азарга (ежѣ) рассказываютъ еще слѣдующія легенды, изъ которыхъ видно уваженіе, питаемое бурятами къ ежу.

Балаганская легенда передается такъ: Хозяинъ земли-дадынъ эжинъ Даба-ноен (но также и дэлхэн-эжинъ Дибэн-Саган-Ноен) потребовалъ отъ неба Хан-Хурмас (или Хурмас-тэнгэръ) лучи луны и солнца, обѣщая въ случаѣ неисполненія требованія причинить людямъ зло. Жалѣя людей, созданныхъ имъ, при участіи всѣхъ прочихъ западныхъ тэнгріевъ, Хурмуста старался поймать солнечные и лунные лучи, но, потерпѣвъ неудачу, созвалъ на совѣтъ всѣхъ 55 западныхъ тэнгріевъ; на совѣтѣ присутствовалъ и Заря-Азарга; такъ какъ совѣтъ тэнтріевъ не придумалъ, какъ исполнить требованіе хозяина земли (дадын-эжинъ), то Заря-Азарга ушелъ домой. По дорогѣ Заря-Азарга говорилъ: „Западное небо Хурмуста собралъ на совѣтъ всѣхъ западныхъ тэнгриновъ, а они не могутъ придумать средства, какъ поймать лучи солнца и луны; но сдѣлать это не возможно, оттого, что на землѣ сдѣлается темно; они должны придумать что-нибудь такое, что заставило бы хозяина земли отказаться отъ своего требованія; если они потребуютъ отъ хозяина земли „дадын-жирэлэ“ и „далан-мирали“, то хозяинъ земли не сможетъ этого достать и откажется тогда отъ своего требованія“. Посланные неба Хурмуста подслушивали, что будетъ говорить Заря-Азарга, имѣвшаго привычку думать вслухъ, донесли Хурмуста слова ежа. Тогда западные тэнгріи послѣдовали совѣту ежа и потребовали *дадын-жирэлэ* и *далан-мирали* у хозяина земли. Хозяинъ земли поручилъ царю водъ Уха-Лобсону послать ему *далан-мирали*, но тотъ отвѣчалъ, что сдѣлать этого не можетъ, а самъ дадын-эжинъ не могъ поймать *дадын-жирэлэ* и долженъ былъ отказаться отъ своего требованія.

Кудинцы ту-же легенду передаютъ почти также: Эсэгэ-малан-тэнгэръ и хозяинъ земли породнились между собою посредствомъ брака своихъ дѣтей. Разъ хозяинъ земли былъ въ гостяхъ у неба Эсэгэ-Малан-Тэнгери; при уходѣ домой онъ попросилъ въ подарокъ солнце и луну. Соблюдая священный обычай гостепріимства, Э. М. Т. не могъ отказать и подарилъ хозяину земли луну и солнце, и тотъ, принеся ихъ домой, заперъ въ ящикъ. На землѣ тогда стало темно, а Э. М. Т. ничего не могъ сдѣлать, чтобы возвратить солнце и луну и послалъ за

У бурятъ и въ сказкахъ и въ обрядахъ можно прослѣдить слѣды обожанія змѣй, культа, имѣвшаго весьма широкое распространеніе въ Азіи, въ Европѣ и Америкѣ*). По-бурятски змѣя—могой,—она часто въ видѣ чудовища о нѣсколькихъ головахъ является въ сказкахъ, наконецъ именемъ Мого, Мого-хана называется герой одной сказки; изображеніе змѣи рисуются у балаганцевъ на онгонахъ, и наконецъ даже совершается жертвоприношеніе пестрой овцой змѣиному царю Алтан-толи и его женѣ Алташа-Хатун; при этомъ обрядъ вмѣстѣ съ костями сжигаются на жертвенникѣ и часть мяса, свернутаго и перевязаннаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ четырехцвѣтными шелковинами въ видѣ змѣи; въ призывааніи шаманъ проситъ принять жертву и сообщаетъ, что тайша змѣй живеть на горѣ Тамири-Улан (Курумчинского рода, Кудинскаго вѣдомства), староста змѣй

Заря-Азарга, но послѣдній былъ обиженъ наемѣнками 9 сыновей и 9 дочерей неба Э. М. Т., которые смѣялись надъ тѣмъ, что ежъ не ходить, потому что не имѣть ногъ(?), а катается; Заря-Азарга ушелъ, по дорогѣ выболталъ свою мысль, которою и воспользовался Э. М. Т. Онъ пошелъ самъ въ гости къ хозяину земли и погостили въ нѣсколько дней, сталь сбираться домой. „Что тебѣ подарить?“ говорить хозяинъ земли. „Подари мнѣ коня изъ весеннаго отраженія и стрѣлу изъ эхо“, отвѣчалъ Э. М. Тэнгэри. Хозяинъ земли не могъ исполнить просьбу и сказалъ: „пусть родство и дружба напа останутся прежними, а ты возьми солнце и луну“. Эсэгэ-Малан-Тэнгэри согласился. Хозяинъ земли вынулъ изъ ящика солнце и луну и передалъ гостю, а послѣдній, по пріѣздѣ домой, пустилъ ихъ по прежней дорогѣ, и на землѣ опять день стала смынаться ночью.

У балаганскихъ бурятъ хозяину земли дѣлаютъ осенюю талганъ, который называется *Намары-таман*, т. е. осенний талганъ.

*.) См. Тэйлоръ. Первобытная культура, II, 293.

въ Верхоленскомъ вѣдомствѣ на горѣ Байтаекъ (или на горѣ Капсаль), а старшина змѣй—въ земляхъ Китайской инородной управы. Жертвы змѣиному царю дѣлаются, какъ говорять, съ недавняго только времени по слѣдующему случаю: у одного бурята заболѣла нога, потому что разъ во время покоса онъ убилъ змѣю; болѣзнь сильно развивалась, больной терялъ даже сознаніе и сходилъ съ ума; всякий разъ, какъ въ юрту входилъ старшій сынъ, боль усиливалась и больному казалось, что тогда появлялась маленькая змѣя и кусала ногу; больной прогналъ наконецъ сына, но боль не унялась, часть ноги отпала и больной умеръ; возвратившійся сынъ сдѣлался шаманомъ и началъ приносить жертву змѣиному царю, который ему покровительствовалъ.

Непосредственное обожаніе отдѣльныхъ животныхъ теперь нельзя уже встрѣтить у бурятъ, но на существованіе поклоненія животнымъ указываютъ тѣ онгоны въ видѣ шкурокъ животныхъ—хорѣка, горностая, куницы, соболя, которыхъ находятся въ каждой юртѣ шаманствующихъ бурятъ; у кудинскихъ и прибайкальскихъ бурятъ очень распространены хорекъ, а онгонтъ называется хозяинъ хорѣка—Холонгон-Эжин, у балаганцевъ кромѣ него существуютъ еще онгоны куницы и горностая.

О хозяинѣ хорѣка—Эргил-Буга-Ноён-Тонхой—рассказываютъ, что онъ сдѣлался шаманомъ 7 или 10 лѣтъ. Онъ родился отъ 7-ми лѣтней дѣвочки оттого, что съ неба сошелъ градъ и дѣвочка проплотила градину; дѣвочка забеременѣла; когда родители замѣтили это, то поселили дочь въ отдѣльной нарочно выстроенной юртѣ; испуганные тѣмъ, что

дѣвочка не могла долго разрѣшиться, ее выдали замужъ за 70-ти лѣтняго старика Мэндэн, который однако не могъ быть отцомъ ребенка; тѣмъ не менѣе дѣвочка родила и родившійся сынъ скоро сдѣлался великимъ шаманомъ.

На ряду съ почитаніемъ животныхъ у бурятъ существуетъ и обожаніе растеній. Не говоря уже о тѣхъ растеніяхъ, которымъ приписываютъ божественное происхожденіе, какъ багульникъ и пихта, выросшіе тамъ, гдѣ проходилъ Буха-Ноёнъ, буряты относятся съ поченіемъ къ нѣкоторымъ единичнымъ растеніямъ, деревьямъ; такъ они питаютъ суевѣрный страхъ къ деревьямъ искривленнымъ, съ сильно пригнутыми къ землѣ вершинами; пройти подъ такимъ деревомъ считается грѣхомъ; Ажира-Бохо (хозяинъ чернаго коня), пройдя подъ такимъ деревомъ, сдѣлался невидимымъ и былъ взятъ живымъ на небо. Но существуютъ и другія деревья, которыя по внѣшности ничѣмъ особеннымъ не отличаются, а между тѣмъ возбуждаютъ благоговѣніе простодушнаго дикаря; такъ около деревни Куртунъ, расположенной въ глухой мѣстности вѣрстъ за 30 отъ жилья, возлѣ самой дороги я видѣлъ лиственицу,увѣшенную на стволѣ цвѣтными листочками—красными, желтыми, бѣлыми, синими; подѣлзжая къ дереву, буряты сходитъ съ коня или съ арбы и проходитъ мимо въ глубокомъ молчаніи и съ серьезнымъ видомъ или даже присоединяетъ отъ себя новую ленточку; лиственица стоитъ почти на берегу р. Куртуна и вблизи священнаго Куртунскаго озера, хозяинъ котораго обитаетъ въ самомъ озерѣ и благосклонно принимаетъ взліянія вина, даже отъ русскаго крестьянина; въ

мою бытность въ Куртунѣ погода была дождливая и необходимо было выпить вина, вино оказалось красное и проводникъ, получивъ свою порцію и выливая нѣсколько капель на воду, промолвилъ: «никогда такого вина онъ не пилъ».

Можетъ быть, что жертвованія ленточекъ имѣютъ въ виду не самое дерево, а хозяина р. Куртуна, но сомнѣніе возбуждается тѣмъ, что выраженіе благоговѣнія къ хозяину мѣстности выражается непремѣнно у дерева, находящагося у самой почти окоплицы русской деревни. Кроме единичныхъ деревьевъ существуютъ цѣлые священные рощи и притомъ двоякаго рода—одни, какъ мѣсто пребываніе явленнаго бога—бумал-бурхана, другія, какъ похоронныя шаманская рощи—Шаманки-Аяха; послѣднія чаще всего располагаются по склонамъ горъ, а рощи бумал-бурхановъ даже на совершенно открытыхъ степяхъ.

Даже изъ лишенного жизни минерального царства шаманистъ ухитряется выбрать себѣ предметъ обожанія, до такой степени развита въ немъ наклонность къ одухотворенію природы и ея проявленій; выборъ предмета поклоненія однако не обнаруживаетъ особенной разборчивости—почему-либо удивившая форма или непривычное мѣсто нахожденіе какого-либо нибудь камня достаточно, чтобы этотъ камень сдѣлать предметомъ поклоненія, которому приносятъ жертвы и всячески охраняютъ. Подобные камни называются *бумал-шу.ун*, камни явленные, упавшіе съ неба; но въ дѣйствительности это далеко не такъ: бумал-шулуны Унгинской степи близъ Закулейского улуса состоятъ изъ 3 кусковъ, 2 куска гнейса, боль-

шой длине 2-хъ футовъ, и 1 кусокъ гипса; послѣдній очевидно изъ ближнихъ красныхъ террасъ, гдѣ гипсъ встрѣчается большими глыбами; у балаганцевъ бумал-шулуны крупныхъ размѣровъ и не такъ многочисленны, какъ у кудинскихъ буряты; тамъ каждый улусъ имѣетъ свой маленький бумал-шулун, тщательно сохраняемый посреди улуса въ выдолбленномъ ящичкѣ, прикрепленномъ къ столбу; балаганскіе камни положены какъ покойники или убитыя громомъ животные на аранга—т. е. на доски, укрѣпленныя на 4 столбахъ. Кудинскіе камни видѣть мнѣ не удалось, не показали, но описывали, что они имѣютъ различный видъ, то граненые, то состоять изъ нѣсколькоихъ—2 или 3—соединенныхъ вмѣстѣ камней; каждую весну шамантъ ихъ вынимаетъ, обмываетъ и тутъ-же приносить жертву; камни, считаются упавшими съ неба, и имъ приписываются такую силу, что будто отвѣдавший воды, стекающей при обрядѣ омовенія съ камня, можетъ сдѣлаться шаманомъ*).

*) Принявъ во вниманіе весеннее жертвоприношеніе и какой-то обрядъ омовенія, совершаемый весной по отношенію къ бумал-шулунамъ, напрашивается предположеніе, не связано ли съ обожаніемъ этихъ камней какого-либо особаго обожанія производительной силы природы, культа фаллуса, тѣмъ болѣе, что сами бумал-шулуны напоминаютъ линии индусовъ. Миссіонеръ Ниловой пустыни свящ. Дуброва подтверждаетъ высказанное предположеніе, ссылаясь на объясненія тункинскихъ буряты-ламантовъ значенія камней; форма тункинскихъ бумаль шулуновъ напоминаетъ орудіе каменного вѣка—молотокъ или грузило, т. е. удлиненную гальку, часто съ ноперечнымъ желобкомъ; одинъ изъ такихъ бумал-шулуновъ доставленъ миѣ свящ. Я. П. Дуброва—это прогная галька, безъ желобка, длиною въ $4\frac{1}{2}$ вершка, шириной по срединѣ $1\frac{3}{4}$ в.; этотъ бумал-шулун считается ступенею боговъ, священная дорога ихъ—рѣка Иргутъ.

Наконецъ многія отдалынныя горы, берега рѣкъ, ручьи и какъ видѣли рощи считаются священными потому, что на нихъ присутствуютъ явленные, сопедшіе съ неба боги, Бумал-Бурханы, бывшия прежде простыми людьми; взятые на небо, они опять спустились. На такихъ мѣстахъ имъ приносятъ жертвы; тамъ, гдѣ вблизи находится камень, изъ него дѣлаютъ постоянные жертвенные, и на нихъ жгутъ кости жертвенныхъ животныхъ; такихъ жертвенныхъковъ на горѣ Манхай, я насчиталъ 14.

Всльдъ за божествами въ бурятской мифологіи слѣдуетъ поставить рядъ духовныхъ существъ, представляющихъ олицетворенные души умершихъ родственниковъ, предковъ или вообще людей; эти вѣрованія составляютъ несомнѣнно остатокъ древняго анимизма, т. е. обоготовленія человѣческихъ душъ.

Къ названному роду существъ принадлежать: дахулы, мушубунъ, ада.

1) *Дахулы* называются души умершихъ людей: бѣдныхъ мужчинъ, дѣвицъ и молодыхъ замужнихъ женщинъ. Въ каждомъ улусѣ существуетъ свой *дахулъ*, составляющій нѣкоторымъ образомъ принадлежность естественного рода, улуса, а не семьи. Дахулы вредятъ дѣтямъ, причиняя имъ нездоровье и иногда смерть; взрослые же буряты дахуловъ не боятся и не уважаютъ, но въ случаѣ болѣзни ребенка прибегаютъ за содѣйствиемъ къ шаману и дѣлаютъ имъ (дахуламъ или дахулу) кирикъ. Дахулами, т. е. вредящими существами, временно дѣлаются даже божественные личности, напр. *дочь моря* сдѣлалась дахуломъ Согто-Моргону, сыну Сол-

бона, утренней звезды, за то, что бракъ Солбона съ простой буряткой произошелъ противъ воли богини моря, властивущей тѣмъ не менѣе и надъ женщинами. Согто-Моргонъ заболѣлъ; для удовлетворенія разгнѣванной богини нужно было принести ей жертву; съ этой цѣлью на небо вытребовали бѣлаго кудинскаго шамана Маланакъ Хабалзаева; послѣдній принесъ нѣсколько жертвъ дочери моря, но больному становилось все хуже, тогда позвали другаго шамана Майдаръ Тужирова, хорошо гадавшаго на лопаткѣ животныхъ; онъ именно по лопаткѣ узналъ, что Согто-Моргонъ заболѣлъ отъ того, что дочь моря сдѣлалась его дахуломъ и что жертва не принималась потому, что шаманъ забылъ, что онъ на небѣ и держалъ вѣтвь съ жидо (съ пихтой) вверхъ, а не внизъ, какъ бы слѣдовало, такъ какъ жертва приносилась не съ земли на небо, а на самомъ небѣ; только послѣ исправленія ошибки жертва была принята и больной выздоровѣлъ.

2) *Мушу бун'омъ* — буквально «дурная птица» дѣлается умершая дѣвушка или ея душа, если по смерти дочери отецъ отдастъ ей огниво, т. е. положить въ могилу; мушубун имѣеть обыкновенно человѣческій видъ, видъ женщины, только губы становятся большими, красными и вытягиваются на подобіе клюва; какъ нижеописанный ада и мушубун можетъ обращаться въ животныхъ, но губы при этомъ не измѣняются. Мушубун подъ правой мышкой держитъ огниво, если отобрать у ней огниво, то она кричитъ: «смотри въ руку», но смотрѣть не должно: если посмотретьъ, то огниво превратится въ червей, а не посмотретьъ, то можно сдѣлаться богатымъ.

3) По сходству съ Мушубунъ къ той-же группѣ существъ принадлежитъ и *ада*. Ада бываютъ добрые и злые и напоминаютъ русскаго домоваго, называемаго въ Сибири «сусѣдкой» (не отъ того-ли, что онъ постоянно присутствуетъ въ каждомъ и, у каждого домашняго очага)?

Ада бурята представляеть въ видѣ человѣка маленькаго роста съ особеннымъ ртомъ, какимъ-то продольнымъ и расположеннымъ подъ челюстью. Ада превращается въ ребенка, девочку, но иногда въ собаку или даже надутый пузырь. Если ада принимаетъ видъ человѣка, то человѣкъ — оборотень держитъ ротъ свой въ рукавѣ, чтобы скрыть уродство (балаг. вѣд.). Ада имѣеть особый запахъ, похожий на запахъ лука. Если ада убить, то онъ оказывается маленькимъ звѣркомъ. Филинъ очень вредить ада и даже убиваетъ его. Такъ какъ самъ ада вредить преимущественно дѣтямъ, заставляя нерѣдко покидать юрту изъ-за этого, то при дѣтяхъ держать или живаго филина или его шкурку.

Люди иногда могутъ видѣть ада, но преимущественно шаманы. Ниже приводятся два рассказа объ уничтоженіи шаманами ада.

Изъ улуса Ушатъ 1-го Бабаева рода Кудинскаго вѣдомства большой шаманъ Замханъ заѣхалъ разъ къ одному богатому буряту Верхоленскаго вѣдомства, имѣвшаго 3 жены; у него шаманъ увидѣлъ 13 ад. Хозяинъ просилъ шамана избавить его домъ отъ непрошенныхъ гостей, отъ которыхъ помираютъ всѣ его дѣти. Шаманъ велѣлъ поставить на другой день въ домѣ (деревянный кувшинъ

для тарасуна) жаренаго мяса и саламаты, обѣщавъ придти. Придя въ юрту на другой день шаманъ принялъ самъ видъ ада и увидѣлъ, что всѣ 13 ада сидятъ въ домбѣ; наслаждаясь вкусной пищей, ада говорили: «какъ хороши наши отецъ и мать». Увидѣвъ шамана, т. е. новаго ада, они спрашиваютъ: «откуда ты пришелъ?» Шаманъ отвѣчалъ: «шатаюсь по домамъ и смотрю въ чашку». И присоединился къ компаніи; одинъ ада сидѣлъ на верху и караулилъ, а прочие были въ домбѣ. Замханъ тоже єсть саламату и мясо. Когда-же пришла его очередь караулить на верху, то онъ захлопнулъ крышкой всѣхъ 13 ада и велѣлъ сосудъ вынести въ поле и сжечь.

Разговоръ ада между собою и съ шаманомъ интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ обнаруживаетъ дѣйствительную природу ада: такъ очевидно, что подъ ада первоначально, вѣроятно, представляли души умиравшихъ дѣтей, такъ какъ ада хозяина и хозяйку называли отцомъ и матерью; слова шамана «хожу по домамъ и гляжу въ чашку», повидимому, напоминаютъ обычай выставлять для умершихъ дѣтей въ теченіе нѣкотораго времени пищу, что могло дѣлаться не только въ родительской юртѣ, но и во всемъ улусѣ, принимая во вниманіе извѣстный страхъ дикаго человѣка передъ всяkimъ покойникомъ.

Другой разсказъ про ада гласитъ слѣдующее: Въ улусѣ Тангутъ (Балаг. вѣд.) у инородца Барьядай былъ ада, съѣдавшій всѣхъ его дѣтей. Барьядай просилъ шаманку Арзутъ уничтожить ада. Шаманка велѣла приготовить мясо, саламату и по-

ставить въ домбѣ на правой сторонѣ юрты, и сама стала шаманить снаружи юрты, а внутри всю юрту, кромѣ двери, обтянула *Шидэхэн* (веревка изъ волоса). Четыре сильные мужчины напились пьяны, шаманка также притворилась пьяной, тогда ада вошелъ въ юрту черезъ открытые двери, которыя шаманка тотчасъ же загородила волосяной веревкой; вслѣдствіи чего ада уже не могъ выдти изъ юрты. Шаманка велѣла четыремъ мужчинамъ держать ее за руки, когда они увидятъ, что она что-нибудь поймаетъ. Шаманка стала шаманить, и вотъ что-то схватила въ восточной сторонѣ юрты; шаманку стало бросать изъ стороны въ сторону, какъ будто она съ кѣмъ-нибудь боролась, но силачи взяли ее за руки у кисти, держа и за тулowiще, и провели острымъ ножемъ между двумя руками, — тогда вокругъ запахло лукомъ и показалась точно рыбья чешуя, въ тоже время откуда-то появился звѣрекъ въ родѣ овражки или хорька, но безъ шкуры; его убили.

Ада добрые ведутъ себя совсѣмъ иначе, не вредятъ дѣтямъ, но нянчать ихъ, караулять и пасутъ скотъ и берегутъ вообще хозяйствое добро; когда кто-либо посторонній захочетъ взять вещь, принадлежащую ихъ хозяину, то они не даютъ и кричать «манай», т. е. наше. Такъ у инородца 2-го Олзова рода (Балаг. вѣд.) по имени Зотохонъ было 7 такихъ ада. Однажды жена Зотохона велѣла силачу Барьбан-бѣхо (бѣхо-силачъ) принести изъ дала (пристройка къ юртѣ) выдѣланную конскую кожу, но ада не давали Барьбану кожи и въ борьбѣ съ нимъ разорвали кожу пополамъ, крича «наша».

Въ связи съ вѣрованіями въ существа, представляющія души умершихъ людей, у бурятъ наблюдаются ясные слѣды вѣрованій въ существованіе особой духовной связи между душой живаго человѣка и изображеніемъ его; вредъ причиненный изображенію отражается и на оригиналѣ, хотя бы сходство изображенія съ объектомъ, оригиналъ было весьма приблизительное. Подобныя вѣрованія составляютъ очень частый случай въ вѣрованіяхъ не цивилизованнаго, дикаго человѣка во всѣхъ частяхъ свѣта. «Въ сѣверной Америкѣ, когда Алгонквинскій чародѣй хочетъ убить», говоритъ Тэйлоръ *). «какое-либо животное, онъ дѣлаетъ его изображеніе изъ травы или изъ тряпья и вѣщаетъ въ своеемъ вигвамѣ. Затѣмъ нѣсколько разъ повторяетъ припѣвъ: «Посмотри, какъ я стрѣляю», и пускаетъ стрѣлу въ эту фигуру. Если онъ попадетъ въ нее, то это значитъ, что на слѣдующій день будетъ убито животное»...

У американскихъ индѣйцевъ Иллинойса, какъ писалъ въ прошломъ столѣтіи Шарльвуа, дѣлались маленькия фігурки и куклы, представлявшія тѣхъ, коихъ жизнь хотѣли сократить—и прокалывали этимъ фігуркамъ сердце **). «Такъ перуанскіе волшебники до сихъ поръ дѣлаютъ куклы изъ лохмотьевъ, втыкаютъ въ нихъ иглы кактуса и прячутъ ихъ въ потаенныхъ мѣстахъ въ домахъ или въ постели и подушки, чтобы такимъ образомъ испортить человѣка или сдѣлать его больнымъ или сумасшедшімъ» ***).

*) Доисторическій бытъ человѣчества и начало цивилизаций. Соч. Е. Тэйлора, стр. 154.

**) ibidem, стр. 155.

***) ibidem, стр. 156.

Подобную же цель у бурятъ имѣеть изгото-
лениe такъ называемыхъ «зя», т. е. человѣческихъ
фигуръ, нарисованныхъ краскою на лоскуткахъ ма-
терій и внизъ головою. Рисунки дѣлаются шаманомъ
по собственному намѣренію или по приглашенію
другихъ лицъ; рисунокъ кладутъ куда-нибудь въ
укромное мѣсто въ юртѣ, хозяевамъ которой пред-
полагаютъ причинить вредъ. Вліяніе зя проявляется
въ болѣзни, несчастіи и смерти для столькихъ лицъ
семьи, сколько нарисовано фигуръ внизъ головою.
Несчастье тѣмъ легче случается, что по вѣрованію
шаманиста, отъ той семьи и дома, гдѣ есть зя, не при-
нимается богами никакая жертва, такъ какъ зя
оскверняетъ юрту своимъ присутствіемъ, появляясь
во время жертвоприношенія въ видѣ мертвой жен-
щины на крышѣ юрты. Разъ боги отступились отъ
человѣка, онъ становится тотчасъ-же добычей вся-
кихъ случайностей; поэтому какъ только узнаютъ,
что въ юртѣ гдѣ-либо спрятано зя, то немедленно
призываютъ шамана, чтобы отыскать зя и сжечь.
Нахожденіе зя въ юртѣ обнаруживается разными
явленіями: трескомъ, чьимъ-то плачомъ; для большей
увѣренности прибѣгаютъ къ ворожбѣ, и когда при-
сутствіе этого ужаснаго предмета костатировано, то
призываются шаманъ; ему приготовляютъ двѣ трости
и шаманъ призываетъ боговъ, чаще всего заяна
Ганзу, брызгаетъ ему тарасуномъ, и начинаетъ
искать зя, бѣгая внутри и вокругъ юрты; наконецъ,
когда найдетъ мѣсто, гдѣ скрывается зя, то мѣсто
это обводитъ кружкомъ, тутъ ищутъ зя другіе;
если его найдетъ самъ шаманъ, то онъ старается
его проглотить, но до этого не допускаются, ибо

шаманъ сдѣлалъ-бы великий грѣхъ; когда не успѣваютъ скоро найти зя на указанномъ мѣстѣ, то зя переходитъ на другое, нѣкоторые видѣли какъ зя мелькало свѣтлою полосою на подобіе падающей звѣзды. Найденное зя сжигаютъ и оно возвращается къ сдѣлавшему его шаману, беспокоитъ его, почему шаманъ снова дѣлаетъ зя и кладетъ кому-либо другому. Въ случаѣ, если зя долго лежитъ на мѣстѣ, такъ что краска рисунка исчезаетъ, что найти такое зя, называемое *албин-зя* можетъ только шаманъ, сдѣлавший его; этотъ, будучи призванъ, дѣлаетъ 40 зя, называемыхъ *доле* и разсовываетъ ихъ по разнымъ мѣстамъ, черезъ что зя чрезвычайно размножаются.

Вѣрованіе что зя можетъ обращаться въ мертвую женщину, что оно сверкаетъ, какъ, падающая звѣзда, что отъ сжиганія не уничтожается, даютъ поводъ предположенію, что зя есть также душа, не уничтожаемая при сжиганіи тѣла покойника, способная принимать разные облики и часто сравниваемая то съ болотными огнями, то съ звѣздами, какъ это наблюдается въ разныхъ суевѣріяхъ даже культурныхъ націй.

• II. СВЯЩЕННЫЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ И ИДОЛЫ.

Идолы и священные изображенія вообще называются онгонами, но тѣ-же имена прилагаются и къ нѣкоторымъ божествамъ низшаго порядка, напр. къ нѣкоторымъ древнимъ знаменитымъ шаманамъ, напр. Мушин-онгон, Адагнуша онгон, Хогту-онгон, а равно и обоготовившимся животнымъ: тэхэ-онгонъ, (козелъ)

буха (быкъ) онгонъ, бабаган-онгонъ (медвѣдь); очевидно, что послѣдніе играли роль фетишей, подобно огню, а потомъ получили личное божество, сначала частнаго, а потомъ и болѣе общаго характера.

Шаманистъ, будучи по его убѣжденіямъ, постоянно окруженъ враждебными духами, чувствуетъ постоянную потребность въ защитѣ и помощи добрыхъ небесныхъ божествъ или низшихъ духовъ, и чтобы помочь имъ обеспечить возможно скорѣе въ каждую данную минуту, онъ прибѣгааетъ къ содѣйствію шамана, дѣлающаго изъ дерева, металла или шкуры животнаго фигуру божества или рисующаго на ткани его изображеніе и затѣмъ силою своей молитвы и приносимой жертвы—низводитъ постоянно или временно въ бездушную куклу или лоскутокъ материи духъ божества, вслѣдствіи чего куклы и изображенія замѣняютъ самое божество.

Для ознакомленія съ религіознымъ міросозерцаніемъ некультурного человѣка немалую услугу можетъ оказать знакомство съ характеромъ выраженія идеи религіозной въ обрядахъ и въ боготворимыхъ предметахъ; поэтому первые изслѣдователи сибирскихъ инородцевъ—Палласъ, Георги, обратили свое вниманіе на эту сторону религіи, тѣмъ болѣе, что такой способъ изученія вѣрованій былъ исключительно одинъ имъ и доступенъ, если принять во вниманіе незнакомство ихъ съ языкомъ инородцевъ, съ одной стороны, а съ другой недовѣрчивость инородца по отношенію къ постороннему человѣку. По отношенію къ бурятамъ и тунгусамъ такой матеріалъ собранъ былъ Георги, который къ своему

описанію приложилъ и нѣсколько рисунковъ, пріобрѣ-
тающихъ теперь историческое значеніе, такъ какъ
по этимъ рисункамъ, объясняемымъ текстомъ, пред-
ставляется случай прослѣдить степень измѣненія,
происшедшаго въ понятіяхъ и идеяхъ бурятъ. Лица,
писавшія о шаманствѣ у бурятъ послѣ Георги,
какъ напр. Кастренъ и Шашковъ въ большинствѣ
слушаевъ пользовались матеріалами своего счаст-
ливаго предшественника, когда касались внѣшней
стороны религіи; тѣмъ не менѣе и эта внѣшность
въ такомъ трудномъ и важномъ дѣлѣ, какъ изуче-
ніе естественной религіи, не располагающей письмен-
ными памятниками, имѣетъ свою цѣну, такъ какъ
можетъ объяснить отчасти не совсѣмъ понятное въ иде-
яхъ и съ другой стороны полезна для археолога, какъ
увидимъ ниже, а также и для изученія послѣдователь-
наго хода въ развитіи религіозныхъ идей. Во время
поѣздки лѣтомъ 1881 и 1882 годовъ къ бурятамъ
кудинскимъ, ольхонскимъ и балаганскимъ мною было
обращено особенное вниманіе на внѣшность религіи,
на обряды, священные предметы и изображенія и
удалось подмѣтить нѣкоторыя интересныя черты и
собрать коллекцію онгоновъ. Посѣщеніе западныхъ,
балаганскихъ, бурятъ послѣ поѣздки къ бурятамъ
прибайкальскимъ было особенно полезно, такъ какъ
обнаружено не мало особенностей въ вѣрованіяхъ и
въ почитаемыхъ божествахъ, въ онгонахъ и харак-
терѣ изображеній, причемъ добытыя свѣдѣнія вза-
имно пополняли другъ друга.

Обращаясь къ описанію онгоновъ, замѣчаемъ
между ними нѣсколько типовъ: а) по мѣсту нахож-

денія онгоновъ, b) по материа́лу, изъ котораго они дѣлаются и в) по личностямъ божествъ, замѣняемыхъ онгонами.

1) По мѣсту нахождения отличаются такъ называемыхъ горныхъ онгоновъ (хадан-онгон) и онгновъ въ юртѣ.

Горные онгоны наблюдались только у прибайкальскихъ бурятъ—Кудинскаго, Верхоленскаго и Ольхонскаго вѣдомствъ, у бурятъ балаганскихъ ихъ совсѣмъ не встрѣчается*). Горные онгоны дѣлаются шаманомъ для женатыхъ бурятъ вскорѣ послѣ свадѣбы, рѣдко для холостыхъ; на лоскуткѣ шелковой или парчевой или другой ткани, по $\frac{1}{4}$ арпина на сторонѣ, рисуются человѣческія фигуруки числомъ 5, 3 или 4, на одномъ или на двухъ лоскуткахъ, у кудинскихъ 5 на одномъ и 3 на другомъ, или по 4, какъ у ольхонскихъ, или только 5. Всѣ фигуры одинаковы: голова въ видѣ кружка съ чертами для носа и рта, и двумя стеклянными или металлическими бусинками вмѣсто глазъ, надъ каждой головой по перышку филина и по кусочку мѣха выдры; туловище въ видѣ черты, съ раздвинутыми руками и ногами; на груди изъ жести небольшая фигурка человѣчка, внизу лоскутка въ два ряда располагаются украшения въ видѣ вертикальныхъ и пересѣкающихся на крестъ черточекъ, сверху лоскутка по угламъ по 2 ленточки—блѣлая и желтая**).

*) У идинскихъ бурятъ можетъ быть также существуютъ горные огноны, такъ какъ верстахъ въ 5 отъ Малышевскаго селенія, что противъ г. Балаганска, со стороны Усть-Осы видны были столбы, напоминающіе такие же столбы съ онгонами на горѣ Калсалѣ и вообще у кудинцевъ.

**) Кудинскіе горные онгоны помѣщены на рис. 1 таб. 2-й.

Желая понять значение жестяныхъ фигурокъ, намъ не удалось, тѣмъ не менѣе, добиться объясненій отъ простыхъ бурятъ и шамановъ; всѣ говорили, что и рисунокъ и фигурки имѣютъ одно значение; остается ограничиться предположеніемъ, не изображаютъ-ли эти фигурки души онгоновъ, такъ какъ буряты приписываютъ душѣ отдельное существование и даже возможность временно покидать тѣло. По-крайней мѣрѣ такой способъ изображенія души можно встрѣтить было въ старину и у русскихъ*).

Изображенія принадлежатъ у кудинцевъ: 5 сыновьямъ Танхая, 3 сыновьямъ Тажирая, Хотын-Моргон'у и Хубха-Зарин'у, которыхъ и изображаютъ по 5 фигуръ на лоскутѣ или на второмъ помѣщая только 3 Тажираевыхъ. У ольхонскихъ буряты горными онгонами считаются Алдараевыхъ 10 и Дотороевыхъ 7, хотя рисуется по 4 фигуры на лоскутѣ; сыновья Тажирая и Танхая ольхонцамъ неизвѣстны.

Онгоны помѣщаются не вездѣ одинаково,— сначала ихъ кладутъ или въ долблѣній деревянный ящикъ или въ кошомную сумку; въ обоихъ случаяхъ вмѣстѣ съ изображеніями—«зуракомъ», кладутъ богословскую траву и табакъ, какъ жертву; ящики или сумки помѣщаются затѣмъ вблизи зимняго улуса на горѣ (у кудинскихъ и верхоленскихъ) или внизу (у ольхонскихъ); у первыхъ обыкновенно ставятся столбы, по нѣсколько рядомъ, принадлежащіе хозяевамъ цѣлаго улуса; на верху столба вы-

* См. Буслаева. Историч. очерки русской народной словесности и искусства. Рисунки къ 1-му и 2-му тому.

далбливается углубление съ задвижной крышкой; въ это уже углубленіе кладутся ящики или сумки съ онгонами; поверхъ столба устраиваютъ еще крышку обѣ одномъ или 2 скатахъ. У ольхонскихъ бурятъ горные онгоны не кладутся въ долбленія углубленія въ столбъ, а висятъ свободно между двумя столбами, поставленными на разстояніи $1\frac{1}{2}$ аршинъ, при этомъ вверху пространство между столбами забирается досками, а надъ ними крыша—къ этимъ-то доскамъ и привѣшиваются сумки или ящички съ онгонами; иногда онгоны размѣщаются еще оригиналнѣе: срубленная съ 3 или 4 расходящимися сучками береза вкапывается въ землю комлемъ, а къ сучкамъ привѣшиваются сумки съ онгонами; для защиты отъ снѣга и дождя приспособляютъ изъ бересты навѣсъ. Онгоны стоять такъ, пока живъ хозяинъ, для кото-раго они сдѣланы; со смертью же послѣдняго, онгоны сжигаются, а столбъ сваливаютъ на землю. Чтобы завести онгонъ, нужно пригласить шамана, который дѣлаетъ онгонъ и освящаетъ его, принося жертвы и призывая онгоновъ въ сдѣланное изображеніе; для жертвоприношенія употребляютъ 2 овцы, курунгу, кобылье молоко и 15 котловъ тарасуна; обрядъ освященія состоить въ брызганіи тарасуна и призыва-ніяхъ различныхъ божествъ и главнымъ образомъ тѣхъ, чьи онгоны устраиваются; потомъ онгонъ помѣщается на мѣстѣ, а мясо и тарасунъ потребляются присутствующими въ честь божества.

2) Всѣ прочіе онгоны, которые мы видѣли, находятся въ юртѣ и нѣкоторые только у дверей юрты снаружи. Какъ болѣе оригиналній опишемъ онгонъ-Бортъ, встрѣченный только въ одномъ Хангинскомъ

родъ Балаганского вѣдомства; онъ привезенъ изъ-за моря Хортономъ, потомкомъ Хоредоя, родоначальника Хангинцевъ; идолъ, вывезенный изъ Монголіи былъ цѣлъ до послѣдняго времени. Этотъ онгонь-Брото (см. рис. 4 на табл. 2) есть собственно идолъ, представляющій часть человѣческой мужской головы со стороны лица, нѣсколько болѣе естественной величины; на головѣ, по краю щекъ и на подбородкѣ обильная растительность, представленная черной бараньей шерстью, по бокамъ головы по 3 холбохо, во рту былъ воткнутъ свѣжій кусокъ жиру; идолъ виситъ на столбѣ въ западной части юрты у очага; на томъ-же столбѣ висѣло зели, т. е. веревка изъ конскаго волоса съ воткнутыми желѣзными палочками вместо лентъ и на концѣ съ 2 бараньями kostями и 3 деревянными въ 6 вершковъ палочками, на концѣ съ плоскимъ кружкомъ или 6 угольной фігурой, съ ямками. Значеніе идола Брото и его происхожденіе мнѣ объяснить не могли или не хотѣли; говорили, что сами не знаютъ, а молятся по бурятски, сложивъ руки и принося въ жертву куски жира; мнѣ не удалось выяснить, имѣется-ли этотъ идолъ въ одномъ экземпляре для цѣлаго рода или у каждого домохозяина, послѣднее вѣроятнѣе.

3) Почитаніе огня у бурятъ шаманистовъ находится на довольно высокой степени развитія. «Реальное и абсолютное обожаніе огня, пишетъ Тэйлоръ, распадается на 2 большихъ отдѣла; первый изъ нихъ относится скорѣе къ фетишизму, второй къ политеизму, и одинъ изъ нихъ представляетъ болѣе ранній, а другой болѣе поздній периодъ развитія

теологическихъ идей. Первый отдѣлъ показываетъ намъ свойственное грубому варвару обожаніе настоящаго пламени, которое представляется ему чѣмъ-то крутящимъ, ревущимъ и пожирающимъ предметы, на подобіе живаго животнаго; второй отдѣлъ появляется въ періодъ болѣшаго обобщенія идей, когда всякое индивидуальное пламя считается только проявленіемъ одного общаго стихійнаго божества—бога огня »*).

Шаманистъ бурятъ достигъ этой высшей ступени и онъ имѣетъ такого стихійнаго бога—хозяина огня гали-эжин'а (гал-огонь)—*Сахяда-Нойона* и его жену *Сахала-Хатун*. У бурятъ является возможность даже прослѣдить переходы върованій изъ одного отдѣла (по терминологии Тэйлора) въ другой—отъ фетишизма къ политеизму, черезъ посредство промежуточной стадіи—олицетворенія вещественнаго огня каждого очага въ личное божество; это обстоятельство важно въ виду того, что и Тэйлоръ считаетъ очень затруднительнымъ прослѣдить этотъ переходъ. Специальный личный богъ огня имѣлъ очень обширную географическую область распространенія и въ пространствѣ и во времени. Онъ существуетъ у краснокожихъ индѣйцевъ Сѣв. Америки—и пользовался большимъ уваженіемъ у древнихъ мексиканцевъ подъ именами Ксіутеуктли и Уэуэ-отля; у полинезийцевъ онъ называется Магуика, въ Западной Африкѣ у дагомейцевъ существуетъ фетишъ огня—Цо, представляемый горшкомъ съ огнемъ, который вносится въ домъ и получаетъ жертву.

*) Тэйлоръ. Первобытная культура, т. II, стр. 327.

Въ Азіи культь огня не менѣе широко распространѣнъ; бога огня чтили камчадалы и чуттъ айны, у туранскихъ племенъ онъ извѣстенъ подъ именемъ «матери Утъ», у древнихъ индусовъ подъ именемъ Агни. Тѣмъ интереснѣе, что намъ удалось у бурятъ открыть специальные онгоны «хозяина огня», при томъ въ разныхъ видахъ: онгонъ хозяинъ огня у кудинскихъ и верхоленскихъ бурятъ отличается отъ такого-же онгона балаганскихъ. Въ ўлусѣ Хурумчинѣ (Верх. в.) онгонъ хозяинъ огня имѣлъ видъ мѣшка до 1 фута длины, изъ коленкора или войлока; спереди и сверху онъ открытъ, а внизу образуется сумка, въ которую кладутъ мясо, жиръ и прочія жертвенныя приношенія; на задней половинѣ изображены 3 фигуры—1 маленькая и 2 побольше; у верхоленскихъ бурятъ 3-го Абазаева рода онгонъ хозяина огня имѣлъ 4 фигуры такой же формы, какъ фигуры горныхъ онгоновъ—надъ каждой фигурой по перышку, вместо глазъ бисерь, только отсутствовали жестянныя маленькия фигурки, помѣщавшіяся у горныхъ онгоновъ на груди.

Совсѣмъ другой характеръ имѣть онгонъ хозяинъ огня у бурятъ балаганскихъ. Видѣнныи мною онгонъ въ Закулейскомъ улусѣ состоялъ изъ двухъ идоловъ, сдѣланныхъ на подобіе человѣка изъ деревянныхъ дощечекъ—длиною 22 сантим. одна фігурка и 21 сантим. другая—при ширинѣ $4\frac{1}{2}$ сантим.; дощечки обшиты совершенно краснымъ сукномъ, которое здѣсь изображаетъ, какъ объяснялъ хозяинъ дома—шубу, хотя и лицо также покрыто сукномъ и на немъ на мѣстѣ глазъ по крупной черной бусѣ; внизу и на мѣстѣ рукъ по кусочку овечьей кожи

съ черной шерстью; на головѣ волосы или шапка замѣнялись такой-же черной шерстью; у особы женского пола на груди двѣ голубые бусы и жестяной кружекъ (холобши). Легко допустить, что красный цвѣтъ сукна долженъ соотвѣтствовать цвѣту пламени, а черная шерсть углю, какъ результату дѣятельности огня. Оба идола держутся въ сумкѣ изъ грубаго красноватаго сукна, которую вѣшаютъ у передняго изъ 4 столбовъ юрты, окружающихъ очагъ на лѣвой сторонѣ. Видѣнныи мною онгонъ былъ довольно древній (хотя хорошо сохранившійся), такъ какъ принадлежалъ дѣду старика, прожившаго однако 50 лѣтъ, слѣдовательно этотъ онгонъ современникъ Георги. Сначала въ бытность мою въ улусѣ онгоны называли —Сахядай-Нойонъ, и Сахала-хатунъ, но потомъ, когда мнѣ доставили точныя модели онгоновъ, какъ я могъ судить по памяти и по описанію дневника, то хозяинъ огня—названъ Гал-Голыхэн, а жена—Гули-хатунъ; гал—значитъ огонь, а гули—мѣдь; очень вѣроятно, что слово мѣдь указываетъ только на цвѣтъ пламени; первая-же часть имени Гал-голыхенъ—огонь (гал) еще болѣе свидѣтельствуетъ о древнемъ обожаніи матерьяльного огня и можетъ быть, что *Гал-голыханъ* есть имя хранителя домашняго очага, непосредственное олицетвореніе вещественнаго огня, тогда какъ Сахядай-Нойонъ представляетъ уже высшее развитіе идеи—стихійнаго бога огня, тѣмъ болѣе, что это имя известно всѣмъ бурятамъ шаманистамъ, мною посѣщеннымъ. Глава одного рода кудинскихъ бурятъ назвалъ еще третью имя Гали-Эжина, Гангар-Нойонъ, Гынгыр-Хатун, но провѣрить его показаніе мнѣ

не удалось. Буряты рассказываютъ, что нѣкоторымъ удавалось видѣть хозяина огня, какъ нѣкоторыя старухи часто видятъ у насъ домовыхъ; хозяинъ огня казался имъ большимъ *краснымъ человѣкомъ*.

На прилагаемомъ рис. 3 таб. 2 изображенъ снимокъ только жены хозяина огня, такъ какъ самъ хозяинъ отличается только увеличенной на 1 сантим. длиной и отсутствиемъ грудныхъ украшений.

4) Не менѣе, чѣмъ онгонь хозяина огня, за-служиваетъ вниманіе и другой балаганскій онгонь—*Ухан-Хата*, который также, какъ и первый, держится въ юртѣ, но сейчасъ же нальво у двери. На длинной веревкѣ въ 4 арш. изъ бѣлаго конскаго волоса, съ вплетенными въ нее синими и бѣлыми ленточками въ 3—4 вершка, пришить четыреугольный лоскутокъ синей шерстяной ткани (18 сант. и 12 сантим. по сторонѣ) съ изображеніемъ красной краской 9 человѣческихъ фигуръ и 4 животныхъ; фигуры людей расположены въ 2 ряда—6 вверху и 3, въ половину меньшей величины внизу, и рядомъ съ послѣдними справа въ 2 ряда нарисованы пчела и змѣя, а подъ ними—лошадь и верблюдъ; отъ головы каждой человѣческой фигуры отходитъ по 3 луча; выше всѣхъ фигура проведены три горизонтальныя черты, изображающія небо, и по краямъ линій два одинаковыхъ кружка, представляющіе солнце и луну; внутри кружковъ 4 радиуса; на другомъ онгонѣ, такъ называемомъ *Зурактан*—луна и солнце имѣютъ лучи расходящіеся—у луны 8, а у солнца 9; внутри луны иногда рисуютъ человѣка съ ведромъ и вѣтвью дерева.

Онгонъ Ухан-хата представляетъ много своеобразного по сравненію съ онгонами кудинскими и ольхонскими; эта своеобразность выражается:

- а) въ расположениі фигуръ, являющихся въ большомъ числѣ (какъ и на другихъ балаганскихъ онгонахъ), въ два ряда, причемъ, за недостаткомъ мѣста, нижніе рисуются по уменьшенному масштабу;
- б) въ присутствіи на головахъ человѣческихъ фигуръ 3 лучей въ видѣ роговъ.
- в) въ способѣ изображенія туловища человѣка трехъугольникомъ или удлиненнымъ четырехугольникомъ, а не линіей;
- г) въ присутствіи на зуракѣ (рисункѣ), кромѣ изображенія людей, еще и фигуръ животныхъ; на другихъ балаганскихъ онгонахъ, кромѣ двугорбаго верблюда, пчелы, змѣи и лошади появляются: быкъ, лягушка съ раскинутыми задними лапами, рыба и жукъ (тархалжин).

Перечисленныя особенности онгоновъ балаганскихъ даютъ нѣкоторое основаніе сравнить съ ними найденные мною изображенія на береговыхъ скалахъ Байкала въ 2-хъ пунктахъ: 1, въ бухтѣ Ая и 2, на утесѣ Сагань-Заба. Дѣйствительно, между изображеніями на скалахъ и различными зураками балаганскихъ онгоновъ можно усмотрѣть нѣкоторыя черты сходства; а именно: 1) какъ на однихъ, такъ и на другихъ—кромѣ людей изображаются и животные; на утесахъ находятся птицы, медведь(?), быки, лошади, олени, лягушки (Сагань-Заба, группа IV), и на скалѣ бухты Ая: рыба, нерпа и верблюдъ(?); на онгонѣ кромѣ того есть водяной жукъ,

пчела и змѣя; 2) въ способѣ изображенія человѣческой фигуры также замѣчается нѣкоторое сходство, причемъ многочисленность фигуръ, подобно тому какъ на Саган-Заба встрѣчается и на онгонѣ балаганцевъ Зурактанѣ, гдѣ число фигуръ достигаетъ 27; 3) какъ на утесѣ головы фигуръ украшаются двумя, какъ я думалъ, рогами, такъ и на онгонахъ на головѣ замѣчаются по 3 черты, считаемые лучами; интересно, что между онгонами и изсѣченными на скалахъ рисунками—у селенія Мальты на р. Бѣлой найдена переходная форма—рисунокъ на скалѣ, на берегу въ $\frac{1}{2}$ версты отъ селенія, но не изсѣченный, а нарисованный красной краской, какъ на онгонахъ; рисунокъ*) изображаетъ два концентрическихъ круга, болѣшій діаметромъ 54 сантим., окружность внутренняго круга отстоитъ отъ вѣнчаней окружности на 9 сантим.; внутри круга изображена фигура человѣка (длиною 32 сантим.), имѣющаго вмѣсто головы 3 расходящіяся черты, на подобіе лучей; руки подняты вверхъ, а ноги раздвинуты и согнуты, какъ на фигурахъ Саганъ-Заба, туловище же изображено сходно съ рисункомъ бухты Ая**).

Если-бы къ изображеніямъ на скалахъ можно было открыть такой-же объяснительный текстъ, какой существуетъ къ балаганскимъ онгонамъ въ содержаніи призываанія боговъ Ухан-хата, вышепомѣщенное, то тогда несомнѣнно установилось бы между

*) См. Таб. 3, фиг. 8.

**) Берегъ рѣки Бѣлой, гдѣ нарисовано изображеніе, имѣетъ высоты болѣе 10 сажень, изображеніе ближе къ верху; на самому верху находятся слѣды городища, нынѣ почти захапанного; на противоположномъ берегу также существуетъ второе городище, называемое крестьянами почему-то „камнемъ“.

ними тождество, т. е., что изображения на скалахъ суть также священные изображения; на самомъ дѣлѣ какъ приведено въ моей статьѣ*), имъ приносятъ жертвы, кладутъ деньги, брызгаютъ тарасунъ, освящаются при приближеніи, какъ при обращеніи съ самыми священными предметами. Во всякомъ случаѣ, изображения на скалахъ, принимая во вниманіе сходство ихъ съ онгонами, могли служить образцомъ, прототипомъ, моделью для употребляемыхъ нынѣ онгоновъ; и первоначальной, болѣе древней и болѣе совершенной формой служилъ рисунокъ на Саганъ-Заба; плохое подражаніе ему только на утесѣ бухты Ая, затѣмъ переходными формами къ теперешнимъ рисункамъ на матеріяхъ красной краской служили рисунки красной-же краской на скалахъ, у Мальты, въ Куртунѣ и, вѣроятно, во многихъ другихъ еще не известныхъ пунктахъ. Существуетъ у бурятъ мнѣніе, что изображения на скалахъ были общественными онgonами въ эпоху большаго развитія общественной жизни, когда устраивались общія охоты или облавы на звѣрей**); утверждаютъ даже, что названныя изображения представляютъ «Сатинскихъ боговъ», особыхъ добрыхъ существъ—людей небеснаго происхожденія, бывшихъ шаманами и шаманками; Ольхонскіе буряты къ этимъ Сатинскимъ богамъ причисляютъ слѣдующія три лица: 1) Богиню Мишэлэ Ганзу Намтаеву; 2) бога—Хулэръ-топши хугыл-бурхан, 3) бога Идир-ганзу. Призываютъ

*.) Извѣстія Вост. Сиб. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1881 г. Т. XII №№ 4—5, стр. 3.

**) Извѣстія Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ. т. XI, 1880 г. № 3—4, стр. 33 (о Зэгэтэ-аба—народной облавы).

этихъ боговъ не собрано и потому эти мнѣнія привожу только въ видѣ отрывочнаго замѣчанія. Весьма важно объяснить хотя одно изображеніе на скалахъ вполнѣ достовѣрно, чтобы получить ключъ къ чтенію и другихъ столь многочисленныхъ Сибирскихъ начертаній, поэтому и отрывочная замѣтка имѣеть значеніе.

5 и 6) Балаганскіе онгоны «Зурактанъ» и «Нуган-эзинуд.» принадлежатъ къ такимъ онгонамъ, на которыхъ кромѣ людей рисуются и животныя.

Зурактанъ рисуется на кускѣ материі: вверху проводится прямая или дугообразная черта, означающая небо, а по краямъ солнце и луна въ видѣ кружковъ, иногда подъ чертой рисуютъ еще облако (улэн), потомъ въ 3 ряда, по 9 на каждомъ—27 человѣческихъ фигуръ, съ головами, украшенными з лучами; ниже людей помѣщаются верблюдъ, быкъ, змѣя, пчела, рыба и лягушка.

Фигуры людей изображаютъ представителей какихъ-то племенъ (500 Тархалжиновъ и 300 Большужшиновъ), способныхъ превращаться въ верблюда, змѣю, пчелу, рыбу и лягушку; когда они требуютъ жертвы, то посыпаютъ глазную болѣзнь, для излеченія коей необходимо жертвоприношеніе.

Онгонъ Нуган-Эзинуд представляетъ 3-хъ женщинъ, ниже которыхъ изображается озеро,—а въ немъ лягушка и змѣя; имена женщинъ—Монголонизи, Таталан-изи и Тѣхи-изи; онъ считаются покровительницами домашнихъ животныхъ и живутъ на лугахъ.

7, 8—9) Хозяинъ хорька (холонгон-эжин) и хозяева куницы и горностая очень распространены у

бурятъ всѣхъ вѣдомствъ, особенно первый; онгонъ состоитъ изъ шкурки животнаго съ привязаннымъ на шеѣ украшеніемъ изъ оловянныхъ бусъ, круглой пластинки и цвѣтныхъ (желтыхъ и бѣлыхъ) тесемокъ, на груди помѣщается небольшая фигурка человѣка изъ жести, какъ у онгоновъ, нарисованныхъ краской на тканяхъ и слѣдовательно онгонъ замѣняетъ личное божество, носящее собственное имя, такъ эжинъ хорька называется Эргил-буга-ноин Тунхэй у кудинцевъ и Ноин-Тунхэ, Мондахевъ; куница (хунере) и горностай (угин) имѣютъ хозяекъ дѣвицъ Булыханъ и Мундыханъ Мандаевыхъ. Хозяина хорька ставятъ надъ постелью женатыхъ людей.

Къ той-же категоріи животныхъ онгоновъ принадлежать хозяинъ и хозяйка козла (Ямани-Эжин); ихъ рисуютъ краской на желтой и синей ткани и держутъ въ плоскомъ ящикѣ напрѣво отъ двери; они видѣны мною у верхоленскихъ и кудинскихъ бурятъ*).

Всѣ эти онгоны по отношенію къ обоготворявшимся нѣкогда непосредственнымъ животнымъ составляютъ такой-же шагъ впередъ, туже высшую степень идеи и обобщенія какъ Сахядай-Нойонъ, Стихійный богъ огня къ матерьяльному пламени.

10) Онгонъ Сэжэн-Бар-сын Тымыршея находится въ каждой юртѣ прибайкальскихъ бурятъ, у балаганцевъ его я не видѣлъ; его дѣлаютъ (рис. 1 таб. 1) въ видѣ человѣческой фигуры изъ краснаго сукна съ украшеніемъ изъ оловянныхъ бусъ и круг-

*) Хоз. хорька у кудинцевъ вѣшаются на лѣво отъ входа въ юртѣ или на улицѣ на лѣво отъ двери.

лой пластинки на шеѣ, съ бѣлыми и розовыми темеками; фигурука привязывается къ кружку изъ березы въ видѣ маленькаго въ $2\frac{1}{2}$ вершка обруча съ двумя поперечинами, вертикальной изъ дерева и горизонтальной изъ желѣзной проволоки съ привѣсками изъ жести въ видѣ колокольчиковъ (холбого); этотъ кружокъ долженъ изображать бубенъ, какъ это утверждаетъ и Георги*); онгонъ весьма напоминаетъ монгольскій бубенъ по описанію Г. Н. Потанина**); тутъ тѣ-же холбого на горизонтальной поперечинѣ, вертикальная-же поперечина у бубна имѣеть видъ человѣка, такъ-же какъ на такомъ же онгонѣ, изображенномъ у Георги***), сходномъ съ нынѣшнимъ онгономъ; по монгольски бубенъ (см. Потанинъ, loc. cit.) назыв. бар—словомъ, составляющимъ часть имени божества (Сэжэн-бар), котораго, впрочемъ, буряты считаютъ тунгусскимъ шаманомъ; настоящій бубенъ теперь не употребляется при мистеріяхъ шамана, его съ большими удобствами замѣняютъ валдайскіе колокольчики, только у одного вновь посвященнаго шамана Ольхонскаго вѣдомства я видѣлъ три настоящія бубна, но безъ всякихъ украшеній и рисунковъ; этотъ бурятъ сдѣвался шаманомъ, потому, что кто-то изъ его родни былъ убитъ громомъ, что считается счастьемъ, свидѣтельствующимъ о благоволеніи тэнгріевъ къ семье убитаго.

*) Merkwürdigkeiten verschiedener unbekannten Völker des Russischen Reichs, 1777 г., стр. 172, таб. II, фиг. 6.

**) Очерки Сѣверо-западной Монголіи, Потанина. Т. II, стр. 82.

***) Merkwürdigkeiten, loc. cit., таб. II, фиг. 6.

Всѣ вышеописанные онгоны помѣщаются на лѣвой сторонѣ юрты рядомъ съ дверью или снаружи двери также на лѣво или чаще въ лѣвомъ углу, но у ольхонскихъ бурятъ я видѣлъ онгоны на правой женской половинѣ, одни изъ нихъ и называются женскими онгонами и считаются покровителями домашняго скота, а также дѣтей; ихъ нѣсколько:

11) *Найорай-бѣ*—шаманъ изъ тунгусовъ и жена *Нажин-хатун* или Найжи-иби; онгонъ дѣлается шаманъ, причемъ приносятъ въ жертву ямана, саламату, таракъ и чай; часть пищи намазывается на онгона женщинами.

12) *Алтатанъ* или Алтаханъ, также женскій онгонъ кудинскихъ бурятъ; дѣляется женщинами безъ участія шамана; если его не ставятъ, то помираютъ телята, можетъ быть и дѣти; онгонъ Хурумчинского улуса, Алтатанъ, походилъ на горные онгоны, тѣ же 5 фигуръ и подъ каждой рядъ вертикальныхъ крестовъ.

13) Богиня *Дудѣ* (изъ Хоринскаго вѣдомства за Байкаломъ)—богиня чадородія, ей приносятъ въ жертву въ юртѣ барана, таракъ, саламату и тарасунъ; онгонъ имѣетъ видъ зурака и держится въ войлочной сумкѣ.

14) На правой-же сторонѣ юрты на островѣ Ольхонѣ въ улусѣ Семисосенномъ я видѣлъ деревянный онгонъ длиною до 6 вершковъ; тогда мнѣ не могли его назвать, говорили, «шаманъ знаетъ, мы не знаемъ»; потомъ шаману я заказалъ сдѣлать такой онгонъ и онъ его назвалъ *Rik* и прислалъ еще другой деревянный онгонъ, котораго я не видѣлъ самъ въ юртахъ; этотъ послѣдній названъ *Дабай-*

ханъ; очень возможно, что оба онгона принадлежать также къ женскимъ; они изображены въ естественную величину на рис. 2 и 3 таб. 1-ой.

Весьма обыкновенный онгонъ у кудинскихъ и верхоленскихъ бурятъ—Ирихэ Андаевъ; онъ имѣть видъ четыреугольного куска кожи, въ квадратную четверть, разрѣзанного внизу на 3 или 7 полосъ, къ нему еще на веревкѣ привѣшивается кусокъ оленьей или козьей кожи съ шерстью; никакихъ изображеній на онгонѣ я не видѣлъ; онгонъ этотъ считалъ весьма известнымъ и Георги; ольхонскіе буряты онгонъ Ирихэ рисуютъ на матеріи, судя по тому образцу, который былъ заказанъ шаману черезъ посредство Ольхонской Думы; его призываютъ для излѣченія болѣзни, преимущественно опухолей и нарываовъ.

Въ балаганскомъ вѣдомствѣ у особенно религіозныхъ хозяевъ имѣются большія сборные онгоны изъ большаго числа лицъ (до 58), они называются *Хытхо-онгонъ*; къ нимъ принадлежитъ: 1) 9 дочерей неба Эсэгэ-Малан-Тэнгэри, у балаганцевъ считающагося теперь старшимъ Тэнгэриномъ изъ 55 западныхъ небъ; 2) Уха-Солбонъ его любовница Хатун-Малган, сынъ Хишаранъ-Заринъ и мужъ ея Хан-Бата. 3) Хозяйка солнца и луны; 4) Ганзушины; 5) Покровительница Кимильтея; 6) Хан-Хото, дочь Башуная и жена Борон-Толодо и ихъ потомство, въ томъ числѣ женихъ одной изъ дочерей Хан-Хото, сдѣлавшійся хозяиномъ хорька Ноен-Тонхо-Ганзу Мантахановъ; 7) Луговые женщины (Нуган-Эзинуд) и 8) Угитэ-Хунэртэ.

Всѣхъ фігуръ, судя по имѣющимся у меня моделямъ, 38; они или рисуются на матеріи краской или вырѣзываются изъ матеріи и къ такимъ вырѣзаннымъ фігурамъ, представляющимъ шубы, пришиваются еще жестяныя фігурки съ глазами изъ бисера; на головахъ и по подолу вырѣзанныхъ фігуръ—какая-либо мѣховая оторочка, а на фігурахъ нарисованныхъ—по 3 луча надъ головой; мужчина отъ женщины на рисункѣ отличается поясомъ, котораго у женщинъ не изображаютъ: когда дѣлаютъ такой онгонъ, то шаманъ призываетъ длинный рядъ божествъ, такъ называемыхъ «небесныхъ онгоновъ», къ которымъ причисляются всѣ поименованныя лица; въ призываю, изложенномъ по запискѣ г. Хангалова, относительно каждого лица описывается его происхожденіе и каждый изображается рисункомъ или вырѣзанной фігуркой, кромѣ, однако, лицъ, принадлежащихъ къ главнымъ тэнгэринамъ, хотя и упоминаемымъ въ призываю; такъ, нѣтъ рисунка Эсэгэ-Малан-Тэнгэри и Уха-Солбона (планеты Венеры); призваніе онгоновъ совершается также каждый разъ при обрядѣ кормленія.

Призываніе небесныхъ онгоновъ.

Г) «Западные 55 неба, старший изъ нихъ отецъ небо (Эсэгэ-Малан-Тэнгэри), 9 сыновей котораго спустились на землю на 99 западныхъ Мундарга; мать неба—Эхэ-Юрин-Тэнгэри, 9 дочерей которой (или дочерей Хата) спустились сначала на 9 горъ Торёнъ (Балаг. вѣд.)—Ехён-Торён, но имъ показалось, что утесы горъ отъ вѣтра шумѣли и кроме того были имъ непріятны скрипъ телѣгъ и крикъ

верблюдовъ; тогда дочери неба избрали себѣ новыя мѣстопребыванія. Три старшія дочери поселились на горѣ Ахан-Улан или Ахан-Хоръхон (въ верховьяхъ р. Оки); здѣсь они спустились къ 13 глубинамъ рѣки Оки и стали купаться; къ нимъ приплыли на березовыхъ лодкахъ съ серебряными веслами и золотыми шестами говорящіе непонятнымъ языкомъ, они начали при помощи своихъ шестовъ и веселъ брызгать водою на дочерей неба. Три дочери неба переглянулись между собой и улыбнулись, потомъ чернымъ шелковымъ платкомъ махнули по воздуху: и вотъ съ сѣверо-запада показалось черное облако съ шапку величиною, поднялся умѣренный вѣтеръ, небо покрылось прозрачными облаками; и задулъ сильный вѣтеръ, загремѣлъ громъ и земля отъ него тряслась, и небо покрылось сплошнымъ облакомъ, молнія засверкала и громъ загремѣлъ, земля затряслась и пошелъ сильный градъ въ чашку и корзину величиною. Тогда въ 13 глубинахъ они утонули, говорившіе непонятнымъ языкомъ въ берестяныхъ лодкахъ съ золотыми шестами и серебряными веслами. Одинъ изъ нихъ сдѣлался поклонникомъ небесныхъ дочерей, впереди видящимъ и сзади караулищимъ, имя его Хан-Нахура, онъ имѣетъ шапку изъ черной мерлушкы и черный кафтанъ. Три дочери неба выгоняли тарасунъ на горѣ Ахан-Улан; имена ихъ: 1) *Халимдар-Хатун* (или Хан-хатун); 2) *Ялбаргана* хатун (Хатхур-хатун) и 3) *Халбаргана-хатун* (Хута-хатун).

Три среднія дочери неба: 1) Оргѣто-хатун, 2) Оробсор-хатун и 3) Эхэ-хатун на Обосинской красной горѣ выбрали свое мѣстожительство (Идинскаго вѣдомства).

Три младшія дочери: 1) Бэлэкши-хатун, 2) Хэлдэр-хатун и 3) Бэшэкши-хатун поселились на красной горѣ р. Бэлой.

II). Небо Уха-Солбон имѣлъ связь съ Хатун-Малган; отъ него у ней сынъ Хитаран-Заринъ; ея мужъ, преслѣдующій её за невѣрность Хан-Бата.

III). Затѣмъ призывается хозяйка солнца и луны: «Кучкой выросшій тальникъ удобенъ для хватанія, кругло-красное лицо красиво въ рукахъ луны (для луны?); густо выросшій тальникъ удобенъ для объятія, широко красное лицо красиво; мѣдно-серебряная поваренка пригодна для держанія, красно мѣдно-серебряное ведро пригодно для ношенія; происхожденіе мое изъ племени Саган-Боргутовъ, надъ луной—Хал-хатунъ надъ солнцемъ—Нал-хатунъ (госпожа?), Нал-Шаракшан-Эль Шаракшан-Ехён-Дангина, имя мое Хун-Дангина.

IV). Далѣе призываются Ганзушины. «Зимою въ сильный морозъ въ шестиугольной юртѣ были заперты дѣвицы; чтобы онѣ не могли выходить, дверь была замкнута снаружи, а отверстіе юрты (для дыма) закрыто; они страдали отъ голода и жажды, и наконецъ померли. По смерти они поднялись на небо и тамъ къ нимъ явился старикъ Тэхэ-Тонхолжин, верхомъ на козлѣ (такъ его и рисуютъ на онгонахъ); дѣвицы изъ праваго рога козла достали синяго огня, а изъ лѣваго пищу и питье и тѣмъ утолили свой голодъ и жажду, а огнемъ согрѣлись. Затѣмъ онѣ опять появились на землѣ у богатаго бурята Имахана въ верховьяхъ Оки, гдѣ и жили 9 лѣтъ; у Имахана сильно забо-

лѣль отъ нихъ сынъ; богачъ призывалъ шамановъ Тадака и Малака, которые шаманили одинъ за другимъ, но не могли узнать причину болѣзни, только шаманка *Шинхэн* узнала, что болѣзнь причинили Ганзушины и сдѣлала имъ первое жертвоприношеніе. Ганзушины тогда объяснили, что онъ происходятъ изъ племени Удан-Шарат, отъ крайняго Шарата; синѣйно-блѣлое облако, плавно-тихое спусканіе съ неба на землю; покровитель Шаратовъ небо Шара-Хасар-тэнгэри; отецъ Ганзушиновъ Бажигалда, мать шаманка Хэглэ, жена дяди шаманка Апахан; имена Ганзушиновъ: 1) Адагата-Агалъжин, 2) Буро - Занта - Бугальжин, 3) Тодгото - Тонхольжин; 4) Ноктото Нохо-Шаракплин, 5) Гарьхата-Ганзупин и 6) Аманда-Агалъжин.

V). Покровительницей Кимельтея (село на московскомъ трактѣ) заянь всего народа *бабушка Мэльмэн*, дочь Барьшана; у ней есть мужъ, поднявшійся на небо Хан-Саган, на лошади безъ узды и на небо Ноён-Саган поднялся безъ узды—Охин-Тохо-Амагахановъ; ихъ сыновья: Хухоргоно и Духоргоно и дочери: Алмахан и Талмахан. Небыло шамановъ и шаманокъ лучше ихъ сыновей и дочерей.

VI). Окинскихъ 18 шамановъ и Зухайскихъ 108 шамановъ, бряцающія горы(?), гремящія худэ(?), серебряные колчаны со стрѣлами, желтые луки, когда износилась бѣличья шуба и грозные враги напали, отъ хитрости выбрали мѣстности Нуухэн-Гол и Булгахан-Гол—дочь Башуная Хан-Хото; ея мужъ Борон-Толодо; она играетъ на ладони 13 яйцами птицы Ахуная; пожелаетъ кому добра, бросаетъ блѣлый таракъ, захочетъ кому сдѣлать зло—бросаетъ черную

кровь и кашель; она имѣть красивыхъ, какъ тростникъ, дочерей—Хулхан, Дэлхэн и Шилбэ, мужья ихъ красивы и стройны, какъ гривы лошади, имена ихъ: 1) Ноен-Тонхо-Ганзу Мантахановъ, 2) Уха-Таголтор-Хулдаевъ и 3) Хахи-Ганзу-Болхоеевъ. Первый изъ нихъ изъ мѣстности Шингил-Шибэ, изъ племени Шишхэ-Монголь, изъ мѣстности въ крайней земли, изъ племени крайнихъ монголовъ, имя его Ноён-Тонхо-Ганзу Мантахановъ—хозяинъ хорька и покровитель новобрачныхъ; онъ поѣхалъ въ Кудинскъ, тамъ сдѣлался нечистымъ и померъ, похороненъ на горѣ Болог-Отохон, около озера Бого-нур; поселился онъ на горѣ Худин-Улан.

VII). Затѣмъ призываются луговые женщины—Нуган-Эзинуд—онѣ покровительствуютъ надъ утугами и лугами, и малолѣтними дѣтьми.

VIII). Угитэ-Хунэртэ—пришли изъ-за моря, покровительствуютъ людямъ; имена ихъ: Хан-Толохон и Хатан-Болохон.

III. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ И ГАДАНІЯ.

Жертвы шаманствующихъ бурятъ бывають слѣдующихъ видовъ: 1) жертва виномъ или тарасуномъ; 2) деньгами, лентами, табакомъ; 3) кирикъ (кырыкъ); 4) тайлагантъ; 5) посвященіе животныхъ; 6) *Хурай*.

1) Жертва тарасуномъ или виномъ составляетъ самое обыкновенное и частое выраженіе почтенія къ богамъ со стороны бурята шаманиста; каждый разъ, когда пьютъ вино, всякий нѣкоторую часть выливается на землю или на полъ, если дѣло происходитъ

на открытомъ воздухѣ или въ комнатѣ, или на огонь очага, если пьютъ въ юртѣ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ жертва приносится хозяину огня (гали эжинъ) Сахядай-ноену и женѣ его Сахала-хатунъ.

Тарасунъ и вино играетъ также видную роль при всякаго рода жертвахъ животными, при обрядахъ посвященія шамана, на кирикахъ и тайлганахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ производиться какъ отдельный обрядъ, самостоятельная жертва, имѣющая просительный характеръ. Такъ, напр., брызгали виномъ передъ утесомъ Саганъ-Заба, передъ отправленіемъ къ этому утесу и къ изображенію въ бухтѣ Ая во время моей лѣтней поѣздки въ 1881 году.

Въ обыкновенныхъ случаяхъ эта жертва производится во время болѣзни, причемъ и самая болѣзнь приписывается преслѣдованію со стороны боговъ за непринесеніе своевременно жертвы; въ этомъ послѣднемъ случаѣ призываются шаманъ, который и совершаетъ обрядъ, но въ другихъ случаяхъ не возбраняется совершать жертву виномъ каждому буряту. Обрядъ производится такъ: больной садится у очага и надѣваетъ шапку, а передъ нимъ ставятъ сосудъ съ тарасуномъ и деревянную чашку (обыкновенную китайскую, употребляемую для питья вина и чаю бурятами и русскими). Шаманъ становится направо отъ очага въ шапкѣ, съ шаманской плетью съ колокольчикомъ въ лѣвой руцѣ, и зажигаетъ пихтовую кору или верескъ (*Ledum palustre*), которымъ окуриваетъ больнаго, тарасунъ и чашку, затѣмъ больной наливаетъ тарасунъ въ чашку и подаетъ шаману; этотъ произносить молитву тому богу, который потребовалъ, по мнѣнію шамана, тарасуна;

при этомъ произносится имя бога, его исторія: а также просьба больнаго, а тарасунъ изъ чашки подбрасывается къ потолку юрты; такъ дѣлается три раза; четвертый разъ тарасунъ выбрызгивается (наливается въ чашку понемногу, чтобы осталось чѣмъ, полакомиться вѣрюющимъ) въ тотъ уголъ юрты (Ю. З.), гдѣ висить онгонъ хозяина хорька (Холонгон-Эжин); пятая чашка наливается полная и подается шаману, послѣдній, отливъ нѣсколько капель хозяину огня, выпиваетъ самъ или даетъ кому изъ присутствующихъ; шестая чашка выпиваетъ больнымъ или передается одному изъ родныхъ, эта часть называется «*галахи*»; седьмая чашка слѣдуетъ шаману—это *ббии мэнсэ*, какъ бы въ вознагражденіе за трудъ; изъ этого послѣдняго усматривается скромность и истребовательность прежнихъ шамановъ; нынѣ же берутъ за трудъ, что даютъ.

2) Ленты и табакъ часто употребляются въ видѣ жертвъ. Лентами украшаются онгоны, шаманская принадлежности: шапку, ширэ, конныя трости, шкурки животныхъ; лентами обвязываются священные деревья, напр. такое дерево—лиственица, встрѣчена вблизи деревни Куртунъ; цвѣтъ лентъ различный—белый, синій и розовый. Лентами увшиваются посвященныхъ животныхъ и стрѣлы. Табакъ кладется въ ящикъ, гдѣ держутся изображенія онгоновъ на тканяхъ, табакъ-же бросается на священныхъ мѣстахъ, назыв. барьса, очень часто на перевалахъ черезъ горы; въ такомъ мѣстѣ по дорогѣ въ Куртунъ изъ Косой степи совершеннъ былъ обрядъ освященія Ѣхавшихъ при посредствѣ огня; при этомъ лошадей перевели черезъ курившійся верескъ, сло-

вомъ также, какъ передъ осмотромъ изображеній на утесѣ Саган-Заба, только тамъ освященіе касалось людей, а не лошадей *).

3) *Кырык* есть жертвоприношеніе *одного лица* или семейства и имѣетъ цѣлью умилостивить разгнѣваннаго бога, пославшаго болѣзнь или несчастіе; онъ состоитъ въ принесеніи въ жертву животныхъ: кобылы или жеребца, коровы, барана, козла, рѣдко рыбы; животное должно обладать известными признаками—пола, возраста, цвѣта, смотря по божеству, которому приносится жертва; выборъ бога зависитъ отъ шамана; иногда приносится въ жертву животное безъ строгаго выбора; обрядъ совершается на открытомъ воздухѣ, но приготовительныя дѣйствія производятся въ юртѣ. Необходимая посуда, тарасунъ, курунга ставятся у передняго столба юрты; присутствующіе садятся, и шаманъ окуриваетъ священнымъ дымомъ пихтовой коры всѣ предметы, назначенные для жертвоприношенія и дѣлаетъ жертву виномъ чествуемому божеству; передъ выходомъ на улицу шаманъ становится впереди, а за нимъ три человѣка, помогающіе шаману въ пѣніи священной пѣсни... и затѣмъ выходятъ на улицу и усаживаются на выбранномъ мѣстѣ, часто передъ юртой хозяина. Посуда, тарасунъ и проч. ставятся на т. н. *тургэ*. Позади тургэ устанавливаются на разведенномъ огнѣ котель, въ которомъ будутъ варить жертвеннное мясо. Тогда опять брызгаютъ тарасунъ (эта часть обряда называется *сасали-барыха*), а шаманъ произноситъ молитву; за этимъ колятъ животное;

*) Извѣстія т. XII. № 4—5.

кожу осторожно снимаютъ, мясо разрѣзаютъ на части и кладутъ въ котель; тѣмъ временемъ шаманъ и старики пьютъ тарасунъ; когда мясо сварится, то его тщательно очишаютъ отъ костей, кости сбираютъ и кладутъ на огонь, разведенныи спереди тургэ; еще нѣсколько впереди втыкаютъ въ землю заранѣе приготовленную березу, сажени въ 3—4 длиною, съ вѣтвями, къ ней привязываютъ снятую съ животнаго шкуру съ головой (съ горломъ и легкими) и ногами; шкуру набиваютъ соломой и зашиваютъ; въ ноздри животнаго засовываютъ березовыя вѣтви, а на лбу укрепляютъ *жидо*, палочку съ привязанной пихтовой корой; когда березу устанавливаютъ, то заботятся, чтобы голова животнаго была обращена въ ту сторону, гдѣ находится предполагаемое мѣстообитаніе божества, въ честь котораго приносится жертва. Теперь опять выступаетъ шаманъ: онъ громко призываетъ зайна, постоянно наклоняясь то впередъ, то назадъ, пока не придетъ въ экстазъ, при этомъ онъ дѣлаетъ движеніе, какъ будто-бы брасается кому-то на встрѣчу, а потомъ отскакиваетъ назадъ; въ такомъ возбужденномъ состояніи онъ обращается къ присутствующимъ, какъ-бы представляя самаго бога; тутъ онъ говоритъ исторію бога и его похожденія, предсказываетъ будущее; послѣ этого шаманъ снова кричитъ, вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, представляя испытываемыя имъ мученія при удаленіи изъ его тѣла призывающаго божества*).

*.) Мягъ только разъ пришлося видѣть, какъ шаманилъ шаманъ. Нагибаясь то впередъ, то назадъ, онъ все больше возбуждался, лицо все покрылось обильнымъ потомъ; часто нагибаясь, шаманъ производилъ звуки, который произвести очень

Жертвеннное мясо (шуладхана и даланга) съ нѣкоторыми обрядами съѣдается, малая часть сжигается. Затѣмъ уходятъ въ юрту, гдѣ брызгаются тарасунъ, чѣмъ и оканчивается кирикъ.

4) *Тайлаганъ* есть частное или общественное жертвоприношеніе, въ которомъ принимаетъ участіе цѣлый улусъ или даже цѣлый родъ. Характеръ его всегда просительный, его буряты называютъ молебномъ. Совершать тайлаганы могутъ какъ шаманы, такъ и цѣлое общество домохозяевъ безъ дѣятельнаго участія шамана. Покупка жертвеннаго животнаго дѣлается на общій счетъ изъ сбора отъ каждого домохозяина. Кромѣ животнаго, одного или нѣсколькихъ, приготавляютъ тарасунъ, курунгу, саламату, нужную посуду; все приготовленное отправляется, послѣ обряда освященія пихтовой корой, какъ описано выше, на мѣсто тайлагана; всѣ участники при выходѣ изъ юрты переходятъ, въ видахъ очищенія, черезъ горячую на угольяхъ богословскую траву. Передъ вѣзdomъ всѣ опять собираются вблизи улуса, садятся рядомъ и брызгаются тарасунъ тому же лицу, которому приносится тайлаганъ; этотъ предварительный обрядъ называется *тургэлхэ*, онъ, впрочемъ, совершается невсегда.

По прѣздѣ на мѣсто жертвоприношенія, которое всегда выбирается на виду, на склонѣ горы,

легко, если нѣсколько вытянуть губы и, протягивая какой-либо гласный звукъ, болтать языкомъ ворту; нѣсколько разъ также шаманъ дрожалъ и такъ сильно откидывался назадъ, что, казалось, сбирался упасть; въ этомъ случаѣ всегда одинъ или двое буряты поддерживали его. Повидимому, указаннымъ звукомъ — шаманъ старался выразить приближеніе, вхожденіе въ него духа и его удаленіе.

участники разсаживаются группами, по семействамъ, на тургэ; передъ каждымъ кружкомъ ставятся деревянныя корытца для мяса, туяски съ саламатой и курунгой и сосуды съ тарасуномъ, передъ корытцемъ по березовой вѣткѣ, а сзади сидящихъ, на разстояніи 1 или 2 саженъ, устанавливаются большие котлы для варенія мяса, подъ котлами разводятъ огонь. Теперь исполняютъ обрядъ *сасали-баръха*: по одному человѣку отъ каждого семейства, наливъ въ отдѣльныя чашки немного тарасуна и курунги, выходятъ нѣсколько впередъ и, ставъ рядомъ, въ одинъ голосъ выкрикиваютъ молитву, а курунгу и тарасунъ выбрызгиваютъ, какъ жертву; такъ дѣлаютъ до трехъ разъ и затѣмъ осторожно бросаютъ впередъ чашку; смотря потому, какъ упадетъ чашка, узнаютъ будеть ли принята молитва или нѣть; хорошее предзнаменованіе бываетъ, если чашка упадеть дномъ внизъ. Четвертый разъ чашки наливаютъ до краевъ и послѣ краткой молитвы отходять за тургэ позадь сидящихъ къ огню и льютъ курунгу на огонь; на одномъ большомъ тайлаганѣ, видѣнномъ нами лично, курунгу употребляли только четвертый разъ, а первые три раза жертва дѣлалась виномъ; курунгу зачерпывали въ большія разливательныя деревянныя ложки, и отходили къ огню подъ котлами, выливали курунгу на огонь и потомъ возвращались къ сидящимъ семействамъ; одинъ изъ нихъ, старшій, глава семьи, какъ я замѣтилъ, подставляя полу своего кафтана и въ эту полу участвующій въ молитвѣ опускалъ свою ложку, какъ-бы принося тѣмъ изобиліе, о чёмъ, конечно, и было совершаюшаго моленіе. Послѣ этого въ курунгу и тарасунъ

мокаютъ березовыя вѣтки, которыя были воткнуты передъ посудой для мяса. Затѣмъ пьютъ всѣ курунгу и тарасунъ и приступаютъ къ закланію животныхъ. Прежде, чѣмъ колоть животное, ему подносятъ курунгу, и затѣмъ убиваютъ, для чего привязываютъ къ ногамъ веревки и животное опрекидываютъ на спину; вскрывъ грудь, вынимаютъ сердце и сжимаютъ его, отчего смерть наступаетъ мгновенно; кровь собираютъ отдѣльно въ сосудъ и ею потомъ наполняютъ очищенные и вымытыя кишкы; снятую кожу съ головой и копытами или вѣшаютъ на березу, какъ описано въ обрядѣ кирика или продаютъ; если въ улусѣ тайлагановъ дѣлаютъ много, то шкуры, снятые съ жертвенныхъ животныхъ, ставятся рядомъ, одна подлѣ другой.

Пока мясо варится, старики пьютъ тарасунъ, а молодые и дѣти рѣзвятся или борются, бѣгаютъ въ запуски или на лошадяхъ. Сваренное мясо тщательно рѣжется на мелкіе куски и дѣлится поровну между всѣми участвующими семьями; раздѣленное мясо складывается въ корытца и относится на тургэ; эта часть мяса называется *далана*; также очищается все мясо съ костей и дѣлится поровну; кости отъ каждого животнаго сбираются отдѣльно и сжигаются на землѣ впереди тургэ или тутъ устраиваются изъ каменныхъ плитъ болѣе или менѣе высокій жертвеннікъ, на которомъ производится сожженіе; жертвенніки называются *ширэ*—престоль; каждое животное сжигается на отдѣльномъ жертвеннікѣ; жертвенніки устраиваются изъ камня только тамъ, где матеръяль для нихъ, каменные плиты, находятся поблизости. Недалеко отъ усть-Орды на горѣ Ухыръ-

Манхай въ честь бумалъ-бурхана Мала-Убугуна (плѣшиваго старика), хозяина Ухырь-Манхая, сложено 14 большихъ каменныхъ жертвенныхниковъ, двуярусныхъ, полуэллиптической формы въ горизонтальномъ сѣченіи и высотою до 1 сажени; чертежъ даетъ понятіе о формѣ жертвеннника (на табл. 3, фиг. 6 и 7 изображаются два такихъ жертвеннника).

Отрѣзанное отъ костей мясо (шуладхан) въ чашкахъ относятъ къ ширѣ и здѣсь съ молитвой часть мяса бросаютъ въ огонь, а остальное мясо съѣдаются.

По возвращеніи домой, берутъ съ собой раздѣленное мясо (даланга) и прежде, чѣмъ Ѣсть его, кусочки мяса бросаютъ въ огонь, въ жертву хозяину огня (покровителю домашняго очага). Иногда по возвращеніи съ тайлагана устраиваютъ тѣхорён, для котораго каждый домохозяинъ доставляетъ котель тарасуна; совершивъ жертву богамъ, тарасунъ пьютъ, а молодежъ, съ удаленiemъ стариковъ и старухъ, предается играмъ во всю ночь, нерѣдко приглашаются для этого шамана, вызывающаго «вечероиныхъ бо-говъ».

На тайлаганѣ участвуютъ мужчины, дѣти обоего пола и дѣвушки, которыхъ по костюму нельзя отличить, такъ какъ дѣвушки носятъ мужскіе сапоги, фуражки, кафтанъ; женщины въ тайлаганахъ не участвуютъ.

Число тайлагановъ зависитъ, какъ мнѣ кажется, отъ состоятельности общества; богатое общество дѣлаетъ много тайлагановъ, до 10 и болѣе напр. въ Кудинскомъ вѣдомствѣ, бѣдная общество—на островѣ

Ольхонъ—одинъ или два, тогда какъ во времена Георги, когда ольхонские буряты были богаты, число тайлагановъ было значительно. Одному и тому же заяну тайлаганъ бываетъ обыкновенно 1 разъ въ годъ; во многихъ улусахъ есть свои мѣстные боги, которымъ не молятся другие соседніе улусы, эти божества называются *бумалъ-бурхани*, явленные бурханы; иные изъ этихъ бумалъ-бурхановъ чтятся очень многими, таковъ Батыкскій бумалъ бурханъ на горѣ Батыкъ (Верхоленского вѣдомства), гдѣ приносятся до 20 или 30 кобыль и до сотни барановъ для собравшихся нѣсколькоихъ тысячъ бурятъ.

Тайлаганъ хозяину огня Сахядай-Ноену; жена Сахала-хатун имѣть нѣкоторыя особенности: вокругъ очага въ юртѣ изъ глины съ навозомъ устраиваютъ возвышеніе; къ 4 столbamъ юрты привязываютъ березки; вокругъ 4 столбовъ обматываютъ три раза отъ одного столба къ другому веревку, изъ бѣлого волоса и въ пространствѣ между столбами на веревкѣ навѣшиваютъ черезъ равные промежутки коленкоровыя ленты и по одному рисунку, изображающему человѣка, на цветныхъ лоскуткахъ—на право отъ очага на бѣломъ, на лѣво на синемъ, къ сѣверу—на красномъ, къ югу тоже лоскутокъ; у бѣлого лоскутка съ рисункомъ вѣшаются маленькия модели лука и стрѣлъ, а у прочихъ палочки.

Жертвоприношеніе (бараномъ или кобылой) совершается въ этомъ случаѣ въ юртѣ (понятно потому, что и пребываніе хозяина огня въ очагѣ) и совершенно такъ-же, какъ и въ другихъ тайлаганахъ, только при этомъ еще посвящаются хозяину огня стрѣлу; стрѣла обвязывается цветными коленко-

рыми лентами и шелкомъ, и къ ней привязываютъ три мѣдныя пуговицы, при посвященіи стрѣлу опускаютъ однимъ концомъ въ небольшое ведро, которое привѣшивается затѣмъ къ переднему столбу; стрѣла же втыкается въ стѣну юрты въ томъ углу (съ-веро-западномъ), гдѣ размѣщаются нѣкоторые главные онгоны;—въ честь хозяина огня сжигаютъ грудину животнаго; послѣ чего начинается призываніе Сахядай-Ноёна и моленіе о принятіи жертвы; приходящій богъ произноситъ устами шамана: «тэнгэрин тэли хобум, охторгон отхон хобум», т. е. «средній сынъ дневнаго неба, младшій сынъ ночнаго неба»; послѣ удаленія гали-эжина является домашній богъ, покровитель семейства; его часто представляетъ собою кто либо изъ простыхъ бурятъ; онъ бѣгаеть съ ножемъ въ руکѣ между дверью и передними столбами, ударяя ножемъ по столbamъ и произносить: «дэгурэ-дибулхэбэд, догура шоргулхабэд, удэрэ урулхабэб», т. е. если вверхъ подниматься—недамъ, внизъ сойдешь—недамъ, въ дверь не пущу».

Послѣ тайлагана хозяину огня до трехъ сутокъ запрещается выносить изъ юрты огонь и молочное. Вѣроятно въ вышеприведенныхъ словахъ, разумѣется, что хозяинъ огня не допуститъ вещественный огонь покинуть юрту и лишить ея обитателей живительной силы огня; этимъ-же объясняется и запрещеніе выносить изъ юрты огонь и молоко въ теченіи 3-хъ дней. Жертвоприношеніе змѣиному богу или царю Алтан-толи, и женѣ его Алташа-хатун, пестрою овцою имѣетъ неопределенный характеръ, то тайлагана, то кирика; послѣднее вѣроятнѣе; отличие его отъ другихъ жертвоприношеній состоить въ томъ, что

часть жертвенного мяса обвязывают цветными шелковыми шнурками въ видѣ змѣи и жгутъ на ширѣ вмѣстѣ съ костями; при процессіи призываанія бога шаманъ указываетъ мѣстопребываніе различныхъ степеней іерархіи змѣинаго царства, сходной съ іерархіей бурятскаго вѣдомства; тайша змѣй живетъ въ Курумчинскомъ родѣ на горѣ Тамириулан, староста на горѣ Байтакъ (Верхоленскаго вѣд.) или на горѣ Капсалѣ, старшина на горѣ Сайгутъ (Китайской инородной управы).

Отъ талгана нѣсколько отличается жертвоприношеніе, назыв. шургэ; подробности неизвѣстны.

Существуетъ еще видъ жертвоприношенія, называемый «Харбаха»; его дѣлаютъ безъ участія шамана, когда приносятъ барана въ жертву 3 писарямъ Эрлэнъ-хана.

5) Обрядъ посвященія животныхъ.

Обрядъ этотъ очень древній; Георги въ свою поѣздку вокругъ Байкала встрѣтилъ посвященного коня.

Различнымъ богамъ посвящаютъ различныхъ животныхъ, птицъ и рыбъ, каждый разъ дѣляется строгій выборъ относительно цвета животнаго и другихъ признаковъ.

1) *Эриилъ Буга-Ноён Тонхою* посвящаютъ хорька или собственно его шкуру; приготовленную, снятую шкуру обвязываютъ шелковой лентой и коноплей (это называется *хушу эслолхо*); богу брызгаютъ тарасуномъ, а шкуру вѣшаютъ въ юртѣ или на улицѣ.

- 2) *Буха-Ноёнү*—посвящаютъ сиваго пороза *).
 - 3) *Ухан-Хату*—краснаго пороза.
 - 4) Шаману Верхоленскому Монхоръ-Унагаеву—гнѣдаго коня.
 - 5) Шаману Идинскаго вѣдомства Идерхэн-Алханзаеву гнѣдо-пѣгаго коня; этому шаману дѣлаютъ кирикъ.
 - 6) Хозяину чернаго коня посвящаютъ гнѣдаго коня, Ажира-бѣхѣ, жена Альба-Хатунъ; въ жертву ему приносятъ чернаго коня и чернаго барана; при обрядѣ жертвоприношения требуются шкуры соболя, лисицы, рыси, выдры; шкуры жертвеннаго животнаго укрѣпляются на березѣ головой на востокъ.
 - Черный воронъ считается сыномъ, а желтый—дочерью Ажира-бохо.
 - 7) Ардайскимъ богамъ (Ардайн-Аханут) посвящаютъ первый разъ трехъ, потомъ шесть и наконецъ девять животныхъ.
(Ихъ имена: сыновей Армаевыхъ—10, сыновей Тальниевыхъ—5, они ъздятъ на саврасыхъ коняхъ и имѣютъ черныя бороды; Даахта Мухановъ, Хэрсэ Морсановъ, Арман Эрдэевъ, Бужухан Эрбэевъ, Хамаган Тэнхэевъ, Баго Эмечеевъ, Они Отгоновъ).
 - 8) Сатинскимъ богамъ, пребывающимъ въ Монголіи, принадлежащимъ къ добрымъ западнымъ заянямъ.
 - 9) Восточнымъ небамъ (богамъ) посвящаютъ рыжаго коня съ красной коровой.
-
- *) Буха-Ноену ежегодно дѣлаютъ тайлаган 3-мя животными—1 кобылой, бараномъ и козломъ;—Буха-Ноенъ считается западнымъ хатомъ; головы жертвенныхъ животныхъ, снятыхъ со шкурами, укрѣпляютъ такъ, чтобы онѣ обращались на западъ.

10) Хозяйкѣ ямана --- женщины посвящаютъ ямануху (домашнюю козу). Эту шаманку зовутъ—Хулаго - Хунатыева, она вышла изъ Монголіи въ Балаганскъ на яманѣ, котораго привязала къ золотому столбу; въ Кудинскѣ вышла въ замужъ за шамана Хула (имя ея—Ямани-эжин Хунатын басаган Хулан Отёдö). Другая большая богиня—Хан-ötödö Башкунина (Башкунни басаган хан öтöдö)—ей дѣлаютъ два зурака (рисунка) на бѣломъ шелкѣ.

Посвящаемое животное сначала омываютъ освященною шаманомъ водою при посредствѣ багульника и богословской травы, затѣмъ совершаютъ жертву виномъ тому богу, которому посвящается животное; послѣ того избранное животное обвязывается лентами и отпускается на волю.

11) Хозяину острова Ольхона Ута-Саган-Ноен, жена его Уран-Саган-Хатунь—посвящаютъ голубя, которому на шею привязываютъ бѣлые и синія ленты.

12) Ухан-хату посвящаютъ рыбу *налима*, но очень рѣдко; но въ жертву рыбѣ часто приносятъ небеснымъ онгонамъ (онго идэлүлхэ) и Омольто заяну. Балаганскіе буряты такъ передаютъ случай посвященія налима: однажды нѣкоего балаганскаго шамана Унхе-Хара-Загал'а призвали къ одному больному, у котораго сильно опухла нога; шаманъ приказалъ поймать ему налима, больного принесли къ рѣкѣ; когда налимъ былъ пойманъ, то шаманъ, совершивъ жертву тарасуномъ въ честь Ухан-Хата, освятилъ налима и велѣлъ бросить его живаго въ рѣку; тогда нарывъ на ногѣ прорвался и изъ него выскоцила лягушка, ушедшая тотчасъ въ воду, а больной выздоровѣлъ.

6) *Хурай-гараха* исполняется въ честь великихъ боговъ: напр. сатинскихъ боговъ, бога острова Ольхона, Эрлэнхана; восточныхъ и западныхъ небъ по три раза.

1) *Хурай Сатинскимъ богамъ.*

Первый хурай дѣлается на 5-ти звѣриныхъ шкурахъ, доставляемыхъ шаманомъ; это тѣ шкуры, которые были употреблены при посвященіи шамана на хурай бургахан: 1) заяцъ съ бѣлыми шелковыми нитками; 2) хорекъ съ желтыми; 2) бѣлка съ синими; 4) горностай съ бѣлыми или синими и 5) козуля съ красными. Для обряда приготавляются *шундалга*, *дахта* и *тармуръ*, таракъ, саламату, *бомхой*. Шкуры, 5 дахта, 5 корзинъ, 5 чашекъ, шундалга и 1 тармуръ кладутъ на чистый войлокъ. Тарасунъ при этомъ обрядѣ не употребляется и даже удаляются всѣ люди, пивши въ этотъ день тарасунъ. Всѣ приготовленныя вещи освящаются. По выполненіи всего необходимаго, выходятъ изъ юрты на избранное мѣсто; предметы устанавливаются въ порядкѣ; звѣриныя шкуры привязываются къ березамъ, вкопаннымъ въ землю; также укрѣпляются и *шундалга*, *дахта* и *тармуръ*; послѣ обряда *сасали* съ молокомъ, чаемъ и пр., ёдятъ таракъ, саламату и уходятъ въ юрту; въ теченіе трехъ сутокъ послѣ хурая ничего не ёдятъ, по прошествіи этого срока шкуры, тармуръ, шундалга и дахта снимаются съ березъ и отвозится къ шаману и обычная жизнь вступаетъ въ свои права.

При второмъ и третьемъ хураѣ увеличивается только число шкуръ и прочихъ предметовъ. Во время хурая посвящаютъ сатинскимъ богамъ коня.

2) Хурай хозяину острова Ольхона Хан-Хото-Бабай совершаютъ также на 5 шкурахъ, но употребляютъ также тарасунъ и кромъ того *три подобія орла*, изъ березовой коры съ жестяными ногами и клювомъ; къ крыльямъ приклѣиваются для большаго сходства орлиныя перья.

Совершивъ жертвоприношениe тарасуномъ, выходитъ на открытый воздухъ; къ 8 березамъ и 1 соснѣ прикрепляютъ шкуры, шундалга, дахта, тармуръ и фигуры птицъ. Послѣ молитвъ, ёдятъ приготовленную пищу, пьютъ вино и уходятъ домой; обрядъ совершается по три раза. Жертву хозяину острова Ольхона приносятъ и домашними животными, какъ и Сатинскимъ богамъ; сначала жертвуютъ матери его бараномъ; потомъ двухъ барановъ закалываютъ въ честь Шобу-ноёна—жена его Шонхози-Хатун, т. е. въ честь орла, сына хозяина острова Ольхона; или приносятъ жертву птицами: рябчикомъ и тетеркой, потому что эти птицы служили пищей орлу, когда онъ поднимался къ западнымъ небамъ; самому богу острова Ольхона въ жертву приносятъ кобылу и барана.

Г а д а н і я.

Стремлениe заглянуть въ будущее такъ естественно въ каждомъ человѣкѣ, что не покажется удивительнымъ существование подобнаго стремления и у бурятъ; стремлениe такое находитъ свое удовлетвореніе въ различного рода гаданіяхъ. Ворожать буряты на лукѣ, на лопаткѣ животныхъ, на оловѣ, на водѣ (шабга) и на разныхъ мелкихъ предметахъ въ числѣ 41-го: камешкахъ, деньгахъ, зернахъ; по-

слѣднее гаданіе называется *былэ*, хотя самая распространенная ворожба — такъ называемая скапулимантия — ворожба при посредствѣ трепчинъ на сженої лопаткѣ.

1) Гаданіе при помощи лука производятъ двумя способами, то по характеру звука, издаваемаго съ большей или меньшей силой натягиваемой тетивой, причемъ лукъ приближаютъ къ самому уху или же глядятъ вдоль тетивы на огонь.

2) Во время жертвоприношениј водянымъ царемъ (Ухан-Хату) въ чашку съ водой, въ которую кладутъ конскій волосъ, вливаютъ расплавленное олово и по формѣ застывшаго металла дѣлаютъ предсказаний. Послѣднее гаданіе совершенно тождественно съ святочнымъ гаданіемъ у русскихъ, хотя допустить заимствованіе отъ нихъ нельзя, такъ какъ гаданіе у бурятъ связано съ религіозными вѣрованіями, тогда какъ въ образованныхъ классахъ подобной связи не существуетъ.

3) Также напоминаетъ одно изъ нашихъ святочныхъ гаданій такъ называемое *шабга*, производимое на винѣ или водѣ. Въ сосудъ съ водой кладутъ нѣсколько кусочковъ растительного трута, приготовляемаго изъвойлочной ткани нижней поверхности листьевъ одного сложноцвѣтнаго растенія изъ рода *Saussurea*; одинъ кусочекъ трута означаетъ хозяина, т. е. собственно лицо, для кого гадаютъ, а остальные кусочки трута принимаются за разныхъ шамановъ; того шамана придется приглашать для призыва и брызганья тарасуномъ, съ кусочкомъ котораго соединится хозяйствскій трутъ, во время плаванія по водѣ.

Гаданье по бараньей лопатке очень часто практикуется бурятскими шаманами и состоит собственно въ объясненіи трещинъ на лопаткѣ, обожженой на огнѣ; объясненія, даваемыя одной и той-же трещинѣ различными шаманами довольно близко сходятся; эти объясненія по собраннымъ нами даннымъ сводятся къ немногимъ слѣдующимъ:

1) Или трещины указываютъ на имена тѣхъ заяновъ или онгоновъ или хатовъ, которымъ необходимо принести жертву; таковы: западные Заяны, Эрлэн-Хан, хозяинъ чернаго коня, Должин, Эхэхан—большой царь, Ухан-Хат, онгонъ Хохшин, небесные зайны, Идерхэн Алхансаевъ, большое восточное небо, хурай этому небу, Таргайскіе Ахануты, западной хат, хозяинъ о. Ольхона, Ганзушины.

2) Или они представляютъ собою языкъ того шамана, который долженъ приносить жертву.

3) Указываютъ на приближеніе, продолженіе или окончаніе болѣзни или на смертельный ея исходъ.

4) Двѣ большія продольныя трещины, идущія паралельно, означаютъ—одна дорогу жизни, другая дорогу мертвыхъ; предсказаніе зависитъ отъ относительной длины линій и ихъ направленій; если длиннѣе дорога живыхъ, то предсказаніе благопріятное, если эта трещина уклонится наружу, то человѣку грозить неминуемая смерть.

5) Появленіе нѣкоторыхъ трещинъ означаетъ то радость, то небесную благодать, то предстоящую дорогу, то необходимость совершить тотъ или другой обрядъ.

Вообще характеръ предсказаний можетъ измѣняться по требованію случая.

IV. О ШАМАНАХЪ.

Именемъ шамана, по бурятски *бё* (также и по монгольски), въ женскомъ родѣ *бдэгён*, называется лицо, совершающее жертвоприношения разного вида богамъ, призывающее боговъ, исполняющее необходимые обряды въ жизни бурятъ, при рожденіи, смерти, въ случаѣ болѣзни; лицо, облеченнное способностью открывать будущее при пособіи боговъ—покровителей; онъ естественный посредникъ въ сношеніяхъ боговъ съ людьми, ходатай послѣднихъ и выразитель воли боговъ.

Появленіе шамановъ. Появленіе на землѣ шамановъ буряты приписываютъ участію боговъ къ судьбѣ людей. Сначала людей не было, а только существовали небесные духи—тэнгрі, главнѣйшіе изъ боговъ; западные тэнгрі, иначе обитатели западныхъ частей небеснаго пространства, боги добрые, и восточные тэнгрі—существа злые, послѣднія существовали ранѣе. Западные тэнгрі создали людей, которыхъ въ первое время жили счастливо, не знали ни болѣзни, ни горя; но вотъ люди заслужили немилость злыхъ духовъ, восточныхъ тэнгріевъ и начали заболевать и умирать. Западные тэнгрі испугались за участіе людей и начали совѣщаться, какъ помочь людямъ; мѣстосовѣщенія было на плеядахъ (мэшэн-дэрэ моргон суглахэ), а потомъ на лунѣ (хара дэрэхайн сугла-хэ); въ помощь людямъ для борьбы съ злыми духами рѣшили дать шамана и выбрали для этого орла. Орель былъ богъ, (сынъ Сам-Сагай-Саган дочери неба Сар-Саган, принадлежащаго къ восточнымъ тэнгріямъ). Здесь есть некоторая неясность:

какъ могли западные тэнгрі для борьбы съ восточными избрать одного изъ среды своихъ враговъ?

Такимъ образомъ орелъ долженъ былъ сдѣлаться шаманомъ. Хотя орелъ и помогалъ людямъ, отгоняя злыхъ духовъ, но люди ему не довѣряли, видѣли въ немъ простую птицу, орелъ къ тому-же не могъ подавать людямъ совѣты, такъ какъ его языка люди не понимали, и говорить орелъ не могъ. (По мнѣнію бурятъ, птицы также, какъ и всѣ животныя, имѣютъ свой языкъ, понятный только для нихъ; только тотъ человѣкъ, который знаетъ до 70 языковъ, можетъ понимать языкъ животныхъ). Въ такомъ затрудненіи орелъ возвратился на небо и рассказалъ о своей неудачѣ западнымъ тэнгріямъ и просилъ: или шаманомъ сдѣлать бурята же, или дать ему позволеніе говорить по человѣчески. Боги на это не рѣшились и опредѣлили, чтобы орелъ передалъ свое шамансское званіе первому встрѣчному человѣку. Спустившись на землю, орелъ замѣтилъ подъ деревомъ спящую женщину, ушедшую отъ своего мужа: орелъ вступилъ съ ней въ связь и женщина забеременѣла; послѣ этого она вернулась къ мужу и стала съ нимъ жить хорошо. Злые восточные тэнгрі, узнавъ объ этомъ, чтобы повредить женщинѣ подослали злого духа, шулмуса, который обратился въ красивую женщину и побуждалъ бурята прогнать первую жену; но орелъ явился на помощь; схватилъ шулмуса и бросилъ его за море Халхин-далай (вѣтреное море), а супружеская чета зажила опять мирно; тѣмъ временемъ женщина родила сына (отъ орла), который и сдѣлался первымъ шаманомъ — Моргонъ-Хара (у балаганскихъ бурятъ) или Бохоли-хара.

По другому варианту легенды шаманомъ сдѣлалась сама женщина; при этомъ она стала различать и видѣть злыхъ и добрыхъ духовъ.

Одежда и принадлежности шамана.

Въ настоящее время костюмъ шамана, какъ повседневный, такъ и специальный для отправлений шаманскихъ мистерій, ничѣмъ не отличается отъ обыкновенного бурятскаго; только особенно уважаемые и пожилые шаманы одѣты бываютъ получше, большинство же шамановъ часто очень бѣдны.

Но отъ прежняго времени, на мѣстахъ погребенія шамановъ, находятся остатки одежды и ея украшений, которыя теперешнимъ шаманамъ или недоступны или даже и незнакомы вовсе. Тѣмъ не менѣе для полноты описанія мы остановимся нѣсколько и на тѣхъ принадлежностяхъ шамана или его костюма, которыя теперь не встрѣчаются или употребляются не такъ часто, какъ прежде.

1) Непремѣнной принадлежностью шаманскаго костюма была *шуба или оргой*, который теперь надѣвается только умершему шаману и бываетъ двухъ цветовъ — синяго и бѣлаго; бѣлый оргой получаетъ бѣлый шаманъ, служитель добрыхъ боговъ, и синій оргой — назначается черному шаману, главнѣйшія мистеріи котораго совершаются ночью передъ лицомъ ночного неба — «*охторион*», служителемъ котораго считается черный шаманъ; причемъ синій оргой соответствуетъ самому темному ночному небу *).

*) Одинъ, нѣмецкій Воданъ, считается обладателемъ *синего плаща*, и широкополой шляпы; синій плащъ Водана сравниваютъ съ чернымъ небомъ, въ которомъ скрывается ночью солнце (Воданъ) См. Воеводскій. Введеніе въ мифологію Одиссеи. Г. I, стр. 157.

гой шьется изъ шелковой или бумажной ткани, но по покрою ничѣмъ не отличается отъ обычновенной шубы; у кудинскихъ шамановъ оргой шьютъ только для похоронъ шамана, балаганскіе шаманы получаютъ оргой и при жизни, но это право пріобрѣтается только послѣ 5-го обряда омовенія тѣла. Особенность оргоя составляютъ привѣшиваемыя къ нему металлическія фигурки человѣка, коня, птицы и др. Кружки, изображенія какого-то животнаго и идолъ въ ромбической рамкѣ, помѣщенные на таблицѣ 2-й (рис. 5, 6, 7 и 8), вѣроятно, относятся къ числу подобныхъ привѣсокъ; въ этомъ убѣдиться можно потому, что всѣ эти вещи, приспособленныя къ привѣшиванію, были найдены на мѣстѣ, гдѣ былъ склоненъ шаманъ; только идолъчикъ въ рамкѣ найденъ въ окрестностяхъ Ольхонской думы просто между камнями, но, разумѣется, и онъ могъ служить для той-же цѣли.

Шапка также отличаетъ шамана отъ обычновенного бурята; нынѣ она бываетъ рысья съ кисточкой изъ лентъ на верху (зала) или даже фуражка съ козырькомъ, но все-таки съ кисточкой. Послѣ 5-го посвященія или омовенія шаманъ получаетъ желѣзную шапку и желѣзныя конные трости. Желѣзная шапка имѣетъ видъ короны и состоитъ изъ желѣзного обруча, къ которому придѣланы 2 полуобруча на крестъ; на вершинѣ одного прибита желѣзная пластинка съ отставленными двумя концами въ видѣ 2 рогъ или лучей; у мѣстъ прикрепленія полуобручей къ горизонтальному обручу въ трехъ мѣстахъ прикреплено по 3 холбохо (привѣски въ

видѣ небольшихъ конусовъ), а сзади цѣпь изъ 4 звѣньевъ, соединенныхъ колечками, къ которымъ прикреплены по 1 холбохо и по 2 маленькия пластиинки, замѣняющія холбохо; на концѣ цѣпи, кроме 2 пластиноекъ, виситъ еще родъ ложки и шила, первая длиною въ $3\frac{1}{2}$ вершка, а второе въ $2\frac{1}{2}$ в. (См. таб. 3, фиг. 3).

Морин-Хорѣбъ. Конныя трости встречаются у всѣхъ шамановъ прибайкальскихъ бурятъ, но ихъ неѣтъ у балаганскихъ. Конныхъ тростей у шамана бываетъ 2 и приготавляются или изъ дерева или изъ желѣза. Желѣзныя трости, вмѣстѣ съ шапкой поступаютъ въ распоряженіе шамана только послѣ 5-го омовенія тѣла. Правая трость дѣлается на сколько длиннѣе лѣвой.

Конныя трости, деревянныя, каждому шаману вырѣзываются наканунѣ первого посвященія или тѣломытія изъ живой березы, причемъ стараются такъ вырѣзать бруски для тростей, чтобы не повредить ствола, такъ какъ засыханіе дерева послѣ вырѣзыванія бруска считается дурнымъ предзнаменованіемъ для будущаго шамана; береза для конной трости выбирается въ той рощѣ (аяха), въ которой хоронятъ шамановъ. Конная трость похожа на обыкновенную палку, только у ней на верху вырѣзана болѣе или менѣе искусно лошадиная голова, на нѣкоторомъ разстояніи отъ нижняго конца—родъ колѣна, а на самомъ концѣ—подобіе конскаго копыта; у черныхъ шамановъ, кажется, на тростяхъ головъ не вырѣзываютъ. Къ коннымъ тростямъ привязываютъ колокольчики, по 3 на каждую, или 4—5 на пра-

вую и 3—4 на лѣвую; между колокольчиками одинъ на каждой трости побольше; по присутствію этихъ большихъ колокольчиковъ конныя трости иногда называются хэсэ (бубенъ), въ томъ разсчетѣ, что такая трость замѣняетъ и бубенъ. Затѣмъ конныя трости украшаются полыми конусами (холбохо), *тесемками* четырехъ цветовъ (синяго, бѣлаго, желтаго и краснаго) и звѣринными шкурками (горностая, бѣлки, хорька). Для большаго сходства съ конемъ, къ тростямъ привѣшиваются маленькия стремена (въ 1 дюймъ вышиною).

Желѣзныя трости ничѣмъ по своей формѣ отъ описанныхъ деревянныхъ не отличаются, кромѣ положенія головы, которая у деревянной трости составляетъ верхнюю часть палки, а у желѣзной они отходятъ въ сторону подъ прямымъ угломъ (Рисунокъ желѣзной трости на таб. 3, фиг. 2).

Хэсэ-бубенъ. У кудинскихъ шамановъ хэсэ называется большой колокольчикъ, вытѣснившій изъ употребленія бубенъ ради большаго удобства; у ольхонскихъ шамановъ бубны не были встрѣчены мною за исключениемъ одного случая, когда бубенъ оказался у одного только что посвященнаго шамана, ничего незнавшаго и совершенно неопытнаго; онъ, повидимому, находился подъ руководствомъ пожилаго бурята, который и даваль за него объясненія; шаманъ этотъ принадлежалъ къ разряду *нэрье-утха*, т. е. онъ сдѣлался шаманомъ какъ-бы по волѣ боговъ или самаго неба, такъ какъ какой-то его родственникъ былъ убитъ громомъ; у него оказалось два бубна. Бубенъ имѣть размѣры и форму рѣшета, только вместо волосяной сѣтки была натянута кон-

ская кожа, скрѣпленная сзади ремешками; рисунковъ ни снаружи, ни снутри не было, но поверхность была чѣмъ-то забрызгана бѣлымъ*).

Столь-же постояннымъ спутникомъ кудинскаго и ольхонскаго шамана является музыкальный инструментъ *хур.*, употребляемый при ворожбѣ и призываніи духовъ. *Хур* дѣлается изъ четырехграннаго стальнаго бруска, перегнутаго пополамъ, причемъ колѣна къ концамъ нѣсколько болѣе сближены; между обоими колѣнами укрѣпляется желѣзнай тонкая пластинка, конецъ которой загнутъ крючкомъ подъ прямымъ угломъ къ плоскости инструмента (таб. 3, рис. 1). При употребленіи свободные концы инструмента съ кончикомъ желѣзной пластинки, называемой *язычкомъ* (хэлэн), кладутся въ ротъ и зажимаются неподвижно зубами; дергая, при открытомъ ртѣ, рукою за язычекъ, можно получить слабый дребезжащий звукъ. *Хур* носится на цѣпочкѣ у пояса въ особомъ футляре, отдѣланномъ серебромъ; цѣнность украшеній пояса и футляра зависятъ отъ богатства шамана. Инструментъ этотъ употребляется у иркутскихъ бурятъ (въ вост. части губерніи) только шаманами; изготавливаютъ *хур* также только кузнецы, ведущіе происхожденіе отъ небеснаго кузнеца; хорошо сдѣланній *хур* при гаданіи говоритъ всегда правду, почему и обращаютъ вниманіе на тщательность его приготовленія. Замѣчательно широкое географическое распространеніе описанного инструмента, такъ, напр.,

*.) Бубень и конныя трости имѣютъ одинаковое символическое значение: они представляютъ коня, на которомъ шаманъ носится по землѣ, поднимается на небо и спускается въ подземную темницу Эрлэн-Хана.

онъ встречается подъ именемъ *комуз'* у сойотовъ (См. Мартыновъ. Каталогъ Минусинскаго музея, стр. 100); у кумандинцевъ онъ называется *кобыс-тиюнуръ* (см. Ядринцевъ. Объ алтайцахъ и черневыхъ татарахъ. Изв. Геогр. Общ. 1881 г., вып. 4.).

Въ Туркестанскомъ краѣ подъ звуки инструмента подобнаго хуру и называемаго *чамъ* даже пляшутъ, хотя звуки хура весьма слабы (см. Антропологическая выставка 1879 г. Томъ III, ч. 2-я, описание предметовъ выставки, вып. 6—Отдѣлъ Этнографической, стр. 21). Не смотря на также широкое распространеніе, хур не употребляется у бурята балаганскихъ, онъ замѣняется у послѣднихъ другимъ инструментомъ струннымъ, подобнымъ скрипкѣ или балалайкѣ, хотя называемымъ также хур'омъ. Хуръ употребляется также якутами.

Ольхонскіе шаманы имѣли еще одну лишнюю принадлежность—это *шире*, что значитъ престоль, жертвенникъ, но въ данномъ случаѣ, такъ называютъ ящикъ до $1\frac{1}{2}$ арш. длиною и $\frac{1}{2}$ арш. высотою до крышки, имѣющей видъ двускатной домовой крыши; ящикъ имѣеть длинныя ножки до 1 арш. длиною; онъ обвѣшивается лентами, колокольчиками, звѣринными шкурками и кромѣ того на одной изъ длинныхъ стѣнокъ ящика нарисованы красной краской или вырѣзаны фигуры людей, животныхъ и разныхъ предметовъ; а именно: по краямъ изображены солнце (направо отъ зрителя) и луна, солнце имѣеть видъ колеса, а для отличія луны въ серединѣ помѣщена человѣческая фигура съ рукой, ухватившейся за дерево; средина доски отведена для 3 человѣческихъ фигуръ (одной женщины и 2

мужчинъ): хозяина хэсэ - Хынгер - нойон, — хозяина конной трости — Хорби-нойон и жена его — Дорбихатун; эти личности считаются зяянами, богами низшаго ранга, чѣмъ тэнгэрины; имъ брызгаютъ вино нѣсколько разъ въ годъ; рядомъ съ ними нарисованы 2 колчана (хадак), чехолъ для лука (хормого), лукъ и мечъ, а кроме того подъ каждой человѣческой фигурой по лошади, такой видъ имѣло ширэ шамана 2-го черноруцкаго рода Загалмейскаго улуса Баендая Башенхаева, достигшаго уже почтеннаго 60-ти лѣтняго возраста; портретъ этого шамана, стоящаго рядомъ съ шире, съ конными тростями и въ парадномъ костюмѣ прилагается къ настоящей статьѣ; ширэ его унаслѣдовано имъ отъ отца. Другой экземпляръ ширэ осмотрѣнъ въ улусѣ Ширэтуй — 3-го Черноруцкаго рода у шамана Бабай-Бабаева, только что посвященнаго въ шаманы, почему всѣ вещи у него были новенькия; рисунки на ширэ такія-же, какъ и вышеописанные, но не вырѣзаны, а нарисованы краской (таб. 3; фиг. 4 и 5). Говорятъ, что ширэ увеличивается въ вышину послѣ каждого новаго омовенія тѣла, возрастая на одинъ этажъ. Въ ширэ хранятся конныя трости, кнутъ, бубны, если существуютъ, шкурки животныхъ, деревянные корытца для мяса и другихъ жертвоприношеній; корытца, какъ и конныя трости, приготовляются наканунѣ посвященія, причемъ матерьяломъ для всѣхъ 9 корытцевъ служитъ одно цѣльное березовое дерево, изъ котораго и вырѣзаются ихъ съ различной высоты отъ комля, вслѣдствія чего корытцы не одинаковой ширины, а послѣднія, вырѣзываемыя все ближе къ вершинѣ, становятся все уже и уже.

Георги^{*)}) къ принадлежностямъ шамана при-
числяетъ лиственичный сучекъ, на которомъ остав-
ляется зеленая вѣточка и къ нему укрѣпляется въ
видѣ флага лоскутокъ материі; сучекъ замѣняетъ
собою конную трость шамана во время путешествія;
въ 1877 году въ аларской думѣ мнѣ пришлось видѣть
отнятую отъ шамана березку, обвязанную
лентами и шкурками; эта березка замѣняла листве-
ничную вѣтвь, и принадлежала шаману, явившемуся
для своего служенія въ улусы аларского вѣдомства,
официально признающаго буддизмъ, почему тамъ
шаманы и преслѣдуются ламами и думскими властями.

Ниль, архіепископъ ярославскій, въ числѣ ша-
манскихъ принадлежностей, въ своей книжѣ «Буд-
дизмъ», разсмотривъ въ отношеніи къ послѣдовате-
лемъ его, обитающимъ въ Сибири», называетъ (стр.
356, прим. 126) два предмета: «абагалдей и толи:
абагалдей есть чудовищная личина изъ кожи, дерева
или металла; ее расписываютъ и привѣшиваютъ къ
ней огромную бороду и тому подобные орнаменты;
толи—металлическое зеркало съ изображеніемъ 12
знаковъ додекады **); толи носятъ на шеѣ или на
груди, или ихъ нашиваютъ на шаманская плащъ***);
при моихъ поѣздкахъ мнѣ не удалось видѣть у ша-
мановъ толи, можно съ увѣренностью сказать, что
они у бурятъ составляютъ теперь большую рѣдкость
и встрѣчаются только на мѣстахъ, гдѣ были похо-
ронены прежніе шаманы.

*) Merkwürdigkeiten versch. uzbekan. Völker d. Russ. Reichs,
стр. 177, таб. II, рис. 7.

**) Знаки додекады: тигръ, заяцъ, драконъ, змѣя, конь,
овца, дикий человѣкъ, пѣтухъ, собака, свинья, мышь, корова.

***) Потанина. Очерки Сѣв.—Зап. Монголіи, т. II, стр. 82, 83,

Посвящение шамана.

Шаманомъ можетъ сдѣлаться всякий бурятъ. Обыкновенно-же шаманомъ дѣлается лицо, у которого между предками по отцовской или материнской сторонѣ кто-либо былъ уже шаманомъ; такие люди считаются шаманского рода, шаманского происхожденія. Такихъ между бурятами много. Но и всякий другой не лишенъ еще возможности быть шаманомъ. Бываютъ два вида шамановъ, которые таковыми дѣлаются случайно, а по убѣжденіямъ бурятъ, волею боговъ: это такъ называемые *нэръер-утхатай* и *будал-утхатай*. *Нэръер-утхта*—называется тотъ, у которого кто-либо изъ близкихъ былъ убитъ громомъ; убитый человѣкъ считается избраникомъ боговъ, признается шаманомъ и хоронится какъ настоящій шаманъ: его не сжигаютъ, а кладутъ на аранга. Потомокъ такого убитаго громомъ пріобрѣтаетъ чрезъ то шаманское происхожденіе и можетъ быть шаманомъ.

Черезъ посредство *бумалъ-шу.уновг*, упавшихъ съ неба камней, можно сдѣлаться шаманомъ; такъ разсказываютъ, что одинъ бурятъ выпилъ тарасунъ, въ которомъ обмывали *бумалъ-шулунъ*; въ тарасунѣ несомнѣнно таилась особая сила, отдѣлявшаяся въ видѣ синяго пламени. Выпившій этого тарасуна сдѣлался впослѣствіи шаманомъ; такие шаманы называются—*будал-утхатай*.

Въ этихъ случаяхъ шаманами дѣлаются часто уже пожилые люди; такъ какъ между ними бываютъ и люди малоспособные, съ слабой памятью, которыхъ не легко запоминать молитвы, обряды и

призывањія, то почти всегда изъ нихъ выходять плохіе, малоопытные шаманы; одного нэръэр-утха мнѣ пришлось видѣть въ улусѣ Ольхонскаго вѣдомства: онъ не зналъ даже именъ тѣхъ боговъ, которые были нарисованы на его собственномъ ширэ.

Къ такимъ шаманамъ приглашаются для ихъ обученія старики, знакомые съ обрядами; у видѣннаго мною шамана былъ такой учитель, о которомъ шла слава по всему вѣдомству, что онъ всякия молитвы и преданія знаетъ лучше шамановъ.

Но при обыкновенныхъ условіяхъ къ шаманскому званію избираются съ очень раннихъ лѣтъ; вѣроятно буряты утверждаютъ, что къ этому ихъ назначаютъ или ихъ покойные предки шаманы или даже сами боги. Покойные предки избираютъ изъ своей семьи мальчика и передаютъ ему свое знаніе. Такой избранникъ отличается внѣшними признаками: онъ часто бываетъ задумчивъ, уединяется, видитъ вѣщіе сны, иногда подвергается припадкамъ, во время которыхъ находится въ безчувственномъ состояніи; такъ продолжается до 20-ти лѣтняго возраста. Въ это время душа ребенка отсутствуетъ; она находится въ обученіи у западныхъ или восточныхъ тэнгріевъ, въ ихъ дворцахъ, подъ руководствомъ прежнихъ шамановъ; тамъ-то душа будущаго шамана узнаетъ имена боговъ, ихъ мѣстопребываніе, обряды для ихъ чествованія и имена подчиненныхъ духовъ этимъ великимъ богамъ. Душа готовящагося сдѣляться чернымъ шаманомъ обучается у Эрлэнъ-Хана въ *Албани-султан*. При окончаніи обученія душа подвергается испытанію и только по удовлетворительномъ окончаніи его получаетъ право воз-

вратиться къ тѣлу будущаго шамана (она получаетъ указъ и пшагу; одинъ балаганскій шаманъ говорилъ, что кромѣ испытанія, душа даетъ клятву сдѣлаться шаманомъ и цѣлуетъ какой-то черный камень(?)).

Съ годами у молодаго человѣка начинаетъ развиваться особое настроеніе, онъ часто приходитъ въ экстазъ, видитъ будто-бы духовъ, сны случаются чаще, чаще становятся обмороки. Тогда юноша отправляется странствовать по улусамъ, гдѣ совершаются разные обряды; участвуетъ въ нихъ, пытается шаманить, предсказываетъ будущее; объявляеть, что былъ въ странѣ мертвыхъ, что ему приказано сдѣлаться шаманомъ; онъ призываетъ какъ небесныхъ занновъ, (тэнгэрин-онгон), такъ и своихъ предковъ.

Затѣмъ молодой человѣкъ удаляется въ лѣсъ, на гору, и тамъ начинаетъ у разведенного костра шаманить, призывать боговъ громкимъ неестественнымъ голосомъ и нерѣдко падаетъ въ обморокъ; когда онъ находится въ этомъ состояніи, то кто-нибудь его сопровождаетъ издали, чтобы не причинилъ себѣ вреда.

Такое уединеніе отчасти полезно, потому что неофитъ здѣсь упражняется въ тѣлодвиженіяхъ, интонаціи голоса, мимикѣ лица, чтобы начать свою будущую карьеру вполнѣ подготовленнымъ, искуснымъ, ловкимъ и находчивымъ; такой-же подготовкой служать и посвѣщенія обрядовъ, но тамъ онъ больше зрителъ, чѣмъ действующее лицо, а въ уединеніи онъ упражняетъ свои силы, чтобы во всеоружіи явиться передъ вѣрющими бурятами. Пока

упражняется неофитъ, родители или родственники приглашаютъ искуснаго шамана, призываютъ боговъ, приносятъ жертвы, чтобы боги помогли ихъ родственнику счастливо пройти искусъ и сдѣлаться шаманомъ; если родители или родственники бѣдны, то помогаетъ цѣлое общество въ пріобрѣтеніи животныхъ и другихъ предметовъ для исполненія необходимыхъ обрядовъ. Подготовительный періодъ продолжается нѣсколько лѣтъ, года три, четыре, смотря по развитію и способностямъ молодаго человѣка.

Говорятъ, что шаманами иные дѣлались прежде лѣтъ съ 10, но нынѣ рѣдко раньше 20, но бываютъ и 50-ти лѣтніе старики молодыми шаманами. Прежде готовящійся въ шаманы (дулашный, отъ дулаху-пѣть) не исполняль никакихъ обрядовъ, не шаманиль, не будучи посвященъ, но нынѣ это не строго соблюдается.

Подготавляющійся обязанъ строго блюсти себя, не прикасаться къ нечистымъ людямъ, нечистымъ животнымъ (свинья), нечистымъ предметамъ. Въ противномъ случаѣ провинившійся строго наказывается; онъ сильно заболѣваетъ и помираетъ, если не будетъ спасенъ заступничествомъ другаго шамана.

Смотря потому, какимъ богамъ служить шаманъ, добрымъ или злымъ, шаманы дѣлятся на два класса: бѣлыхъ и черныхъ шамановъ.

Бѣлый шаманъ—сагани-бѣ, служацій добрымъ богамъ (Западнымъ тэнгріямъ, западнымъ хатамъ, сатинскимъ богамъ), никогда недѣлающимъ людямъ зла, самъ является добрымъ хадатаемъ за людей и совершає обряды и призыванія только покрови-

тельствующимъ людямъ божествамъ, дающимъ добро и счастье людямъ, а потому такие шаманы уважаются народомъ. Въ Балаганскомъ вѣдомствѣ во 2-мъ Олзоевомъ родѣ былъ знаменитый бѣлый шаманъ *Барлакъ* (Хогнуевъ); онъ носилъ бѣлую шелковую одежду и имѣлъ бѣлаго коня; на мѣстѣ его сожжения и теперь еще сохранились желѣзныя вещи на деревьяхъ горы «*Cур*» и родные шамана, его потомки, и теперь еще приносятъ ему жертвы.

Въ Кудинскомъ вѣдомствѣ былъ свой бѣлый шаманъ, столь же извѣстный, какъ и Барлакъ; его звали Маланакъ Хабалзаевъ изъ 2-го Бабаева рода (Худан-Голи-эхэ саган-бѣ Хабалзан-хобун Маланак.), онъ сожженъ на горѣ Мухур-Булак. 2. Боб. р.

Черный шаманъ—Харайн-бѣ, какъ служитель злыхъ духовъ, причиняетъ людямъ только зло, болѣзнь и смерть; некоторые изъ нихъ, увѣряютъ буряты и, конечно, сами шаманы, могутъ убивать людей, съѣдая ихъ души или отдавая ихъ злымъ духамъ; но главная сила въ тѣхъ богахъ, которые имъ покровительствуютъ; когда шаманъ захочетъ такъ убить человѣка, то онъ приготовляетъ трость, одну половину которой чернить углемъ, лѣвую половину своего лица также чернить углемъ, котель въ юртѣ поворачиваетъ вверхъ дномъ, и когда наступить ночь, то призываетъ злыхъ боговъ, наносящихъ вредъ тому лицу, которое называетъ шаманъ; черные же шаманы дѣлаютъ зла.

Жертвы приносятся черными шаманами только злымъ богамъ: въ восточномъ тэнгріямъ, въ восточномъ хатамъ, хозяину о. Ольхона, Эрлэн-хану, хозяину чернаго коня.

Изъ числа черныхъ шамановъ известны Обосойские и Тарсойские шаманы (Идинского вѣдомства).

Но у кудинскихъ бурягъ, кромѣ белыхъ и черныхъ шамановъ, существуютъ также шаманы, которые служатъ и добру и злу, западнымъ и восточнымъ тэнгріямъ и подчиненнымъ имъ богамъ.

Всякій приготовляющійся къ шаманской профессіи обязанъ подвергнуться обряду посвященія или тѣломытія; посвященій бываетъ у кудинскихъ бурягъ три, у балаганскихъ шесть.

Но иногда посвященій не дѣлается изъ опасенія смерти, такъ какъ къ посвященному шаману боги, которымъ онъ служить, гораздо требовательнѣе и наказываютъ смертью за каждую важную ошибку; поэтому черные шаманы обосойские и тарсойские и нѣкоторые балаганские не подвергаются обряду посвященія.

Посвященіе шамана въ тѣхъ мѣстностяхъ, где оно обязательно, просвѣтляетъ разумъ шамана, открываетъ ему тайны загробной жизни и жизни духовъ; онъ приобрѣтаетъ познаніе боговъ, ихъ мѣсто-пребываніе, подчиненныхъ ихъ, черезъ кого и какъ къ нимъ должно обращаться.

Обряду первого посвященія предшествуетъ такъ называемое *водяное очищеніе*; для того выбираются опытного шамана, который служитъ руководителемъ при выполненіи обряда и называется поэтому *отцомъ шаманомъ*; выбираются также 9 молодыхъ людей, помощниковъ шамана, называемыхъ *сыновьями шамана*.

Вода для омовенія должна быть ключевая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее берутъ изъ трехъ ключей; за водой отправляются утромъ въ день обряда; съ собою берутъ тарасунъ, который приносятъ въ жертву хозяину ключа *Баракши-Ноёну*, женѣ его *Хэрмэши - Хатунь*; богу достаются, разумѣется, капли, а весь запасъ выпиваютъ пріѣхавшіе за водою; хозяина ключа называютъ иногда иначе, а потому предполагаю, что такихъ эжиновъ, хозяевъ, много; если, не столько, сколько известныхъ ключей, то покрайней мѣрѣ по одному для нѣсколькихъ ключей или по одному для каждого улуса или рода.

Послѣ жертвы тарасуномъ, когда весь тарасунъ выльютъ, наполняютъ взятые изъ дома сосуды водою и возвращаются въ улусъ; по дорогѣ въ лѣсу вырываютъ съ корнями молодые березовые вышедшіе изъ сѣмянъ (*хухурхун*) побѣги, связываютъ въ вѣники и отвозятъ въ юрту посвящаемаго.

Привезенную воду нагреваютъ въ котлы на очагѣ, для ускоренія нагреванія бросаютъ въ котель накаленные камни. Въ воду бросаютъ вересь, богородскую траву и пихтовую кору для очищенія. Заранѣе приготавляютъ козла. У козла срѣзываютъ не много шерсти съ ушей, по кусочку отъ копыта съ каждой ноги и отъ роговъ; все бросаютъ въ воду. Затѣмъ козла колютъ, ударяя ножемъ въ сердце; капли крови стекаютъ въ котель и вода дѣлается пригодною для обряда. Козла отдаютъ женщинамъ, которые его варятъ и ёдятъ.

Отецъ-шаманъ сначала гадаетъ на лопаткѣ барана, потомъ призываетъ боговъ покровителей вновь

посвящаемаго шамана, т. е. его предковъ шамановъ, и жертвуетъ вино и тарасунъ; потомъ связки березовыхъ побѣговъ (хухурхун) погружаетъ въ освященную воду и бьетъ по обнаженной спинѣ посвященнаго, тоже дѣлаютъ и 9 сыновей шамана; при этомъ приговариваются:

«Когда бѣдный человѣкъ будетъ звать тебя, то иди къ нему пѣшкомъ, не требуй отъ него много за труды, и берите, что дадутъ».

«Всегда долженъ заботиться о бѣдныхъ, помогать имъ и умаливать боговъ о заступничествѣ отъ злыхъ духовъ и ихъ власти».

«Если позоветъ тебя богатый человѣкъ, то пойзжай къ нему на быкъ, и не требуй много за трудъ».

«Если позовутъ вмѣстѣ богатый и бѣдный, то иди сперва къ бѣдному, а потомъ къ богатому».

Посвящаемый обязывается исполнять предписание. Затѣмъ посвящаемый повторяетъ за шаманомъ слова молитвы. По окончаніи омовенія опять брызгаются тарасунъ богамъ покровителямъ, и обрядъ заканчивается.

Болѣе обыкновенно, должно быть, обрядъ водяного посвященія совершается безъ крови козла, такъ какъ кровяное посвященіе и составляетъ главную сущность первого посвященія, описание котораго ниже слѣдуетъ.

По бурятской обрядности для освященія воды достаточно однихъ священныхъ травъ, безъ крови.

Вмѣсто березовыхъ побѣговъ употребляютъ пучки соломы.

Обрядъ водяного очищениѧ совершается каждымъ шаманомъ ежегодно или даже ежемѣсячно въ новолуніе; кромѣ того онъ совершается всякий разъ, какъ шаманъ чувствуетъ себя оскверненнымъ чѣмъ либо, напр. прикосновенiemъ къ нечистымъ предметамъ; водяное очищениe замѣняется очищениемъ кровянымъ, если оскверненіе очень важно; а также по случаю смерти чьей-либо въ улусѣ, гдѣ живеть шаманъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ обрядъ совершается на четвертый день, первые три дня шаманъ проводитъ въ покой.

Нѣсколько времени спустя послѣ описанного обряда очищениѧ совершается *первое посвященіе, хэрээ-хулхэ*; посвящаемому выгодно, чтобы скорѣе наступилъ моментъ, когда онъ воспользуется всѣми или большей частью правъ шамана; число посвященій различно, отъ трехъ до 9, но только богатыя общества дѣлаютъ своему шаману второе и третіе посвященія, чаще же обходятся однимъ; обыкновенно участіе общества, въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ его, очень значительно; почти все нужное для обряда: животныя, вино, тарасунъ, деньги, въ большей части получается изъ сборовъ отъ частныхъ лицъ, повидимому, въ видѣ добровольныхъ жертвъ въ такомъ размѣрѣ, какой желателенъ каждому жертвователю; бываетъ-ли складчина, устраиваемая заранѣе, неизвѣстно, вѣроятнѣе первый способъ; я лично видѣлъ, какъ пріѣзжие давали деньги самому посвящаемому въ самый день обряда, и деньги эти передавались будущимъ шаманомъ своей женѣ; такимъ образомъ было собрано болѣе 20 рублей, но шаманъ не пользовался уваженіемъ. Размѣръ по-

жертвованій находится въ прямой зависимости отъ степени опытности, а слѣдовательно и отъ извѣстности шамана.

Не задолго до срока выбираютъ отца шамана и 9 сыновей, которые требуются обрядомъ въ воспоминаніи 9 сыновей неба (тэнгэрин 9 хобун) или 9 сыновей западнаго хата (хахи 9 хобуд); тѣ же 9 сыновей выбираютъ при совершенніи *хурая* небу въ случаѣ пораженія громомъ кого-либо. Роль сыновей — помогать при обрядѣ; такъ какъ при многочисленности собравшагося народа и большомъ числѣ жертвенныхъ животныхъ помочь этихъ 9 лицъ весьма полезна, то это обыкновеніе и удержалось.

Посвящаемый въ сопровожденіи шамана и 9 сыновей (послѣдніе у балаганскихъ бурятъ имѣютъ въ рукахъ березовыя вѣтви съ звѣриными шкурами), или только 9 сыновей или даже съ однимъ изъ стариковъ своего улуса, верхами, отправляется по знакомымъ для сбора пожертвованій; передъ каждой юртой пріѣзжіе кричатъ призыванія, ихъ угощаютъ молокомъ или курунгой, а жертвуемые платки и ленты привѣшиваются къ березѣ въ рукахъ молодаго шамана; даютъ также деньги.

Нужныя для обряда вещи отбираются, а остальное идетъ въ пользу шамана или раздаривается участникамъ въ торжествѣ.

Посылаютъ также купить 9 деревянныхъ чашекъ, колокольчики къ коннымъ тростямъ и другимъ предметамъ, шелкъ, вино и проч.

Наканунѣ торжества посылаютъ въ лѣсъ срубить нужное количество толстыхъ березъ; а рубятъ

молодые люди подъ руководствомъ старика; тутъ-же выбираютъ прямую и здоровую березу и изнутри ствола вырѣзаютъ осторожно два бруска для приготовленія конныхъ тростей (морин-хоръбъ).

Срубаютъ еще одну сосну, ее называютъ сэриэ, для столба, къ которому будутъ привязывать коней покровители шамана, его умершіе родственники шаманы; также называются (сэриэ) тѣ березы, на которыхъ будетъ взлѣзать шаманъ.

Березы и сосну всегда рубятъ въ погребальной рощѣ своего улуса, называемой «Аха», («Аяха»), по-русски шаманкой, такъ какъ она служить мѣстомъ сожженія шамановъ и погребенія другихъ лицъ. Въ Кудинскомъ вѣдомствѣ, въ шаманкѣ Булусинского улуса, мы нашли много могилъ, кромѣ слѣдовъ сожженія и погребенія шамановъ.

Какъ добываніе воды изъ ключей для очищенія сопровождается молитвой и брызганьемъ вина эжину ключа, такъ и добываніе березъ не обходится безъ жертвы: съ собой привозятъ 9 котловъ тарасуна и одного барана, то и другое предназначая въ жертву ежину рощи, существующему у каждой Аяха; мясо и вино въ полномъ количествѣ истребляется приносителями, по обыкновенію, и богу оставляютъ молитву и кое-какія крошки.

Потомъ привозятъ ключевую воду, хухурхунъ и 9 камней, поступая такъ, какъ вышеописано при обрядѣ очищенія.

Въ это-же время приготавлиаютъ конныя трости, хуръ, ширэ, плеть, 9 корытцевъ разной величины, у балаганскихъ бурятъ отецъ шаманъ, 9 сыновей

и посвящаемый держутъ 9 дневный постъ, употребляютъ только муку, вареную въ водѣ, вино и чай; весь 9 дней живутъ въ особомъ шалашѣ, вокругъ котораго 3 раза обтянуты «зэли»—веревки изъ волоса, на которыхъ привѣшены маленькия деревянныя колотушки и холбогол, въ родѣ ложки изъ дерева; также звѣриныя шкуры и цвѣтныя нитки.

Наканунѣ отецъ шаманъ и другіе пріѣзжіе шаманы шаманятъ и призываютъ боговъ, покровителей. Утромъ въ день самаго обряда устанавливаютъ въ надлежащихъ мѣстахъ сосну и привезенныя березы, смотря по ихъ назначению.

Прежде всего устанавливаютъ въ юртѣ большую толстую березу съ корнями такимъ образомъ, что корни зарываютъ въ правомъ, юго-западномъ углу, на томъ пространствѣ, гдѣ вокругъ очага остается земляной полъ, а верхушку просовываютъ наружу черезъ дымовое отверстіе *örxö*—этота береза символически изображаетъ бога двери (*Үдэши-бурхан*), открывающаго шаману доступъ на небо и къ разнымъ богамъ; береза оставляется и послѣ совершенія обряда посвященія, не рубится; по этой березѣ легко узнать въ улусѣ юрту шамана. Иногда, почему-то, нѣкоторые шаманы не имѣютъ этой березы. При посвященіи остальные привезенныя березы разставляются передъ юртой въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ совершаться обрядъ; разставляютъ въ такомъ порядкѣ, начиная съ востока:

2) *Turiэ*—береза, за которой въ потомъ на войлокѣ раскладываютъ тарасунъ, таракъ, жидо и пр.

къ ней привязываютъ цветные тесемки: красныя и желтыя—у черного шамана, бѣлыя и синія—у бѣлого шамана, и всѣхъ четырехъ цветовъ, если шаманъ вмѣстѣ и черный и бѣлый.

3) *Азарга-сэргэ*—береза вырываемая съ корнями, къ ней привязываютъ большой колокольчикъ (хэсэ?) и жертвеннаго коня.

(Азарга—жеребецъ, сэргэ—столбъ).

4) *Эхэ-шара-модон*—береза съ корнями, достаточно толстая, чтобы выдержать человѣка, такъ какъ на нее влѣзаетъ шаманъ во время обряда.

Три березы, выкапываемыя съ корнями (впрочемъ въ иныхъ улусахъ ихъ просто срубаютъ)—*Удэши-бурхан*, *Азарга-сэргэ* и *Эхэ-шара-модон*—называются общимъ именемъ сэргэ—столбы, также какъ и сосна, изъ которой приготавляютъ столбъ—*сэргэ*, къ которому шаманъ будетъ привязывать коня.

5) *Хурай-бургахан* (сухія березы!!!)—березы, числомъ 9, врытые группами по три, ихъ обвязываютъ бѣлой волосянной (изъ конскаго волоса) бичевкой (*шундала*) и къ той уже прикрепляютъ ленты, бѣлую, синюю, красную и желтую, потомъ опять бѣлую, синюю и т. д.; волосянная веревка съ лентами нѣсколько разъ обводится вокругъ хурай-бургахан; на нихъ же навѣшиваютъ 9 звѣриныхъ шкурокъ и дакта (по-русски сколотень, т. е. туясы изъ бересты), въ него накладываютъ таракъ.

6) *Адухани-сэргэ* (столбы для животныхъ)—ихъ 9 и къ нимъ привязываютъ или держать только подлѣ нихъ 9 жертвенныхъ барановъ. Вместо 9 барановъ бываетъ, справа начиная, баранъ, кобыла, 6

барановъ, козелъ, баранъ; послѣдняго барана закалываютъ въ честь *Нагурдай*.

7) Тутъ-же приготовлены и въ порядкѣ разложены толстыя березы, къ которымъ потомъ привязутъ въ соломѣ кости жертвенныхъ животныхъ.

Это такъ называемыя—*Гур-баргахан*; ихъ потомъ устанавливаютъ въ промежуткѣ между *адухани-сэриэ*; на посвященіи въ Курумчинскомъ улусѣ Кудинскаго вѣдомства, которое я видѣлъ, эти березы были, но въ тѣхъ случаяхъ, когда кости сжигаютъ на 9 жертвенныхъ или кострахъ, гур-бургахан являются уже лишними.

Отъ Удэши-бурханъ—березы, установленной въ юртѣ, протягиваютъ тесьмы красную и синюю къ Азарга-сэргэ, потомъ къ Эхе-шара-модонъ и такъ до послѣдней березы—это *дугу*—мостики, изображающій символически путь шамана къ тэнгріямъ. Двунадцатныя ленты дугу отсутствуютъ, если отъ юрты шамана къ *туріэ* проложена дорожка изъ кусковъ дерна; значеніе дорожки такое-же символическое. Сзади, т. е. на сѣверѣ отъ ряда березъ—противъ хурай и адухани-сэргэ—разставляютъ 9 большихъ котловъ, по числу жертвенныхъ животныхъ, для варенія мяса; ихъ наполняютъ водою и припасаютъ дрова.

Посвящаемый шаманъ и участники обряда—принаряжаются, надѣваютъ новыя рубашки, если такія можетъ подарить посвящаемый отцу—шаману, сыновьямъ, тому, кто дѣлалъ коннага трости, кто будетъ держать хэсэ,—и хуръ. Дѣти шамана привзываютъ къ воротамъ рубахъ синія ленты; а посвящаемый заплетаетъ на затылкѣ косу и привязываетъ цвѣтныя тесемки.

Прежде посвященія шамана совершаютъ освященіе его орудій—конныхъ тростей, хэсэ, хура и пр. Освященіе конныхъ тростей называется *амилха*—дать жизнь, превратить ихъ въ живыхъ коней, которые будутъ служить шаману средствомъ сообщенія съ духовнымъ невидимымъ міромъ. При освященіи конныхъ тростей колятъ барана и брызгаютъ тарасунъ хозяину конной трости—*Хөрьбоши-Ноён*, женъ его *Дорьбоши-хатун*; нижніе концы трости смазываютъ иногда кровью барана; также освящаютъ хэсэ, призываю хозяина хэсэ—*Хэніэр-Саган-Ноён*, и хуръ, призываю хозяина хура—*Хуриши-Ноён* и то западное небо, которое считается создателемъ кузнечного ремесла, одному изъ 55 западныхъ тэнгріевъ, создавшему 99 кузнецовъ (баруни 55 тэнгэрин 99 дархад), западныхъ бѣлыхъ кузнецовъ; потомъ ставятъ на очагъ котель съ молокомъ для добыванія тарасуна, положивъ *хур* въ кувшинъ, въ которомъ сгущается перегоняемый тарасунъ (кувшинъ называется танха), падающій на лежащій въ кувшинѣ *хур*; нужно, чтобы тарасунъ капалъ прямо на язычекъ хура, только при этомъ условіи инструментъ будетъ безошибочно предсказывать и всегда будетъ услышанъ богами.

Всльдъ за симъ приготовляютъ 9 жидо—т. е. березовыхъ палочекъ, въ верхній надколотый конецъ которыхъ втыкаютъ по кусочку пихтовой коры, нижний конецъ заостряютъ, по срединѣ, подлѣ оставленной вѣточки съ листьями, привязываютъ тесемку, шелковую или нитянную; ее называютъ хол (нога).

Посуда, нужная для обряда, обмывается въ освященной водѣ (вода съ богословской травой) и за-

тѣмъ освящается; при обрядѣ употребляется 9 дахта, 9 корытцовъ изъ одной березы, 9 чашекъ; ихъ ставятъ на чистый войлокъ нальво отъ входа и очага; кроме посуды на немъ лежать и 9 звѣриныхъ шкуръ, которыя развѣсятся послѣ на хурай-бургахан.

Съ утра въ юртѣ собравшіеся шаманы все время шаманятъ, призывая боговъ и брызгая тарасунъ, большая часть котораго выпивается присутствующими. Первому брызгаютъ хозяину хорька Эргил-буга-ноин-Тонхой, который первый сдѣлалъ обрядъ своего посвященія и посвящалъ другихъ шамановъ; во время призыва, шаманъ упоминаетъ: «ты 90 шамановъ сдѣлалъ шаманами, 90 шаманокъ сдѣлалъ шаманками, 90 хэсэ (бубновъ) держалъ за *тайборъ*, надѣль на себя 90 оргоеvъ». Потомъ льютъ вино въ честь западнаго хата и 9 сыновей его; послѣднимъ шаманъ говоритъ: «Вы спустились на землю и сдѣлались царями 9 странъ и покровителями бурятъ, имѣете серебряные пояса и сабли изъ чистаго серебра»; остальнымъ божествамъ жертвуютъ вино въ такомъ порядкѣ: предкамъ шамана, мѣстнымъ богамъ, покровительствующимъ новому шаману, далѣе—всѣмъ извѣстнымъ умершимъ шаманамъ своего и другихъ вѣдомствъ, каждому отдельно; большимъ богамъ—*Наланта-бурхад*, и другимъ могущественнымъ богамъ; чтобы дѣлошло скорѣе, нѣсколько шамановъ раздѣляютъ между союзомъ трудъ и брызгаютъ одновременно разныемъ богамъ.

За обрядомъ возліянія вина старикъ—шаманъ призываетъ боговъ покровителей, а молодой повторяетъ за нимъ слова молитвы. Иногда посвящаемый

держитъ шиагу, которую онъ получаетъ отъ неба вмѣстѣ съ указомъ объ утвержденіи шаманомъ. Въ это-же время посвящаемый иногда вылѣзаетъ изъ юрты по березѣ—Удэши-бурхан и на самомъ верху, уже на крышѣ юрты, громко призываетъ заяновъ.

Теперь приближается время выходить на улицу: войлокъ четыре сына шамана поднимаютъ за углы, вещи снимаются, при этомъ поютъ: хэжи байхан хэрэк мана хэбэрэ бötöхö, Хэлгэн саган Заян мана элгэдэ тэхэрхэ, и кричатъ протяжно: хö—у—а.; зажигаютъ 9 жидо, 1 даютъ отцу шаману, а 8 молодому (атхар-дурэн жидо, аар дурэн зала); у дверей юрты на улицѣ раскладываютъ огонь и бросаютъ въ него богословскую траву, чтобы при выходѣ изъ юрты очистить все предметы, перенося черезъ огонь.

Во время пребыванія въ юртѣ все люди и предметы также очищались: въ жаровню или ковшикъ клали горящіе угли и сыпали богословскую траву; этимъ куренiemъ три раза окуривали надъ головами всѣхъ присутствующихъ, съ крикомъ: *шик*, *шик*, *шик*, *ширык*....

При выходѣ на улицу соблюдается такой порядокъ: впереди идетъ отецъ-шаманъ, за нимъ молодой шаманъ и 9 сыновей, потомъ родня и гости; все идутъ по описаннымъ уже кочкамъ къ тому мѣсту, где разставлены березы. Нѣсколько сзади березъ Азарга-сэргэ, къ С., втыкаютъ въ землю «тургэ» т. е. березовую вѣтвь съ листьями, позади кладутъ войлокъ и на немъ посуду для мяса, сосуды съ таракомъ и тарасуномъ; а шкурки, шундалга и

дахта развѣшиваютъ по березамъ, какъ описано; участвующіе—шаманы и 9 сыновей разсаживаются полукругомъ около тургэ, а остальные около своихъ котловъ. Къ востоку, за послѣдней березой раскладываются костеръ и на немъ подогрѣваютъ ключевую воду, въ которую бросаютъ накаленные камни и богословскую траву. Приводятъ козленка, отъ рогъ и копытъ отрѣзываютъ по кусочку и вмѣстѣ съ пучкомъ шерсти отъ ушей и тѣла бросаютъ въ ту же воду. Козленка ударяютъ затѣмъ ножемъ въ сердце и капающей кровью посвящаемый, сидящій безъ рубашки, быстро смазываетъ голову, глаза и уши, въ то время какой-либо шаманъ играетъ на хурѣ, а 9 сыновей обмачиваютъ хахурхан въ горячую ключевую воду и бьютъ посвящаемаго по голой спинѣ, громко шаманять и задаютъ тѣ-же вопросы, какъ при очистительномъ омовеніи. Вода, употреблявшаяся для обряда, выливается на крышу юрты, а не на землю, козленка-же отдаютъ женщинамъ.

Этимъ обрядомъ освященія кровью и кончается собственно существенная часть посвященія, далѣе все исполняется почти такъ какъ при тайлаганахъ: совершаютъ обрядъ *сасали барыха*, т. е. три раза жертвуютъ богамъ вино, таракъ, чай и потомъ бросаютъ чашки: если чашка упадетъ дномъ внизъ, то это предвѣщаетъ добро шаману. При подниманіи съ земли чашекъ, 9 сыновей вырываютъ пучки травы и втыкаютъ себѣ за поясъ.

Наконецъ колятъ 9 жертвенныхъ животныхъ, какъ всегда, и кромѣ того много другихъ животныхъ, иногда до 60, смотря по числу собравшагося

народа и привезенныхъ барановъ; лѣтомъ 1881 года было посвященіе одного капсальского шамана, при которомъ закололи именно около 60 барановъ и нѣсколько кобылъ, какъ мнѣ разсказывали въ Кудинской думѣ. Передъ закланіемъ каждому животному даются попробовать курунги или тарасуну.

Тѣмъ временемъ шаманы шаманять: вновь посвященный шаманъ также имѣеть право призывать боговъ и шаманить, какъ настоящій шаманъ; шаманить онъ, имѣя въ рукахъ коннага трости или его держать на войлокѣ, потомъ онъ бѣжитъ къ Эхэшара-модонъ, и, залѣзши на самый верхъ, призываетъ боговъ: сперва холонгонъ-эжина (хозяина хорька (Эргилъ - буга - ноин - Тонхая), потомъ своихъ умершихъ родственниковъ шамановъ; сверху шаманъ иногда велитъ брызгать тарасунъ кому нибудь и это исполняется собравшимися шаманами; пока шаманъ находится на деревѣ, сыновья внизу держатъ войлокъ, чтобы, въ случаѣ паденія, шаманъ не ушибся, слѣзаетъ съ березы шаманъ внизъ головой, если онъ молодъ, или просто.

У балаганскихъ бурятъ шамана сперва носятъ на войлокѣ вокругъ березъ по солнцу 9 разъ, послѣ чего шаманъ залѣзаетъ на первую березу справа, потомъ на 8 остальныхъ березъ, на каждой дѣлая 9 круговъ, подымаясь все выше и выше; на самомъ верху онъ шаманитъ вмѣстѣ съ отцемъ шаманомъ, стоящимъ внизу и также дѣлающимъ круги около березъ; все это время 9 сыновей держатъ войлокъ.

За молодымъ шаманомъ забираются на дерево другіе шаманы и даже готовящіеся къ шаманству.

Когда мясо животных сварилось, а каждое животное варится въ отдельномъ котлѣ, послѣ того, какъ съ него снимутъ шкуру; то мягкое мясо отдѣляютъ и кладутъ въ корытца для каждого животнаго отдельно и отнесутъ на тургэ; это мясо называется *даланга*; мясо, остающееся на костяхъ, также тщательно срѣзываются и собирается, его называютъ *шуладхан*; и оно кладется на тургэ. Очищенныя кости отъ каждого изъ 9 животныхъ отдельно собираются, обертываются въ солому и привязываются къ 9 березамъ—*гур-бургахан*, послѣ чего эти березы уже втыкаются въ землю, такъ какъ до этого они лежали подъ вырытыхъ для нихъ ямъ; березы съ костями, гур-бургахан, чередуются съ тѣми, у которыхъ стояли жертвенные животныя.

Теперь шаманъ и 9 сыновей кладутъ въ суповую ложку мясо, зачерпываютъ бульона и отходята къ очагамъ, гдѣ варились мясо; здѣсь, послѣ краткой молитвы къ хозяину огня, котораго называютъ *сыномъ неба Тэли*, мясо и бульонъ выбрасываютъ на огонь въ жертву Сагадай-Ноёну.

Затѣмъ шаманъ, 9 сыновей и прочіе шаманы становятся въ рядъ, имѣя въ рукахъ чашки съ бульономъ, а въ другой по кусочку мяса, и умоляютъ боговъ принять жертву отъ новаго шамана; мясо и бульонъ или подбрасываютъ вверхъ или выливаютъ и бросаютъ въ огонь; послѣ этого шаманъ попробуетъ немного мясо отъ всѣхъ животныхъ и тѣмъ разрѣшаетъ приступить къ пищѣ; съѣдаются только мясо отъ костей—*шуладхан*. Мягкое мясо, даланга, раздѣляютъ по семьямъ и послѣ молитвы съѣдаются;

тарасунъ пьютъ постоянно. Этимъ обрядъ оканчивается; шаманъ и 9 сыновей уходятъ въ юрту, а собравшійся народъ предается играмъ. Вечернія игры, вечерки, имѣютъ религіозный характеръ, на нихъ призываются разные онгоны молодымъ шаманомъ или другимъ болѣе опытнымъ шаманомъ. Вечерки дѣлаются три вечера подрядъ и продолжаются до утра. На слѣдующее утро дѣлаются жертвоприношеніе бараномъ *Дѣбѣдою*, небесному божеству, исполняющему обязанность кучера у Эсэгэ-Малан-Тэнгэри. Шкуру животнаго снимаютъ и вѣшаютъ на березу *зухэли* позади тургэ; въ ноздри втыкаются березовыя вѣточки, а на головѣ укрѣпляютъ жидо; справа отъ зухэли устанавливается березка, обвязанная лентами. Кости барана, по снятіи мяса, сжигаются на кострѣ, назыв. ширэ или мухур-шире (у балаганскихъ). По совершеніи жертвоприношенія шаманъ призываетъ зайна, заянь является и устами шамана объявляетъ объ этомъ, разсказываетъ свое происхожденіе и уходитъ, послѣ чего Ѣдятъ мясо; кусочки мяса бросаются въ огонь.

Втораго барана колятъ въ честь 9 сыновей *Буха-Ноина—Западнаго Хата*: 1) хозяину усть(?) Ангары Буга-Саган-Ноену, 2) хозяину Мёхона (въ Тункѣ) Монгото-Зарину и др.

Въ тотъ-же день, или нѣсколько времени спустя, посвящаютъ 2-хъ или 3-хъ лѣтнаго сиваго бычка (пороза) *Западному Хату* (Буха-Ноину); сначала брызгаютъ тарасунъ Западному Хату, затѣмъ обмываютъ освященою водою бычка, украшаютъ его лентами, на шею привязываютъ маленькое ярмо,

льютъ на него немного тарасуну и послѣ краткой молитвы отпускаютъ на волю, а шаманы брызгаютъ тарасунъ разнымъ богамъ, упрашивая ихъ покровительствовать избранному ими новому шаману. Черезъ три дня отца шамана съ почетомъ отправляютъ домой, вознаградивъ его, смотря по состоянію молодаго шамана: новой рубахой, шубой, конемъ, баранами или деньгами; шамана сопровождаетъ вновь посвященный или другія лица и по пріѣздѣ въ улусъ отца шамана угощаются стариковъ тарасуномъ, жертвеннымъ мясомъ и раздаютъ подарки (ленты).

На 9-й день снимаются съ березъ ленты, звѣринья шкурки, колокольчики и укладываются все въ ящикъ шамана —его *шире*.

Число описанныхъ посвященій бываетъ различное отъ 1 до 9. 9 посвященій дѣлается у кудинскихъ бурятъ очень рѣдко нынѣ, чаще бываетъ три или два и обыкновенно одно. Если посвященій три, то при первомъ въ жертву приносится 9 животныхъ, а шаманъ получаетъ конньяя трости, хуръ, хэсэ; при второмъ—животныхъ 18, а шаману привязываются новые 9 колокольчиковъ къ коннымъ тросамъ, 5 на правую, 4 на лѣвую; при третьемъ посвященіи—животныхъ 27 и привязываются еще 9 колокольчиковъ, такъ что послѣ третьяго посвященія должно быть всего 27 колокольчиковъ на обѣихъ тростяхъ; вмѣсто 9 колокольчиковъ привязываются по 3 или даже по 1 на каждую трость. Въ случаѣ 9 посвященій—на 1-мъ, 4 и 7-мъ посвященіи колется по 9 животныхъ, на 2, 5 и 8-мъ по 18 и на 3, 6 и 9 посвященіи по 27; а на всѣхъ 9 не менѣе

162 головъ; послѣ каждого посвященія къ каждой конной трости привѣшиваются по одному колокольчику. У балаганскихъ бурятъ число посвященій обыкновенно 6, но прежде дѣлали и 9. Къ числу 9 посвященій относится и очистительное омовеніе, распадающееся на три обряда: 1) водяное посвященіе — *ухан-убала*; 2) сухое хурай-убалга и 3) третье сопровождается принесеніемъ въ жертву животныхъ. Четвертое посвященіе — *кровавое* — *шухан-убала*; это посвященіе разрѣшаетъ шаману употребленіе деревянныхъ *морин-хорльбо*, конныхъ тростей. У кудинскихъ бурятъ первыя четыре посвященія соединяются въ два: — предварительный очистительный обрядъ и первое посвященіе; у балаганскихъ бурятъ *кровавое* посвященіе отличается тѣмъ, что тутъ шаманъ пьетъ кровь, тогда какъ у кудинцевъ кровью смазываются глаза, уши и голова. Пятое посвященіе самое важное: шаманъ получаетъ шамансскую шубу-оргой, желѣзныя конныя трости, желѣзную шапку и 3 хэсэ — бубна. На остальныхъ посвященіяхъ получаетъ другое 6 хэсэ. Въ настоящее время, однако, у шамановъ балаганскихъ не бываетъ всѣхъ 9 хэсэ и даже 3 рѣдко, тогда какъ въ Идинскомъ вѣдомствѣ такие шаманы не рѣдкость.

Похороны шамана (Ондэргёх) и похоронные обряды бурятъ вообще.

Шаманъ какъ и простой бурятъ подвергается болѣзни и смерти; больной шаманъ, какъ и простой бурятъ, въ случаѣ болѣзни прибѣгааетъ къ заступничеству боговъ, призываетъ шамана, брызгаетъ разнымъ богамъ тарасунъ, и проч.; но если замѣчается, что

эти обычные средства не помогаютъ, то начинаеть предсказывать свою смерть и послѣдующую судьбу: когда и отъ какой болѣзни и за что помретъ, гдѣ будетъ имѣть посмерти мѣстопребываніе; объявляетъ, что онъ сдѣлается также богомъ. Провинившійся чѣмъ-нибудь передъ богами шаманъ, однако, не всегда успѣваетъ избавиться отъ возмездія и попадаетъ послѣ смерти въ темницу *Эрлэн-Тама* подъ власть *Эрлю-Хара-ноёна*, гдѣ и томится въ тяжелыхъ цѣпяхъ. Болѣе простоватый или очень больной шаманъ только указываетъ, какого коня ему приготить, гдѣ совершить похоронный обрядъ, и послѣ смерти, уже устами другаго шамана, передаетъ о себѣ дальнѣйшія подробности. Послѣ смерти шамана, тѣло его старики и одноулусники обмываютъ только водой, освященной вересомъ и богородскою травою, а потомъ одѣваютъ—внизъ халатъ, а сверху шубу, то и другое иногда изъ шелка; поверхъ шубы одѣваютъ еще *оргой*, родъ халата или савана; чаще всего оргой дѣлаютъ изъ *синяго шелку*, обязательнаго для *чернаго шамана*, служителя злыхъ восточныхъ небъ; бѣлому шаману оргой долженъ дѣлаться изъ бѣлаго коленкору, замѣняемаго порой бѣлымъ шелкомъ; оргой подпоясываютъ краснымъ шелковымъ поясомъ; шитье оргоя, какъ священной одежды, поручается всѣмъ мужчинамъ улуса, женщины же не допускаются. Одѣтаго шамана или кладутъ на столъ; а рядомъ всѣ знаки его власти: конныя трости, бубень, плеть и пр.; въ ногахъ и по сторонамъ головы ставятъ три свѣчи; или же шамана сажаютъ съ поджатыми ногами и передъ нимъ 1 свѣчу, въ такомъ видѣ покойникъ остается трое

сутокъ. Все это время выбранные 9 молодыхъ бурятъ старше 25 лѣтъ, опытные и знакомые съ обрядомъ, такъ называемые *9 сыновей* шаманы поютъ похоронную пѣснь, описывая жизнь покойного и восхваляя его; въ этихъ пѣсняхъ импровизація играетъ видную роль и предоставляется на волю запѣвалы.

Къ похоронамъ шамана съѣзжается много народу, шамановъ и всѣ *наожи* его, такъ сказать его духовныя дѣти, у которыхъ онъ приносилъ жертвы, брызгалъ вино, защищалъ дѣтей отъ вліянія злыхъ духовъ, давая имъ такъ называемые *хахюхан* т. е., колокольчики, холбого, шкурки животныхъ, которые были привязаны къ коннымъ тростямъ шамана; теперь, со смертью шамана, венци эти ему возвращаются и привязываются къ коннымъ тростямъ; эти же *наожи* привозятъ барановъ, тарасунъ, вино и деньги, изъ которыхъ покрываютъ расходы по похоронамъ; недостатокъ покрывается сборомъ съ общества.

Сѣхавшіеся шаманы призываютъ боговъ и, имѣя въ рукахъ коннаго трости покойного, объявляютъ его волю о мѣстѣ погребенія и называютъ того коня, который долженъ быть приготовленъ для шамана. Тroe сутокъ, пока умершій въ улусѣ, его окуриваются дымомъ богульника, богословской травы и пихтовой коры, а старики улуса по очереди звонятъ въ колокольчики съ конныхъ тростей и бьютъ въ бубенъ. Къ концу третьихъ сутокъ заготовляютъ тарасунъ, колятъ барановъ; мясо ихъ варятъ и потомъ складываютъ въ мѣшки и отвозятъ на мѣсто сожженія шамана, назыв. *хёнгёлхё*.

Коня, на которомъ повезутъ покойника, по возможности украшаютъ, узда и сѣдло нерѣдко быва-

ютъ высеребрены, на шею привѣшиваются колокольчики и всего коня покрываютъ четырехъугольнымъ кускомъ ткани, называемымъ *оргой* и спитымъ тѣми же стариками, которые шили оргой шамана; оргой покрываетъ почти все тѣло коня; къ концамъ его пришиты колокольчики; у черныхъ шамановъ онъ также изъ синяго шелку, а у бѣлыхъ изъ бѣлого коленкора.

Когда истекутъ трое сутокъ, то шамана выносятъ изъ юрты и садятъ на подведенного и подготовленного коня; сзади покойника садится какой-либо старикъ, а другой ведетъ въ поводу коня. Все это время 9 сыновей поютъ, старики и шаманы звенятъ колокольчиками и бьютъ въ бубенъ.

Прежде, чѣмъ выѣхать изъ улуса, покойника обвозятъ три раза по солнцу вокругъ собравшагося народа, готоваго пуститься въ путь вслѣдъ за шаманомъ.

Кортежъ открываетъ бурятъ, у котораго въ рукахъ березка съ привѣшанными звѣриными шкурками, за нимъ везутъ покойника, окруженного 9 сыновьями, и наконецъ многочисленная конная толпа провожатыхъ. Во время пути поѣздъ останавливается столько разъ, сколько встрѣтится *барыса* умершихъ шамановъ *).

*). Такъ называютъ тѣ мѣста, гдѣ умершіе шаманы или ихъ души останавливаются во время пути (барыса всегда бываетъ по дорогѣ) привязываютъ ко вкопаннымъ въ землю столбамъ числомъ 3, своихъ коней; курятъ приготовленный имъ табакъ и отдыхаютъ, всякий проѣзжій бурятъ на этомъ мѣстѣ набьетъ трубку табакомъ и выбросить табакъ въ даръ шаману, и затѣмъ уже самъ выкуритъ другую трубку; если съ собой имѣть вино, то немного выпить на землю для умершаго шамана.

У каждой барыса брызгаютъ вино, пьютъ его и ёдятъ мясо одного барана, а къ столбу привязываютъ звѣриныя шкурки. Потомъ подъѣзжаютъ къ тому мѣсту, где нужно устроить *барыса* для только что умершаго покойника: тогда ставятъ приготовленный сосновый столбъ и къ нему привязываютъ шкурки и колокольчики(?), брызгаютъ виномъ и ёдятъ мясо барана.

Наконецъ достигаютъ назначеннай рощи, где будетъ совершенъ обрядъ сожженія.

Покойника снимаютъ и сажаютъ на войлокъ, чтобы не сдѣлать его нечистымъ отъ прикосновенія къ земль; (лицо обращаютъ къ югу); вокругъ шамана становятся 9 сыновей и поютъ, обходя вокругъ; все привезенное устанавливаются на тургэ. Дорогой ещепускаютъ стрѣлу по направлению къ дому и на обратномъ пути стрѣлу подымаютъ и кладутъ въ *ширэ*.

Между тѣмъ приготавлиаютъ костеръ изъ свѣжихъ срубленныхъ сосновыхъ бревенъ— это ѡтог или хёрб; сверху кладутъ сосновыя вѣтви, ихъ прикрываютъ потникомъ, затѣмъ оргой коня, наконецъ покойника, въ голову кладутъ узду, колчанъ съ 8 стрѣлами и лукъ, а подъ голову сѣдло; наконецъ сверху покойника придавливаютъ нѣсколькими бревнами и костеръ *зажигаютъ*. Стрѣлы и лукъ кладутся шаману затѣмъ, чтобы онъ могъ избавить отъ смерти 8 хорошихъ людей, по мнѣнію кудинцевъ тѣмъ, что вместо обреченаго на смерть человѣка, шаманъ въ удовлетвореніе гнѣва заяновъ будетъ ломать стрѣлу; балаганскіе буряты думаютъ, что этими стрѣлами шаманъ будетъ поражать угрожающихъ людямъ злыхъ духовъ.

Знаки шаманского достоинства покойника и некоторые другие предметы развѣшиваются по окружающимъ деревьямъ: на одно дерево на вершинѣ привязываютъ мѣдный чайникъ съ виномъ (на костицахъ послѣ сожжения шамана я находилъ носки отъ мѣдныхъ чайниковъ, остальные части которыхъ перегорѣли, слѣдовательно чайникъ часто кладутъ на костеръ, и не вѣшаютъ на дерево; можетъ быть чайникъ замѣняется ковшикомъ, который я видѣлъ висѣвшимъ въ одной рощѣ, гдѣ былъ сожженъ шаманъ); на другомъ сосѣднемъ деревѣ вѣшаютъ бутылку съ виномъ; на третьемъ деревѣ вѣшаютъ хэсэ; а конныя трости, хур, плеть, домбо съ виномъ, шапку, и деревянную чашку кладутъ въ небольшой деревянный ящикъ, длиною до 1 фута; ящикъ дѣлаютъ послѣ смерти шамана вмѣстѣ съ одеждой; ящикъ также укрѣпляется высоко на деревѣ при посредствѣ желѣзныхъ обручей; звѣриныя шкуры (я встрѣчалъ только заячіи шкурки), привязанныя по одной или по нѣскольку къ молодымъ березкамъ, длиною до 1 сажени, приставляются къ разнымъ деревьямъ, или къ одному дереву по нѣсколько. (3?); по этимъ шкуркамъ легко найти, гдѣ былъ сожженъ шаманъ и гдѣ находятся его вещи; обыкновенно вещи бываются размѣщены на многихъ деревьяхъ на пространствѣ десяти и болѣе квадратныхъ саженъ.

Когда все это выполнено, то приносить жертву виномъ и мясомъ, вино и тарасунъ пьютъ и ъдятъ мясо; затѣмъ у коня, привезшаго покойника, дѣлаются надрѣзы на головѣ и спинѣ и затѣмъ убиваютъ его ножемъ между нижними пшейными позвон-

ками, распарывая также брюхо; убитаго коня или сжигаютъ отдельно отъ шамана или оставляютъ лежащимъ.

Теперь всѣ сбираются къ отъѣзду: поджигаютъ костеръ и затѣмъ торопятся уѣхать; по дорогѣ не оглядываются, чтобы шаманъ не взялъ любопытнаго съ собой на небо.

По пути поднимаютъ пущенную 9-ю стрѣлу и отвозятъ въ юрту шамана, гдѣ 9 сыновей остаются трое сутокъ и все поютъ по очереди похоронныя пѣсни, совершая хожденіе вокругъ стола, на которомъ горитъ одна свѣча, до истеченія трехъ сутокъ.

На третыи сутки опять сбираются всѣ наложи шамана, его родные и одноулусники; наложи привозятъ съ собой барановъ, вина, тарасуна и березки со шкурками. Барановъ и большую кобылу колятъ, и сваривъ мясо, отправляются на мѣсто сожженія шамана. Чѣмъ большимъ уваженіемъ и вліяніемъ пользовался шаманъ при жизни, тѣмъ больше собирается народу для исполненія послѣдняго обряда по умершему.

По пути, какъ прежде, останавливаются на барьса этого шамана, брызгаютъ виномъ, бросаютъ табакъ, щѣдятъ мясо и щедутъ до мѣста. По прибытии, устанавливаютъ тарасунъ и мясо на тургэ, затѣмъ между двумя деревьями устраиваютъ дали*), т. е. протягиваютъ веревку и на нее вѣшаютъ звѣринъя шкурки,—и призываютъ боговъ и наконецъ самаго умершаго шамана, который послѣ обряда сожженія самъ дѣлается богомъ.

*) Дали,—по Кастрену, крыло. См. Словарь его, стр. 153.

Ближайшие родные шамана собираютъ потомъ кости, начиная съ костей черепа; кости кладутъ въ нарочно спитый мѣшокъ изъ синяго шелка, если умершій принадлежалъ къ чернымъ шаманамъ, чернаго шамана назыв. хутуна-бѣ или изъ бѣлаго коленкора, когда онъ былъ бѣлый шаманъ; изъ того же материала надѣваютъ рукавицы всѣ собирающіе кости. Кости шамана называются шандархал; мѣшокъ съ костями укладываютъ въ выдолбленное въ видѣ ящика углубленіе въ стволѣ толстой сосны; для этого сначала осторожно снимаютъ четырехугольный кусокъ коры, до 1 фута по сторонѣ, а потомъ уже выдалбливаютъ углубленіе для мѣшка; положивъ кости, а иногда домбо съ виномъ и ковши, отверстіе снова закрываютъ деревянной крышкой и корой, и плотно забиваютъ гвоздями, такъ что не знающій и не отличить такое дерево отъ другихъ. Дерево, выбранное для помѣщенія обгорѣвшихъ костей шамана считается его мѣстопребываніемъ и называется *б҃и-нархан*^{*)} (шаманская сосна); она должна оставаться неприкосновенной; всякий, срубившій такую сосну, по мнѣнию бурятъ, подвергается немедленной смерти со всей своей семьей.

Во время церемоніи замѣчаютъ нѣкоторые примѣты, по которымъ опредѣляется въ будущемъ степень уваженія къ памяти шамана; хорошимъ признакомъ считается, напр., если увидятъ, что оставленная убитая лошадь съѣдена.

Присутствующіе шаманы призываютъ боговъ, а 9 сыновей поютъ приличныя слушаю пѣсни, послѣ

^{*)} У Кастрена, сосна — нарахан.

чего, совершивъ еще разъ возліянія виномъ, приступаютъ къ мясу и вину, нѣкоторую часть изъ остатка сжигаютъ на кострахъ; развѣшанное *дали* снимаются или оставляются на мѣстѣ и разъѣзжаются.

Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ остаются въ юртѣ шамана до истеченія 9 сутокъ послѣ смерти.

Шаманская роща, служащія мѣстомъ погребенія шамановъ легко отличимы въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ бурятами; посреди совершенно безлѣснаго пространства возвышаются отдѣльныя группы деревъ, замѣтныя издали, рощи эти бываютъ или на ровныхъ мѣстахъ или чаще на горахъ: ихъ въ одномъ вѣдомствѣ по нѣсколько, каждый родъ или даже улусъ имѣетъ свою рощу; они имѣютъ особое название *айха*, мѣсто неприосновенное, гдѣ нельзя рубить деревьевъ подъ опасеніемъ серьезнаго возмездія или даже смерти; эта *айха* соотвѣтствуетъ полинезійскому табу. Какъ будто-бы каждая роща служитъ кладбищемъ только одному шаману, но въ одной такой рощѣ въ Кудинскомъ вѣдомствѣ были погребены и не шаманы, простые буряты; могилы ихъ легко узнать.

По убѣжденіямъ бурятъ, душа шамана или онъ самъ въ дыму костра поднимается на небо и тамъ начинаетъ вести пріятную жизнь, какъ боги, но по внѣшности совершенно сходную съ земной жизнью, т. е. онъ можетъ на небѣ имѣть жену и отъ нея дѣтей, принимаетъ пищу и вино, приносимое родными и почитателями на землѣ, ъздитъ на убитомъ при похоронахъ конѣ, носить одежду, никогда не изнашивающуюся, въ которую онъ былъ одѣтъ послѣ

смерти. Умерший шаманъ на небѣ заботится объ оставшихся на землѣ родныхъ, защищаетъ ихъ отъ злыхъ духовъ, назначаетъ кого-либо изъ мальчиковъ въ обученіе шаманскому искусству, и всячески покровительствуетъ имъ. Но иногда, какъ будто, шаманъ забываетъ своихъ близкихъ, и тогда только усиленными жертвами семья старается вернуть себѣ благорасположеніе своего естественнаго покровителя. Такое забвеніе семейныхъ интересовъ одни приписываютъ грѣхамъ шамана, совершеннымъ при жизни, вслѣдствіи чего его заступничество за своихъ не имѣетъ силы, и въ наказаніе никто изъ его родичей не удостоивается шаманнаго ранга; но другое приписываютъ это просто разсѣянности, увлеченію прелестями жизни съ богами.

Интересно, что всѣ вещи и предметы, которые нужны будутъ шаману послѣ смерти должны быть или сожжены или убиты (лошадь) или сломаны, вообще какъ-либо должна быть нарушена физическая цѣлость и надлежащее соотвѣтствіе частей, т. е. тоже, что сдѣлалось съ шаманомъ, когда связь души съ тѣломъ въ актѣ смерти исчезла. И вотъ послѣ такой перемѣны, видимаго истребленія, они, всѣ эти вещи начинаютъ новую жизнь, жизнь неизмѣнную, вѣчную; отъ земной жизни отличающуюся только тѣмъ, что они уже больше не измѣняются, не изнашиваются. Изъ этого видно, что буряты вѣрятъ не только въ загробную жизнь, не только признаютъ существованіе души у людей, но и признаютъ душу вещей.

По другимъ показаніямъ мѣстопребываніе шамановъ послѣ смерти бываетъ опредѣлено: шаманы

поступаютъ въ подчиненіе великимъ богамъ; бѣлые шаманы подчиняются Сатинскимъ богамъ и живутъ въ ихъ помѣщеніяхъ (*Сатани-бурхахи - Суман*), которыя находятся за Байкаломъ у озера *Садамтын-Саган* и представляются воображенію бурятъ великолѣпными дворцами. Сатинские боги—добрьые, покровительствуютъ людямъ; къ нимъ принадлежитъ Хоредой-ноён и его жена Хобоши-Хатун, дочь неба Шара-Хасар, превращавшаяся въ лебедя, почему буряты чтутъ лебедей и никогда не убиваютъ; жалобный голосъ лебедя буряты приписываютъ тому, что лебедь, Хобоши-Хатунъ, покинувшая своего мужа Хоредоя, тоскуетъ по своимъ дѣтямъ, оставшимся на землѣ.

Бѣлые шаманы могутъ поступать, хотя и рѣдко, въ дворцы западныхъ хатъ (небъ).

Черные шаманы, служители злыхъ боговъ, отходять по смерти или къ Эрлэнѣ-Хану, если они происходятъ отъ чернаго кузнецнаго неба (Бохо-Тэли?) или отъ Хутунскихъ боговъ, къ которымъ принадлежитъ самъ Эрленъ-Ханъ; или къ хозяину острова Ольхона, Хан-Хёшо-Бабай, въ такъ называемое Ноехи-Сулган, т. е. чиновное собраніе, куда главнымъ образомъ направляются тайши, родовые старосты и нѣкоторые простые буряты; или также къ хозяину чернаго коня *Ажира-Бохо*, называемому еще Зулхэн-Ноён, такъ какъ его мѣстопребываніе въ Зулхѣ, по рѣкѣ Ленѣ, въ верхоленскомъ округѣ, гдѣ существуютъ роскошные дворцы.

Кромѣ обряда сожженія и погребенія костей въ живомъ деревѣ у бурятъ практикуются и другіе

обряды. Такъ въ Балаганскомъ и Идинскомъ вѣдомствахъ умершихъ шамановъ, а также и людей убитыхъ громомъ, не сжигаютъ, а выставляютъ въ лѣсу на *аранга*. Пораженный громомъ, какъ объяснено выше, считается шаманомъ, а родные его приобрѣтаютъ шаманскоѣ происхожденіе; поэтому и обрядъ похоронъ по отношенію къ убитому громомъ совершается такъ, какъ будто-бы покойникъ былъ шаманъ. На томъ мѣстѣ, где совершилась катастрофа прежде всего устраиваютъ шалашъ, а пораженного громомъ кладутъ на доски и обливаютъ водой съ цѣлью привести его къ жизни, но если попытка не удастся и смерть несомнѣнна, то приступаютъ къ обряду, назыв. *нервер деидехэ*. Убитаго одѣваютъ какъ шамана въ оргой, также при немъ 9 сыновей поютъ похоронныя пѣсни въ теченіи 3-хъ дней, пока покойника не увезутъ въ лѣсъ; домой-же его везти нельзя; все время его окуриваютъ богословской травой и верескомъ, и на третій день сажаютъ на коня и отвозятъ въ шаманскую рощу, где и оставляютъ на особо устроенному ложѣ: для этого выбираютъ толстыя деревья, стоящія поближе другъ къ другу, на нихъ укрѣпляютъ бревна и наконецъ доски, такъ что образуется помостъ на высотѣ 2, 3 или 4 саженъ отъ земли; на этотъ помостъ и кладется покойникъ, заключенный въ гробу; такъ-же кладутъ пищу и вино; помостъ носитъ название *аранга*; такъ-же на аранга, но не въ шаманскую рощу, а на мѣстѣ происшествія, кладутъ и всякое убитое громомъ животное.

Прекрасной иллюстраціей обряда погребенія шамана на аранга могутъ служить рисунки къ статьѣ

Yarrow «о похоронныхъ обычаяхъ съверо-американскихъ индѣйцевъ *»); особенное же сходство съ бурятскимъ обыкновенiemъ положенія покойника на деревѣ представляеть рис. 18 съ тою разницей, что шаманъ кладется въ гробу; рисунки-же 15, 16 и 17 объясняютъ расположение на аранга убитыхъ громомъ животныхъ.

Обрядъ сожженія, употребляемый теперь только при похоронахъ шамановъ, нѣкогда составлялъ обще-распространенный обычай и тогда сожигались и простые буряты. Покойника одѣвали въ лучшую одежду, снабжали ножемъ, лукомъ, стрѣлами и съѣстными припасами. На мѣстѣ сожженія устраивали четыреугольникомъ костеръ, а на немъ на потникѣ клали тѣло и всѣ предметы, подлежащіе сожженію вмѣстѣ съ трупомъ; голова трупа поколась на сѣдлѣ. Иногда вмѣстѣ съ покойникомъ сжигали и его коня. Зажегши костеръ, уѣзжали домой и возвращались только на 3-й день; тогда собирали сохранившіяся и обгорѣвшія кости и, положивъ въ берестяное лукошко, зарывали въ землю. Погребальныя урны буряты слѣдовательно не были очень роскошны, но предпочтеніе, оказанное въ этомъ случаѣ березовой корѣ передъ другими матерьялами объясняется отчасти уваженіемъ, питаемымъ къ березѣ, какъ священному дереву, а съ другой стороны и неумѣніемъ приготовлять глиняную посуду. Встрѣчающіяся среди бурятскихъ поселеній различныя могильныя сооруженія, въ которыхъ находятся въ

* См. First annual report of the Bureau of Ethnology to the secretary of the Smithsonian Institution 1879 -80. sed by J. W. Powell.

глиняныхъ урночекъ сженыя кости, принадлежать не бурятамъ, а другому народу, стоявшему на болѣе высокой культурной стадіи развитія, чѣмъ современные буряты; этихъ древнихъ поселенниковъ называютъ различно, мунгалами (у русскихъ), то китайцами или хара-монголами (у бурятъ); при этомъ человѣкъ каменного вѣка не принимается во вниманіе, онъ древнѣе вышеупомянутыхъ обитателей Иркутской губерніи.

Въ настоящее время по настоящему земскихъ властей покойниковъ буряты погребаютъ, не сжигая. Покойника обмываютъ, одѣваютъ въ лучшую одежду, въ карманъ кладутъ серебряныя монеты, а запа-зуху трубку и кисеть съ табакомъ; рядомъ на столѣ ставятся и съѣстные припасы, кромѣ хлѣба и молока класть которые для покойника считается грѣхомъ, также запрещается класть и огниво; иногда кладутъ ножикъ, лукъ и стрѣлы (у кудинцевъ). Затѣмъ устраиваютъ гробъ, въ которомъ и кладутъ покойника; но часто обходятся и безъ гроба; въ послѣднемъ случаѣ подъ покойника, при положеніи его въ могильную яму, подстилаютъ потникъ, а въ голову сѣдло; если-же покойникъ въ гробу, то сѣдло, узда и потникъ сжигаются на костре вмѣстѣ съ убитымъ конемъ.

На зарытой ямѣ оставляютъ обыкновенно арбу (тельгу) покойника, но разбитую, съ сломанными колесами; она предоставляетъся вмѣстѣ съ другимиложенными въ могилу и сожженными вещами и конемъ покойнику, который все это будетъ употреблять послѣ смерти; для того, чтобы предметы эти

были пригодны для употреблениѧ въ посмертной жизни, они сами должны быть разбиты, сломаны, сожжены или убиты, словомъ испытать тоже, что случилось съ умершимъ человѣкомъ.

По торчащимъ изъ земли разбитымъ колесамъ на могилахъ бурятъ легко отличить бурятскія кладбища, располагающіяся обыкновенно въ небольшихъ лощинахъ или на склонахъ возвышенностей по близости шаманскихъ рощъ.

Послѣ похоронъ трое сутокъ родные умершаго не начинаютъ никакого дѣла, не отправляются въ дорогу, эти дни траурные, печальные, черные дни, какъ говорятъ буряты—Хаура-боро; въ эти дни душа покойника блуждаетъ около дома, посѣщаетъ родныхъ. На трети сутки родные покойника устраиваютъ поминки, родъ тризны: колятъ баановъ, приготовляютъ тарасунъ и угощаютъ знакомыхъ.

V. ИДЕИ БУРЯТЬ О ДУШѢ И ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ.

Вѣрованія бурята шаманиста находятся въ неразрывной связи съ его воззрѣніями на окружающую природу, жизнь и свойства его собственной души, поэтому его идеи о душѣ получаютъ особенное значение. Душа представляется буряту совершенно отдѣльнымъ отъ его тѣла существомъ, могущимъ покидать тѣло временно или навсегда, и въ послѣднемъ случаѣ наступаетъ смерть; болѣзнь и сонъ отличаются отъ смерти, такъ сказать, количественно; иначе, сонъ и болѣзнь суть временное разставаніе души съ тѣломъ. Видѣніе сновъ бурятъ

объясняетъ тѣмъ, что въ это время душа покидаетъ тѣло и странствуетъ по землѣ или посѣщаетъ духовъ; все, что душа встрѣчаетъ во время этихъ странствованій, она сохраняетъ въ памяти, и по возвращеніи къ тѣлу; воспоминаніе всего случившагося съ душой и есть сонъ; понятно, что снамъ буряты придаютъ реальное значеніе. Но и самая душа не только реальна, но и вещественна; она можетъ быть видима и слышима другимъ человѣкомъ; обыкновенно она принимаетъ видъ пчелы; представление души въ видѣ пчелы есть национальная идея монголовъ, подобно тому, какъ славяне и русскіе представляли ее въ видѣ бабочки (душичка въ Ярославской губернії)*); такъ, напр., въ извѣстной монгольской легенды о подвигахъ Богдо-Гесеръ-хана**) душа Чоридонгъ-ламы принимала видъ осы, по волѣ ламы, чтобы умертвить Еро (Гесеръ-Хана), но когда была поймана имъ, то всякий разъ, какъ Гесеръ-ханъ сжималъ ее рукой—Лама впадалъ въ безпамятство, и когда переставалъ давить его душу осу Гесеръ-ханъ, то лама приходилъ въ чувство. Слѣдующій разсказъ пояснитъ возврѣнія бурята на соотношеніе странствованій души со снами:

«Два бурята жили въ одной юртѣ; разъ одинъ изъ нихъ заснулъ днемъ, другой-же не спалъ; вотъ онъ видѣть, какъ изъ носа спящаго товарища выползаетъ пчела (или оса) и начинаетъ летать въ юртѣ, а потомъ вылетѣла на улицу. Заинтересован-

*) Буслава. Миѳическая преданія о человѣкѣ и природѣ, стр. 142.

**) Die Thaten Bogda—Gesserchan's, стр. 53.

ный этимъ явленіемъ бурятъ также вышелъ на улицу, чтобы слѣдить, что будетъ дѣлать пчела. Пчела летала около юрты, а потомъ полетѣла далѣе и наконецъ залетѣла въ какую-то нору, гдѣ и оставалась нѣкоторое время; затѣмъ выползла изъ отверстія и полетѣла обратно въ юрту, здѣсь она стала ползать по краю корыта съ водой и какъ-то упала въ воду; выползши съ трудомъ изъ воды, она возвратилась въ носъ спящаго товарища.

Проснувшійся товарищъ рассказалъ, что онъ видѣлъ сонъ: «будто я выхожу на улицу и нахожу большую яму, въ которой много серебра, а потомъ пошель по берегу моря и оборвавшись съ крутаго берега, чуть не утонулъ, съ трудомъ выбравшись на берегъ; съ тѣмъ я и проснулся», такъ говорилъ спавшій товарищъ. Между тѣмъ его товарищъ, замѣтившій нору, въ которую входила душа спавшаго (въ видѣ пчелы), отыскалъ нору и нашелъ тамъ много серебра. Представленіе души въ видѣ пчелы (или осы) объясняеть, почему буряты не убиваютъ пчелъ, залетающихъ въ юрту; очевидно, изъ страха убить душу.

Вслѣдствіе такихъ воззрѣній на причины сна, бурятъ видѣть въ снахъ дѣйствительные факты, которые и tolkуютъ то въ прямомъ, то въ иносказательномъ смыслѣ. Хорошими снами считаются: видѣть себя катающимся на быкѣ или купающимся, потому что быкѣ есть символъ Буха-ноина, а вода указываетъ на Уханъ-хатъ, божества добрья; напротивъ, видѣть себя запертымъ въ какомъ нибудь помѣщеніи или видѣть, какъ изъ калчана унесена стрѣла, предвещаетъ бѣду и смерть; стрѣла означаетъ душу мужчины.

Какъ сонъ, такъ и болѣзнь есть временное отданіе души отъ тѣла, но во время болѣзни душа не произвольно удаляется, а увлекается насильно, похищается по волѣ какого-либо божества, всего чаще за непринесеніе жертвы. Чтобы узнать, къмъ причинена болѣзнь, кто похитилъ душу и какое божество требуетъ жертвы, призываются шаманы, обязанный по трещинамъ на обожженой бараньей лопаткѣ открыть имя божества. Если шаманъ не узнаетъ имени божества или божество не хочетъ преклониться на милость, то больной помираетъ. И такъ смерть наступаетъ только тогда, когда душа похищена и заключена въ темницу Эрлен-Хана.

Но человѣкъ еще можетъ избѣжать смерти, если душѣ его удастся укрыться подъ покровительство другихъ божествъ; этими божествами бываютъ: 1) Западный хатъ; 2) Ухан-Хатъ; 3) огонь очага, т. е. хозяинъ огня, который бросаетъ въ преслѣдователей огненные искры; 4) онгоны; 5) кузнецные зайны, которымъ буряты приносятъ жертвы, прося защиты отъ злыхъ духовъ; кузнецные зайны отгоняютъ преслѣдователей души раскаленными желѣзными брызгами; 6) предки, сдѣлавшіеся заяцами. Но укрыться душа можетъ не только у боговъ, но и въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ мѣстахъ, напр.; 7) въ гривѣ посвященного коня; 8) въ шерсти пороза, посвященного Буха-Ноину; 9) въ слѣдахъ домашнихъ животныхъ; 10) въ домахъ сосѣдей или даже 11) у хорошей собаки.

Во время преслѣдований посланцами злыхъ духовъ душа принимаетъ видъ животныхъ и птицъ, такъ, душа женщины становится сорокой.

Пойманная душа начинаетъ плакать, и этотъ плачъ часто слышатъ люди.

Посланники Эрлен-Хана или другихъ заяновъ, по своей природѣ, однако, тождественные съ душами умершихъ людей, для захвата души живаго человѣка употребляютъ разныя средства: такъ, напр., во время сна заставляютъ человѣка чихнуть, при чемъ душа спящаго выскакиваетъ, и если не успѣеть спрятаться, то достается въ руки похитителей; другой приемъ болѣе рѣшительный: духъ подъѣзжаетъ къ юртѣ больнаго въ черной каретѣ; у него засучены рукава и руки до локтей покрыты кровью; онъ у больнаго въ груди прорѣзываетъ отверстіе, всовываетъ въ грудь руку и сжимаетъ аорту, отчего наступаетъ смерть (балаг. бур.); тотъ-же приемъ практикуется во всѣхъ случаяхъ при умерщвленіи жертвенныхъ животныхъ. Поимка души человѣка облегчается, если прежде захватить душу его коня; иначе душа человѣка на конѣ легче можетъ избѣжать преслѣдованія. Поймать душу коня можно только при помощи души живаго человѣка, но и это дается не безъ труда, такъ какъ и душа коня можетъ укрываться у Хатовъ.

Душа больнаго человѣка захваченная даже Эрленъ-Ханомъ можетъ быть возвращена къ тѣлу при содѣствіи хоромаго шамана.

Одного хорошаго шамана пригласили къ больному, но шаманъ отказалсяѣхать, зная, что душа больнаго заключена въ темницу Эрлен-Хана; но занимъ послали второй разъ, шаманъ отказался, и поѣхалъ только по третьему зову; отказаться на

третье приглашение невозможно, ибо за это шаманъ подвергается отвѣтственности. По пріѣздѣ къ больному, послѣ призываій заяновъ, шаманъ объявилъ, что душа больного можетъ быть освобождена изъ заключенія только цѣнной собственной души шамана; шаманъ соглашался умереть, если больной обѣщаетъ для его похоронъ дать коня и хорошую одежду. Получивъ согласіе больного, шаманъ во время мистеріи побывалъ у Эрленъ-Хана и получилъ разрѣшеніе оставить свою душу вмѣсто души больного, которую напечь шаманъ въ тяжелыхъ желѣзныхъ цѣпяхъ. Тѣже цѣпи наложены были и на душу шамана, влѣдствіи чего, по возвращенію шамана домой, онъ захворалъ. Чувствуя неизбѣжность смерти, шаманъ послалъ къ своему спасенному пациенту за обѣщаннымъ конемъ и одеждой, но получилъ отказъ и посланные шаманы подверглись оскорблѣніямъ. Тогда шаманъ приказывалъ роднымъ не хоронить его до 9 сутокъ, обѣщаю ожитъ къ концу этого срока. Но шамана похоронили на горѣ Тарятын Ондор, положивъ его тѣло въ гробу на аранга. По жалобѣ шамана на вѣроломство обманувшаго его бурята, душа послѣдняго была снова схвачена, заключена въ цѣпи, а бурята умерть. Шаманская душа имѣла право возвратиться, но она нашла свое тѣло уже сгнивающимъ, наполненнымъ червями, съ выпавшими глазами и отвалившимся носомъ. Съ трудомъ душа проникла, однако, въ тѣло, и шаманъ всталъ, вытряхнулъ всѣхъ червей, глаза и носъ приставилъ куда слѣдуетъ. Въ такомъ видѣ отправился шаманъ, но дорогой раздумалъ, вернулся на

прежнее мѣсто и померъ вторично, та душа напривилась въ страну духовъ. Впослѣдствіи шаманъ этотъ сдѣлался зяномъ; его часто призываютъ во время мистерій и онъ разсказываетъ свое похожденія.

Не всѣ души попадаютъ въ темницу Эрлен-Хана; души хорошихъ премесленниковъ попадаютъ въ особья мастерскія, гдѣ они продолжаютъ заниматься своимъ ремесломъ; души грамотныхъ занимаются письмоводствомъ, а души хорошихъ женщинъ помѣщаются въ зданіе, называемое Уленши, гдѣ занимаются шитьемъ.

Буряты полагаютъ, что умные люди, хорошие мастера и грамоты недолговѣчны, потому что въ нихъ нуждаются и Эрлен-ханъ и другія божества и похищаютъ ихъ души.

Загробная жизнь душъ, по мнѣнію большинства, заключается не въ мученіяхъ въ темницахъ или не-престанной работѣ, а въ полнѣйшей праздности. Идеи возмездія для шаманиста вообще чужды и если такія идеи въ разсказахъ и находятъ мѣсто, то ихъ слѣдуетъ считать заимствованными отъ буддистовъ, быть можетъ черезъ посредство общихъ сказокъ; для шаманиста свойственнѣе представлѣніе о жизни душъ послѣ смерти, какъ о продолженіи существованія ихъ на землѣ. Души также употребляютъ пищу,ѣздятъ на свадьбы, на вечерки; носятъ хорошую или дурную одежду, смотря потому, какъ были одѣты при похоронахъ; ходятъ пѣшкомъ,ѣздятъ въ телѣгѣ или верхомъ, смотря потому, были-ли снабжены конемъ, экипажемъ или нѣть. Эти воззрѣнія на загробную жизнь отражаются весьма ярко въ похоронныхъ обрядахъ.

Не смотря на эти сходные черты съ жизнью до смерти, душа, сдѣлавшись духомъ, пріобрѣтаетъ и нѣкоторыя новыя свойства, среди которыхъ какъ то странно переплетаются эфирныя, невещественные свойства съ свойствами чисто физическими и притомъ характеризующими живую душу или живаго человѣка. Такъ, души умершихъ могутъ быть видимы людьми, но вмѣстѣ съ тѣмъ не оставляютъ слѣда на пеплѣ очага; при ходѣ не ломаютъ старыхъ сучьевъ и не шелестятъ опавшими листьями; души умершихъ, для краткости будемъ говорить, духи—могутъ быть убиты и снова оживать или не оживать, и превращаться въ голую тазовую кость; духи испытываютъ боль и потому боятся боярышника и шиповника; отсюда обыкновеніе держать въ юртахъ шиповникъ и боярышникъ, особенно въ случаѣ присутствія новорожденнаго. Характерныя особенности душъ будутъ видны изъ слѣдующихъ данныхъ.
Души не оставляютъ слѣдовъ и боятся боярышника и шиповника. Однажды ночью шелъ человѣкъ, имѣвшій способность видѣть духовъ и говорить съ ними. Онъ встрѣтилъ трѣхъ духовъ и присоединился къ нимъ. По пути, онъ узнаетъ отъ нихъ, что они идутъ за душой сына богача. Бурятъ просилъ, чтобы и его допустили они принять участіе въ охотѣ за душой; духи согласились. Дорогой духи спрашиваютъ, «отчего ихъ спутники (живой человѣкъ) такъ ходятъ, что мнется трава и шелестятъ подъ ногами сухie листья». Бурятъ говоритъ, что это оттого, что онъ недавно померъ и не умѣетъ ходить. Духи повѣрили. Вотъ пришли они къ богатому человѣку: одинъ всталъ у двери, другой у дымового

отверстія, а третій вошелъ въ юрту и заставилъ больнаго сына чихнуть; въ это время его душа выскочила и хотѣла убѣжать, но стоявшій у двери духъ ее поймалъ и не выпустилъ, не смотря на плачъ души, а понесъ на рукахъ. На обратномъ пути живой человѣкъ спрашиваетъ духовъ: «чего они всего больше боятся на свѣтѣ?» Духи отвѣчали, что они всего болѣе на свѣтѣ боятся шиповника и боярки. «А ты чего болѣе боялся, когда былъ живой?» спрашиваютъ духи. «Я больше всего при жизни боялся жирнаго мяса», отвѣчаетъ находчивый бурятъ. Духи повѣрили и на этотъ разъ. Идутъ дальше. Только бурятъ и говоритъ духамъ: «дайте мнѣ душу, я погнесу, вы устали». Духи дали ему пойманную душу. Встрѣтивъ по дорогѣ боярку и шиповникъ, бурятъ бросился туда вмѣстѣ съ душой и залегъ среди колючихъ кустовъ. Духи не могли даже близковъ подходить къ боярышнику и шиповнику и тщетно пытались выгнать бурята изъ кустовъ; наконецъ догадались и стали бросать въ кусты жирное мясо. Бурятъ сталъ кричать: «боюсь, боюсь», а самъ пождалъ мясо. Видя неудачу, духи ушли, а бурятъ вышелъ изъ кустовъ и возвратилъ душу больному, за что получилъ вознагражденіе.

Когда помираетъ человѣкъ, то его душа трое сутокъ блуждаетъ около дома. Между тѣмъ умершіе ранѣе родственники и сосѣди встрѣчаются новаго пришелца въ страну духовъ съ радостью и устраиваютъ пирушки, но душа не сознаетъ еще себя оторванною отъ тѣла и держится подлѣ тѣла. На трети сутки духи убѣждаютъ душу въ смерти,

дѣлая ей испытаніе, а именно заставляютъ ступить на пепель очага у него въ домѣ и въ юртахъ его родственниковъ и знакомыхъ, но нигдѣ слѣдовъ не остается, что и убѣждаетъ душу въ смерти.

Первый разсказъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, какого невысокаго мнѣнія буряты о своихъ духахъ, т. е. душахъ; эти души, какъ чёртъ русскихъ сказокъ, глупѣе глупца.

Духовъ можно убивать и они имѣютъ начальника одиночаго. У одного человѣка, имѣвшаго способность видѣть духовъ, былъ одинъ сынъ и два бѣгунца, изъ которыхъ одинъ былъ быстрѣе другаго. Когда сынъ померъ, то лучшій бѣгунецъ былъ ему отданъ, т. е. убитъ на похоронахъ. Въ одной пустой юртѣ постоянно собирались духи и устраивали вечерку. Человѣкъ захотѣлъ подсмотреть и послушать, и сталъ караулить. Духи начали собираться, а по томъ пришелъ и начальникъ, котораго выбѣжалъ встрѣтить на улицу и подъ руки ввели въ юрту; начальникъ былъ большой, толстый и имѣлъ на лбу одинъ глазъ. Начальникъ, сидя на почетномъ мѣстѣ, сталъ раздавать приказаніе привести душу такого-то, и такого-то, и всякий разъ нѣсколько духовъ выходили исполнять приказаніе. Человѣкъ, между тѣмъ, прицѣлился и выстрѣлилъ прямо въ лобъ начальника, который упалъ, закричавъ убили и превратился въ голую тазовую кость. Духи погнались за человѣкомъ, ускакавшимъ на свое мѣсто бѣгунецъ; все духи отстали, за исключеніемъ сына, у котораго конь былъ лучше отцовскаго; когда сынъ узналъ отца, то обѣщалъ сказать, что онъ не успѣлъ захватить человѣка, такъ какъ онъ убѣжалъ въ хатъ.

Убитый духъ, превратившійся въ тазовую кость, снова дѣлается черезъ три дня духомъ, но чтобы этого превращенія не случилось, достаточно тазовую кость обжечь на огнѣ. По другимъ указаніямъ духъ не превращается въ тазовую кость, а, будучи убитъ, исчезаетъ безъ слѣда.

На вечеркахъ духи разводятъ въ пустыхъ юртахъ огни, но эти огни блѣдны и синеваты; огонь духовъ можно украсть, и укравшій дѣлается богатымъ (существуетъ легенда у балаганцевъ). Около огня духи сидятъ или пляшутъ, но при этомъ никогда не образуютъ цѣльного круга, какъ люди. Духовъ, какъ сказано, можно видѣть, и если человѣкъ увидитъ духовъ прежде, то они его уже не замѣтятъ; встрѣчая человѣка, души пугаются. Духи поютъ въ дорогѣ пѣсни и эти пѣсни слышать люди.

(Извлечено отдельно изъ № 1—2, т. XIV Извѣстій Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географич. Общ.).

Иркутскъ, 1883. Типографія Н. Н. Синицына, Харл. ул. д. № 92.

Объяснение рисунковъ къ сшатью „Шаманство у бурятъ Иркутской губерніи“.

ТАБЛИЦА I.

Фиг. 1-я. Сэжэн-Бар,—Тымырша сынъ, въ естественную величину; А—деревянный обручъ. Б—вырѣзанная изъ красного сукна фигура человѣка, а, шейное украшеніе; б, б,... миткальные ленты бѣлые и розовые, въ каждомъ пучкѣ по 2 розовыхъ и 2 бѣлыхъ; в, в, в,... привѣски, изъ жести, изображающія колокольчики, холбохо, В—вертикальная перекладина, деревянная; иногда имѣеть форму человѣка; Д—поперечная перекладина изъ проволоки. Сэжэнъ-баръ встрѣчается въ юртахъ Кудинскихъ, Верхоленскихъ и Ольхонскихъ бурятъ.

Фиг. 2. Дабай-хан; а—мѣхъ выдры; б, бѣлые миткальные ленты.

Фиг. 3. Рик.

Онгоны Дабай-хан—и Рик встрѣчены только у Ольхонскихъ бурятъ; на фиг. 2 и 3 изображены въ естественную величину, но онгонъ Рик дѣлаютъ и вдвое длиннѣе.

ТАБЛИЦА II.

Фиг. 1-я. Горные онгоны Ольхонскихъ бурятъ. На голубомъ шелковомъ лоскуткѣ нарисовано красной краской 5 человѣческихъ фигуръ; на высотѣ груди у каждого изображенія привязано по жестянной человѣческой фигуркѣ, у № 1, 4 и 5 желтой латуни, и у № 2 и 3—бѣлой жести; надъ головой у каждого изображенія по кусочку мѣха выдры и по перышку филина; вместо глазъ бисерь; поверхъ голубаго лоскутка нашита бѣлая шелковая ленточка такой ширины, что головы фигуръ съ частью шеи удобно на ней помѣщаются; къ той же ленточкѣ по бокамъ приклеиваются 4 голубыя тесемочки. (Уменьшено въ 2 раза)

Фиг. 2-я. Онгонъ Ухан-Хата, Закулейского улуса Балаганского вѣдомства. На лоскуткѣ синей дабы, пришитому къ ветревикѣ, изъ бѣлаго конскаго волоса, длиною въ 4 аршина, съ вплетеннымъ въ нее бѣлыми и синими ленточками, нарисовано 9 человѣческихъ фигуръ красною краской, 6 вверху, 3 внизу поменьше, рядомъ съ послѣдними изображены 4 фигуры животныхъ: лошади, верблюда, пчелы и змѣи; надъ верхними фигу-

рами проведено три горизонтальные черты, изображающие небо, а по краямъ ихъ солнце и луна. (Уменьшено въ 2 раза).

Фиг. 3. Онгонъ жены хозяина огня (Гал-Голыхэн, Гулихатун, Онгонъ сдѣланъ изъ дерева, но обшитъ краснымъ сукномъ, обложеннымъ на головѣ, рукавахъ и внизу—черной Мерлушки; сукно съ шерстью изображаютъ шубу и шапку; глаза и груди—изъ крупныхъ металлическихъ бусинъ; посрединѣ груди—оловянное украшение.

Фиг. 4. Онгонъ Борто, Хангинского рода Балаганского вѣдомства. Онгонъ состоять изъ одной деревянной головы со стороны лица; волоса на головѣ, бровяхъ, бакенбардахъ и большой бородѣ представлены черной овечьей шерстью; во рту кусокъ свѣжаго бараньяго курдюка; по бокамъ головы привѣшено по 3 привѣски изъ жести (а, а,..). Уменьшено въ 3 раза.

Фиг. 5 и 6—мѣдные кружки, найденные на мѣстѣ погребения шамана, употреблялись для привѣшиванія къ шаманской шубѣ.

Фиг. 7. Изображеніе какого-то животнаго изъ мѣди.

Фиг. 8. Въ ромбической рамкѣ уродливая человѣческая фигура съ бородой и большими ушами на верху головы; по тремъ угламъ рамки по диску съ человѣческимъ лицомъ; ясно сохранилось только на одномъ углу; рамка имѣеть петлю и вѣроятно также была привѣшена къ древней шаманской одеждѣ; найдено близъ Ольхонской думы, въ камняхъ.

ТАБЛИЦА III.

Фиг. 1. Музик. инструментъ—Хур.

Фиг. 2. Конная желѣзная трость шамана.

Фиг. 3. Шаманская корона или шапка.

Фиг. 4 и 5. Рисунки на шаманскихъ ящикахъ—ширэ.

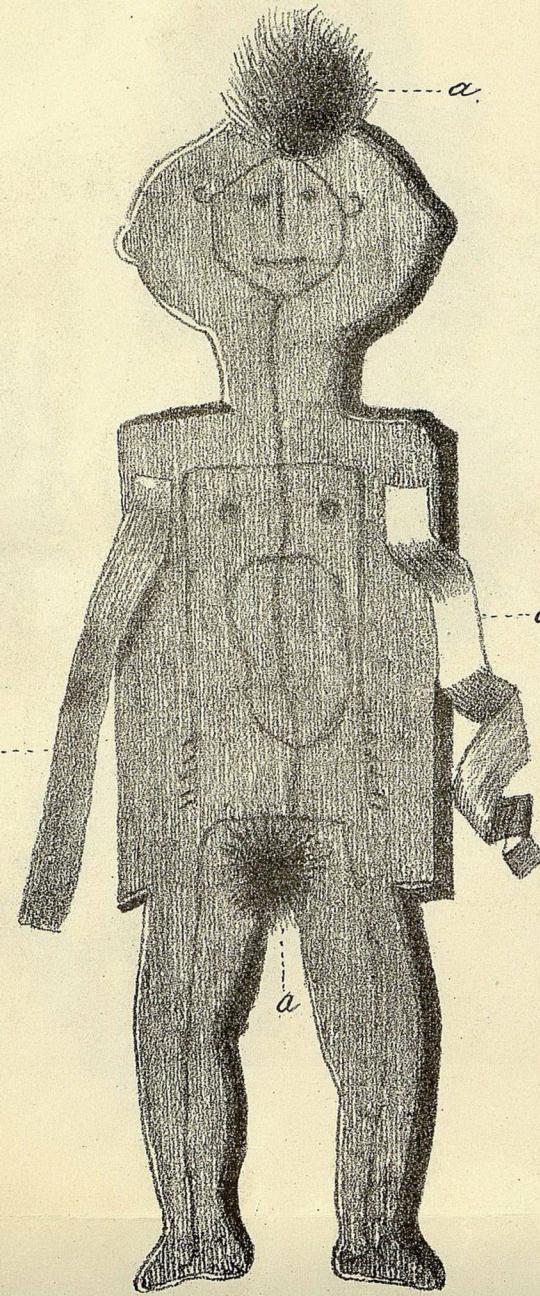
Фиг. 6 и 7. Виды постоянныхъ жертвеннниковъ (ширэ) сложенныхъ изъ каменныхъ плитъ на горѣ. Манхай.

Фиг. 8. Уменьшенный рисунокъ красной краской на скалистомъ берегу р. Бѣлой у с. Мальты въ Иркутской губерніи.

ТАБЛИЦА IV.

Фотографія шамана Ольхонского вѣдомства Баендая Башенхаева съ его деревянными конными тростями и шаманскимъ ящикомъ (ширэ).

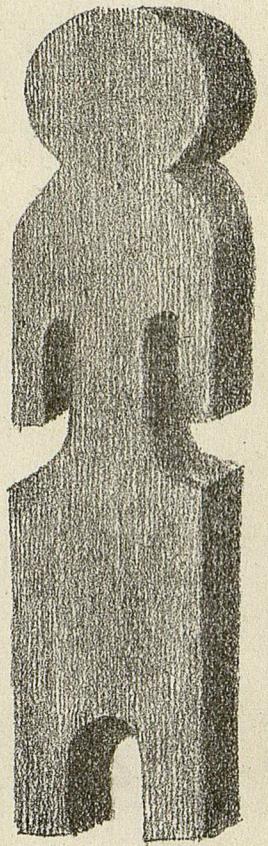
Фур. 2.

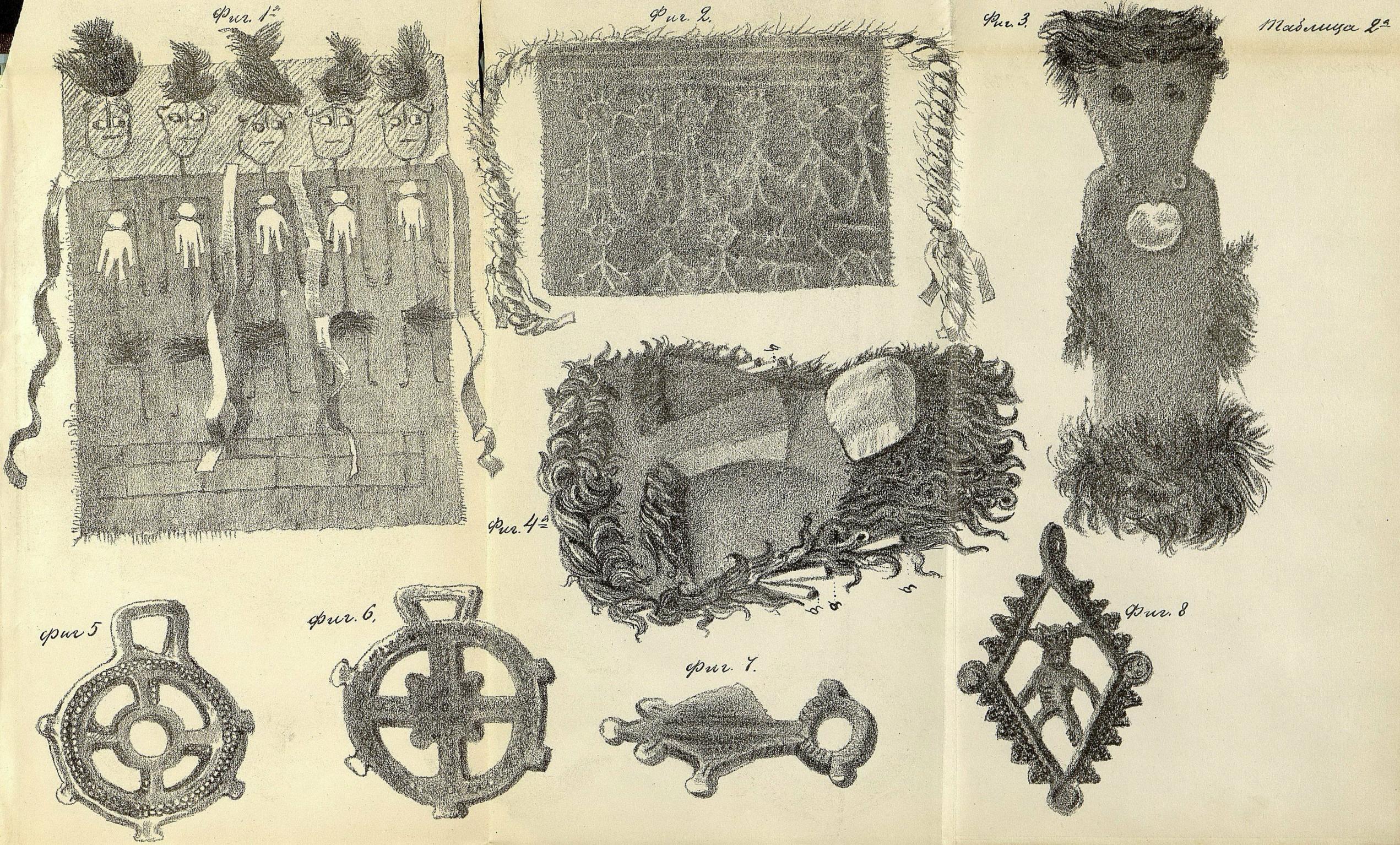
Фур. 1.

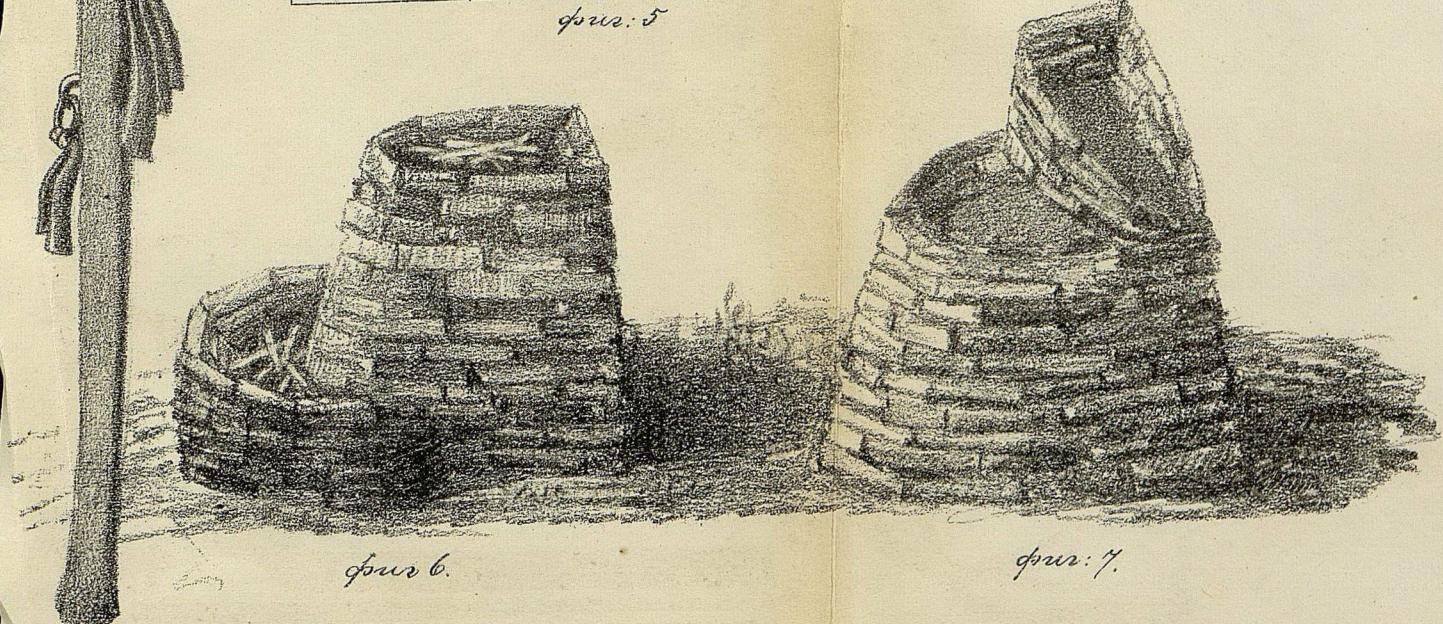
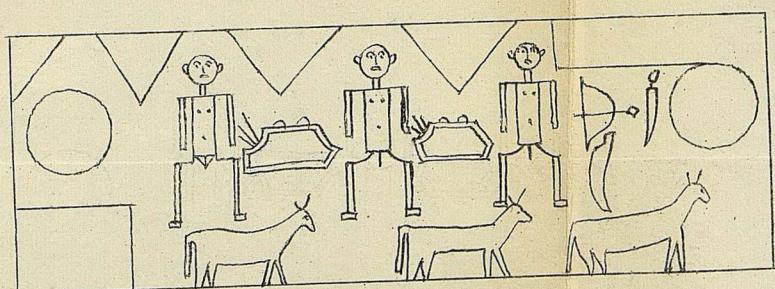
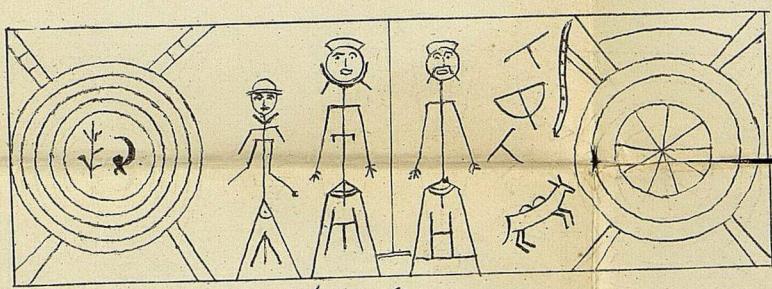
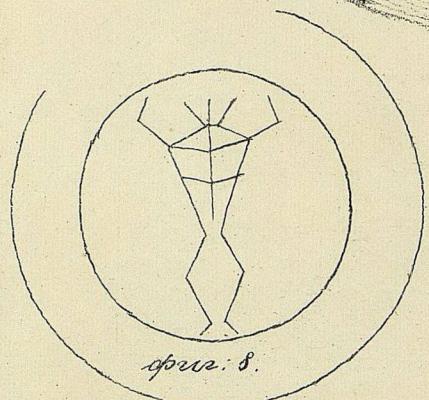
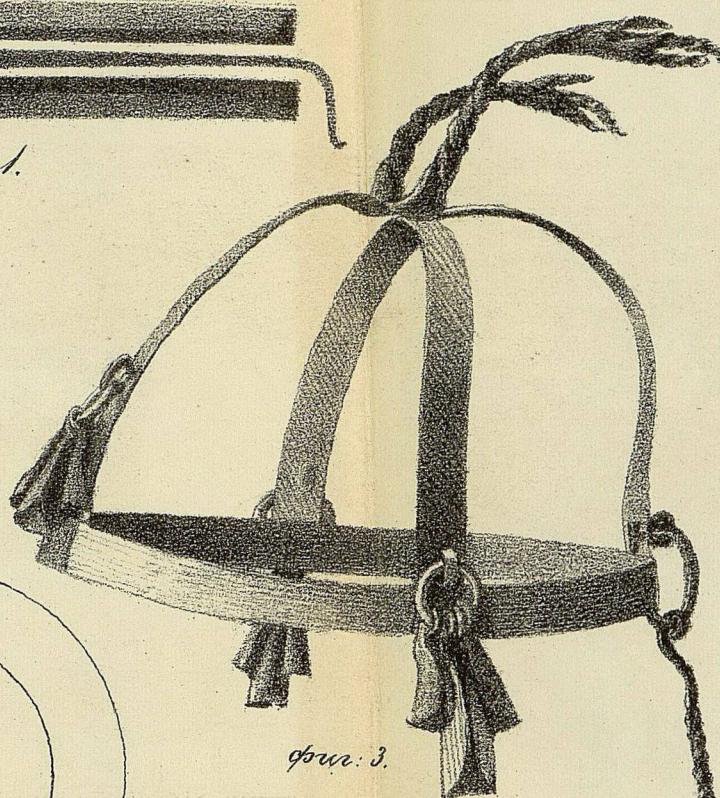
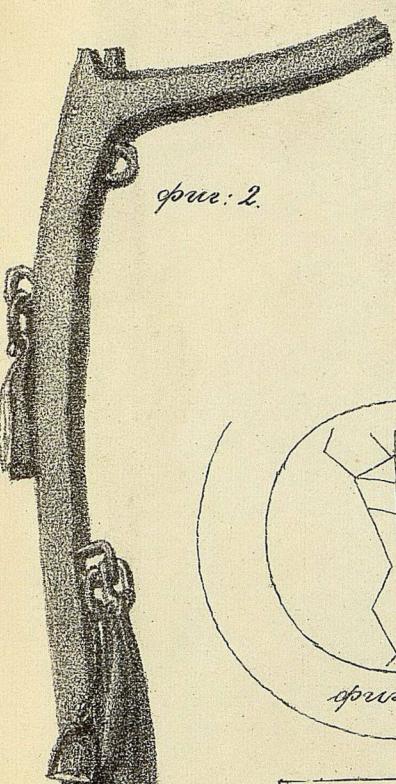
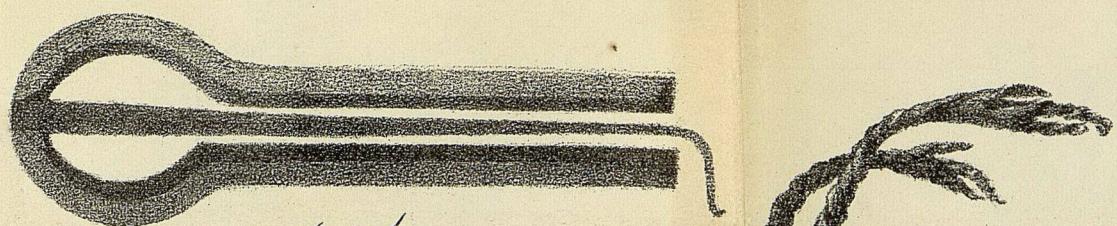
Фур. 3²

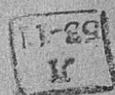
Tab. III.

3

3426.1.2

2007337959